U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class 3

Book

YUDIN COLLECTION

НАРОДНЫЯ

ЮЖНОРУССКІЯ ПѢСНИ.

ИЗДАНІЕ

АМВРОСІЯ МАРКЕВИЧА.

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи.

1854.

НАРОДНЫЯ

ЮЖНОРУССКІЯ ПѢСНИ.

Metlinskiĭ, Amvrosiĭ Luk'ianovich.

Narodnyia iuzhnorusskiia piesni.

НАРОДНЫЯ

ЮЖНОРУССКІЯ ПѢСНИ.

ИЗДАНІЕ

АМВРОСІЯ МЕТЛИНСКАГО.

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи.

1854.

PG3926
M4
1854

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ, 2 Февраля 1854 года.

Цензоръ *Д. Мацкевичъ.*

TF May 23,62

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Оставляя надолго, быть можетъ и навсегда, матерь городовъ русскихъ, Кіевъ. передаю матери моей Россіи этотъ плодъ многолѣтнихъ посильныхъ занятій памятниками языка и словесности русскаго народа. Проведши большую часть моей жизни на югѣ Россіи, я могъ трудиться надъ разработкою народнаго слова русскаго преимущественно только на одной изъ нивъ обширнаго поля царства русскаго, южнорусской, или украинской. Усердно воздѣлывая то, что досталось въ удѣлъ, по волѣ Промысла, на мою долю, я утѣшался и одушевлялся мыслію, что всякое нарѣчіе, или отрасль языка русскаго, всякое слово и памятникъ слова есть необходимая часть великаго цѣлаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, источникъ его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія, несомнѣнный признакъ кровнаго единства и залогъ святой братской любви между его единовѣрными, единородными сынами и племенами. Языкъ русскій, какъ и всякій другой, образуется писателями; но силу свою и природное богатство беретъ изъ первоначальныхъ чистѣйшихъ родниковъ своихъ, изъ нарѣчій народныхъ, словно великая рѣка отовсюду, но болѣе всего изъ родной земли, почерпающая свои воды и восполняющая шумное море языковъ человѣческихъ. Такъ величіе цѣлаго зависитъ отъ правильнаго развитія частей. Словесныя произведенія каждаго русскаго племени заключаютъ въ себѣ и раскрываютъ часть богатства общаго, великаго народнаго духа.

Желая продолжать свои труды по изученію народности, ежели Богу будетъ угодно, съ благодарностію приму всякое содѣй-

ствіе и пособіе, необходимое въ этомъ дѣлѣ и всякія благонамѣренныя и правдивыя замѣчанія. Считаю небезполезнымъ изложить нѣсколько замѣчаній о народной поэзіи и настоящемъ изданіи народныхъ пѣсень.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ были и есть люди съ особенною силою ума и рѣчи (розу́мни, ричы́сти), съ особенною силою сло́ва (мо́вы, вымо́вы), которымъ вообще человѣкъ, разумный, словесный, превосходитъ живущихъ, но не мыслящихъ—безсловесныхъ. Эти люди еще до начала письма и грамотности (неписме́нни и негра́мотни), изъ глубины души своей—чувства и мысли, мечты и волю, впечатлѣнія міра и событія жизни, короче сказать, истинное, доброе, прекрасное, прирожденное душѣ человѣка, выразили въ словѣ, въ пѣсняхъ, пословицахъ, сказкахъ, преданіяхъ, съ такою силою и красотою, что слово ихъ не прошло мимо, не забыто и не забывается услышавшими, но сохранено и сохраняется, и передается потомству для увѣковѣченія, какъ выраженіе не скоропреходящихъ нуждъ временныхъ, но вѣчныхъ помысловъ (иде́й) души человѣческой.

При такомъ образованіи народной словесности, кромѣ умовъ творческихъ, создающихъ прекрасныя произведенія сло́ва, всегда и вездѣ были и есть люди воспринимающіе, хранящіе и передающіе другимъ, увѣковѣчивающіе и поддерживающіе въ народной памяти эти произведенія. Это тѣ воспріимчивые, страдательные геніи, по выраженію поэта въ наукѣ поэзіи (Жанъ-Поль въ Преддверіи Эстетики, Vorschule der Aesthetik), посредники между народомъ и трудами творческаго генія, которые безсильны выразить своими словами, на языкѣ людей, свою чистую любовь и глубокую душевную воспріимчивость чутко слышимаго ими духа поэзіи, вѣющаго во вселенной; это люди глубоко сочувствующіе поэзіи, и отражающіе сіяніе генія, какъ мѣсяцъ свѣтъ солнца.

Въ юности народа, какъ и въ вѣка его просвѣщенія, вели-

чія и славы, есть люди съ любовію къ природной силѣ и прелести народной поэзіи, народной пѣсни, къ языку народному, простому, необработанному писателями, но чистому, сильному, самобытному, безъ примѣси чужеземщины.

Между тѣмъ какъ дѣятельные, творческіе народные умы воздѣлывали, обогащали, украшали языкъ народный, выражая мысли, чувства, событія, въ пословицахъ, пѣсняхъ, сказаніяхъ, врѣзывавшихся въ памяти родичей, — люди, способные вмѣщать въ душѣ своей выраженное другими, воспринимали, подобно доброму полю, живое слово, какъ плодъ прошедшаго и сѣмя для будущаго, и хранили его въ сердцѣ своемъ, и передавали изъ рода въ родъ изустно и потомъ письменно, какъ завѣтъ отъ предковъ для потомства. Но чудный даръ вдохновенія и пѣсень рѣдко цвѣтетъ на лонѣ счастія, рѣдко сопровождается благами жизни, и пѣвцы, улетая душею въ область мечтаній, нерѣдко обдѣляются земными благами, по сказанію древности и одного изъ своихъ собратовъ (стихотворе́ніе Шиллера — Theilung der Erde), и быть можетъ къ нимъ-то примѣняется поговорка «голе и гостре якъ брытва». По-этому-то остатками старыхъ преданій свѣтъ большею частію обязанъ скитальческой судьбѣ бездомныхъ странниковъ, нищихъ, слѣпыхъ старцевъ, которыхъ память—живая книга минувшаго.

Славянская семья народовъ, и главнѣйшій среди нея народъ русскій, справедливо славится неисчерпаемымъ богатствомъ народной поэзіи. Виновники этого богатства неизвѣстны. Эти произведенія невѣдомыхъ умовъ, какъ дикіе полевые цвѣты, будто сами собою выросли на полѣ народной жизни, взлелѣянные природою, въ такой чудесной красотѣ слова, въ какую облекалась мысль только у лучшихъ изъ поэтовъ. Живое народное слово, исполненное прадѣдовскихъ поученій, долголѣтней богатой житейской опытностіи, хранитель древнихъ

преданій, памятникъ древнихъ событій, сокровище слезъ и радостей, народныхъ чувствъ и мыслей за нѣсколько столѣтій, раздается и поется на просторѣ царства русскаго отъ степей и до морей, и живетъ и растетъ по домамъ и по путямъ, на поляхъ и на рѣкахъ, какъ воды и лѣса, какъ горе и счастіе, какъ печаль и радость. Оно близко духу и сердцу народному и благотворно для его нравовъ. Оно можетъ долго существовать безъ пособія грамоты, тогда какъ слабыя литературныя произведенія, издѣлія подражательной словесности, не проявляющія силы душевной, скоро забываются и смѣняются другими, не смотря на усилія книжныхъ промышленниковъ поддерживать ихъ всѣми способами торговой смѣтливости.—Преданіе сохранило намъ имена козаковъ Кирши Данилова и Семена Климовскаго, будто бы собравшихъ и сохранившихъ нѣсколько народныхъ пѣсень во время преобразованія Россіи. Стремленіе къ народному направленію въ словесности усиливается съ Карамзина и особенно съ 1825 года. Со времени обращенія нашей словесности къ народному самопознанію, появилось довольно много изданій и объясненій памятниковъ языка и словесности народной по всѣмъ ихъ отраслямъ, или нарѣчіямъ. Мало по малу распространились между образованными людьми разумныя понятія и справедливое уваженіе къ нашему родовому наслѣдію, къ этимъ почтеннымъ остаткамъ словесной старины и живымъ свидѣтелямъ древняго и современнаго состоянія нашего языка и народа и его единства и разнообразія въ различныхъ областяхъ царства русскаго. Изученію нашего отечества въ отношеніи къ народному языку и словесности содѣйствовали незабвенными своими трудами: Россійская Академія и потомъ заступившее ея мѣсто Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, Географическое Общество и другія ученыя общества и коммисіи, издатели и сотрудники отечественныхъ журналовъ, сборниковъ и газетъ, а изъ частныхъ лицъ

особенно—Снегиревъ, Князь Цертелевъ, Максимовичъ, Срезневскій, Сахаровъ, Кирѣевскій, Котляревскій, Артемовскій-Гулакъ, Крыловъ, Загоскинъ, Квитка-Основъяненко, Даль-Луганскій, и многіе другіе. Излишнимъ было бы распространятся здѣсь о важности только что указанныхъ и подобныхъ имъ трудовъ, на которыхъ основывается и которыми воспитывается въ народѣ уваженіе къ своему собственному, къ самимъ себѣ, которыми устраняется неразумное пристрастіе ко всему чужеземному и чужеязычному и облегчается путь самопознанія и самосовершенствованія. Въ произведеніяхъ простонародной словесности чистосердечно раскрывается передъ просвѣщенными людьми душа малообразованнаго, добродушнаго простолюдина, съ достоинствами и слабостями, нравами и страстями, привычками и понятіями, какъ-бы для того, чтобы, увидѣвъ его въ этой картинѣ его собственнаго произведенія, могли полюбить его и помочь его несовершенству.

Узнавши съ дѣтства украинское нарѣчіе языка русскаго, или простонародный языкъ южнаго края Россіи, и будучи убѣжденъ, что изученіе и объясненіе его можетъ послужить къ объясненію и обогащенію нашего общаго, господствующаго языка русскаго, сложившагося, образовавшагося, обогащающагося и совершенствующагося изъ различныхъ элементовъ и особенно изъ своихъ нарѣчій, я издалъ, на этомъ нарѣчіи, въ 1839 году Думкы и писни, въ 1848—Южный Русскій Зборникъ, въ 1852—Байкы Боровыковського, что и удостоилось благосклоннаго пріема со стороны образованныхъ читателей. Во все это время, при случаѣ и досугѣ, я собиралъ пѣсни и другія произведенія народной словесности. Въ этомъ оказывали мнѣ пособіе и нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ. Считаю долгомъ своимъ за такое содѣйствіе выразить здѣсь искреннѣйшую благодарность всѣмъ имъ, особенно Н. М. Бѣлозерскому, М. А. Маркевичевой, С. Л. Метлинскому, С. Д. Носову. При окончательномъ пересмотрѣ пѣсень оказалось весьма

много или уже напечатанныхъ, или весьма сходныхъ между собою, или несохранившихся въ первоначальной красотѣ и силѣ и потому болѣе или менѣе слабыхъ по содержанію и формѣ. При ограниченныхъ средствахъ для изданія, я предпочелъ, при окончательномъ выборѣ, только то, что нигдѣ ненапечатано (кромѣ немногихъ исключеній), и дѣйствительно достойно вниманія въ какомъ-нибудь отношеніи. Не допуская произвола въ составленіи пѣсень изъ нѣсколькихъ варіантовъ (различій), я печаталъ несходные стихи варіантовъ особо, указывая куда, т. е., къ какимъ стихамъ главной пѣсни, они относятся. Если варіанты казались особенно замѣчательными по чему либо (напримѣръ, весьма различаясь или относясь къ любимѣйшимъ пѣснямъ), то и вполнѣ печатались, какъ образцы различной обработки одной первоначальной пѣсни. При пѣсняхъ именами городовъ означены уѣзды, въ которыхъ эти пѣсни записаны. Что касается до времени ихъ записыванія; то пѣсни, сообщенныя Н. В. Гоголемъ (записанныя, вѣроятно, въ Полтавской губерніи) доставлены, въ 1832–1834 году, Н. Д. Бѣлозерскому,—Гадячскія и Острогожскія записаны, большею частію, около 1840—1846 года, а остальные нѣсколько позже. Употребленное здѣсь правописаніе, или способъ изображенія звуковъ народной рѣчи видимыми знаками, буквами, не можетъ затруднять читателя, знающаго русскую грамоту, означая буквами только такіе звуки, для которыхъ эти буквы обыкновенно и наичаще употребляются, т. е., напримѣръ, *того*, *хороше* читай какъ написано, а не *тово*, *хараше*. Это удобство для чтенія въ правописаніи по произношенію тѣмъ необходимѣе должно было предпочесть словопроизводному правописанію, что выговоръ и чтеніе въ нарѣчіи народномъ, неустановившемся литературою, весьма сбивчивы. Впрочемъ, какъ ни просто чтеніе по принятому здѣсь способу писанья, не лишнимъ считаю замѣтить: Е, е, послѣ согласныхъ произносится твердо, какъ по

церковнославянски ѣ въ такомъ же случаѣ или э (идé — идэ); если этотъ звукъ надобно произнести мягко, что рѣдко случается, то употреблено є (сынє — сыньэ). Е, е, вначалѣ и послѣ гласныхъ произносится мягко, какъ по-великорусски (есть, мое). И, и, послѣ гласныхъ, а иногда и вначалѣ, произносится какъ йи (мои — мойи, ихъ — йихъ, іи — йийи, йде — йиде, йимó, йдуть, йидя́ть). Ы, ы, всегда произносится нѣсколько мягче великорускаго ы. Окончаніе ться въ глаголахъ произносится цьця, но пишется ться, чтобъ не затемнять значенія словъ, и потому, что тс само собою переходитъ при выговорѣ въ ц, какъ и по-великорусски (спыться—спыцьця, быться—быцьця, кажется—кажетца, снится—снитца). Поэтому же и бьешся, галочци обыкновенно выговаривается бьесся, галоцци. Изображая народное произношеніе, я придерживался говора господствующаго, распространеннаго по украинѣ, и соблюдаемаго почти одинаково какъ издателями, такъ и писателями. Этимъ хочу сказать, что ежели какія нибудь пѣсни (а ихъ очень немного) записаны на крайнихъ предѣлахъ украинскаго нарѣчія, представляющихъ его нечистое, шаткое, сбивчивое произношеніе, то и эти пѣсни напечатаны по обыкновенному произношенію. Я предпочелъ это на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) цѣлію моей было представить читателю сборникъ народныхъ украинскихъ пѣсень, а не образцы мѣстныхъ измѣненій господствующаго произношенія; 2) при небольшомъ числѣ пѣсень изъ мѣстъ смѣшаннаго (ломанаго) говора, соблюденіе произношенія, подмѣченнаго отчасти въ этихъ пѣсняхъ, и не всегда притомъ съ большою точностію, своею особенностію нарушило бы единство нарѣчія, не объяснивъ его видоизмѣненій: 3) мѣстное измѣненіе говора не всегда подмѣчалось и соблюдалось записывавшими, а потому удержаніе кое-какихъ оттѣнковъ мѣстныхъ говоровъ только ввело-бы изслѣдователя въ ошибки на счетъ этихъ оттѣнковъ; 4) одни и тѣже

пѣсни въ весьма немногихъ мѣстахъ поются по мѣстному выговору, въ другихъ же по областному, въ большей же части мѣстъ по главному, чистому произношенію большинства, многолюдства, а потому при соблюденіи говора различныхъ мѣстъ пришлось бы одно и тоже печатать во многихъ видахъ. Словомъ, у меня не было и не могло быть ни цѣли, ни средствъ представить образчики мѣстныхъ измѣненій нарѣчія, хотя я вполнѣ цѣню подобный трудъ, понимая впрочемъ неудобство и неумѣстность его соединенія съ моимъ трудомъ. Избѣгая неумѣстной пестроты произношеній въ народномъ языкѣ и народной поэзіи, я однакожь не лишалъ языкъ того разнообразія, которое замѣтно въ главномъ его нарѣчіи и свойственно всякому народному устному говору, нерѣдко условливая благозвучіе рѣчи. Примѣры такаго разнообразія: чи, чы; мени, мини, мыни; чорныи, чорніи; вечер, вечир, вечор; да, та; улыця, йулыця; вже, уже, йуже; пиде, пійде; тоди, тогди; колочок, килочок; худобонька, худибонька и такъ далѣе. Допущеніе такого различія въ произношеніи словъ встрѣчается при сличеніи различныхъ прежнихъ изданій на языкѣ народномъ. Такъ у Основъяненка (повѣсти): чы, мыни, тилки, неситъ, промежъ, вичныи, ходитъ, весильля, мотаетця; у Котляревскаго (энеида): чи, весилля, тилько, вернется, пьяни, боляцци; у Максимовича (пѣсни): идутъ, опрощенье, чи, пъядь, тильки (тилькы), пье, и проч.

Считая самымъ важнымъ дѣломъ прежде всего изданіе текста народной поэзіи, я почти не прилагаю здѣсь примѣчаній и объясненій, предоставляя себѣ или другимъ сдѣлать это современемъ, при досугѣ и способахъ. Иные, правда, любятъ умничанья о поэзіи болѣе самой поэзіи, но о такихъ народъ выразился бы своею пословицею «глухому писню спиваты». Теперешнему труду моему, надѣюсь, всякій отдастъ справедливость, кто только можетъ понять, что значитъ добросовѣстное изданіе текста народ-

ныхъ произведеній. Кромѣ его записыванія лично и чрезъ другихъ, надобно было сличить множество списковъ, отдѣлить множество пѣсень одинаковыхъ, неисправно записанныхъ, слабыхъ, уже напечатанныхъ, варіантовъ неважныхъ,—опредѣлить произношеніе при разнообразіи правописанія, опредѣлить и означить смыслъ и связь въ рѣчи посредствомъ знаковъ препинанія, установить раздѣленіе стиховъ, придумать систему, обнимающую разнородныя пѣсни, и подвести подъ нее эти пѣсни и т. п. При всемъ этомъ конечно нельзя было избѣжать какихъ нибудь ошибокъ, недосмотровъ, а еще менѣе возможности избѣжать того, что кому нибудь можетъ показаться ошибкою. Такъ, напримѣръ, нерѣдко смыслъ какого нибудь выраженія можно понимать различно, а отъ этого зависитъ и различіе въ знакахъ препинанія. Иногда стихи можно дѣлить различно: что одинъ приметъ за пресѣченіе одного и того же стиха, то другой можетъ считать стихомъ особеннымъ. Риѳма не всегда служитъ здѣсь указателемъ окончанія стиховъ; она попадается и среди стиха. Вообще народное стихосложеніе еще ожидаетъ ученаго изслѣдованія. Замѣтимъ только здѣсь, что весьма любимый и употребительный украинскій стихъ обыкновенно состоитъ изъ 14 слоговъ, или 7 паръ, изъ которыхъ 4-ю парою оканчивается первая половина стиха посредствомъ пресѣченія, съ концемъ какаго нибудь слова, и поэтому стихъ можетъ быть раздѣленъ надвое посерединѣ, и образовать два стиха: одинъ изъ 4-хъ, а другой изъ 3-хъ паръ слоговъ. Каждыя двѣ пары слоговъ, кромѣ послѣдней, отдѣльной, имѣютъ только одно удареніе на 2-мъ или на 3-мъ слогѣ (почему и можно ихъ принять за стопу), и притомъ такъ, что хотя бы изъ 4-хъ слоговъ и два имѣли на себѣ удареніе, то только одно удареніе выдерживается, а другое ему подчиняется. Такъ слышится—козáкъ добрый, козакъ дóбрый, козáкъ ишовъ, ишóвъ козакъ, какъ если бы было—козá-

ченько, козаче́нько, но не выдерживаются ударенія такимъ образомъ — коза́къ до́брый, коза́къ ишо́въ, ишо́въ коза́къ, до́брый коза́къ и т. п. Примѣръ такого стиха:

Йшлы коро́вы | из дибро́вы, | а ове́чкы | з по́ля;
Выплакала | кари о́чи | крій козака́ | сто́я . . .
Хыли́теся, | густи ло́зы, | видкиль ви́тер | вie;
Дыви́теся, | кари о́чи, | видкиль мы́лый | и́де.
Хылы́лыся | густи ло́зы,
Та вже́ пере | ста́лы;
Дывы́лыся | кари о́чи,
Та й пла́каты | ста́лы.

Ударенiе изрѣдка встрѣчается и на 1-мъ или 4-мъ слогѣ:

Из за горы́ | витер вie, | жы́то поло | вie;
На козака́ | худа сла́ва, | що робыть не | вмie.

Распредѣленiе пѣсень вполнѣ и для всѣхъ удовлетворительное почти невозможно, какъ потому, что, по народному выраженiю, «той ще не родывся, хто-бъ усимъ угодывъ,» такъ и потому, что произведенiя народныхъ вдохновенiй, какъ все живое и естественное, съ трудомъ укладываются въ какую бы то ни было систему, всегда болѣе или менѣе произвольную. Есть много пѣсень сходныхъ въ различныхъ видахъ или отдѣлахъ ихъ, потому что эти виды или отдѣлы пѣсень не всегда рѣзко различаются и отдѣляются одни отъ другихъ. А между тѣмъ безъ приведенiя пѣсень въ стройный порядокъ нельзя обойтись уже и потому, что безъ того не было бы возможности ни помнить ихъ, ни обозрѣть, ни представить по нимъ народную жизнь. Азбучный порядокъ совершенно неудобенъ въ этомъ случаѣ: множество одинакихъ пѣсень различны только своими начальными словами или буквами, и были бы при этомъ раздѣлены, а другiя, несходныя между собою, сошлись бы вмѣстѣ. Здѣсь пѣсни распредѣлены на основанiи различiя ихъ

отчасти принимаемаго самимъ народомъ, отчасти заключающагося въ его пѣсняхъ, словомъ, принятъ порядокъ, казавшійся самымъ простымъ, полнымъ и естественно обнимавшимъ разнообразіе народной пѣсенной поэзіи. Пѣсни идутъ въ такомъ порядкѣ:

А. Пѣсни житейскія, собственно относящіяся къ жизни, или вѣку, человѣка, съ различными его возрастами, имѣющія своимъ предметомъ житейскія событія и случаи, положенія и отношенія, и возникающія изъ нихъ и при нихъ чувства и страсти, отъ колыбели до могилы. Это восходящія и нисходящія ступени жизни. У подножія ихъ младенецъ съ матерью, приникшею къ его колыбели, съ убаюкивающею, лелѣющею его пѣснію (а, пѣсни колыбельныя). Потомъ, выше, юность и любовь, съ ласкою и нѣжностію, безпечностію и тревогами, радостію и печалію, разлукою, ревностію, постоянствомъ, измѣною, бѣдствіями и надеждами на лучшее (б., пѣсни любовныя). Верхняя ступень человѣческой жизни, средина ея зрѣлости, занята торжествомъ свадьбы, съ различными обрядами и далеко-несущимися пѣснями, приличными положенію «молодыхъ», какъ послѣдствію прошедшаго и началу будущаго ихъ взаимнаго отношенія (в., пѣсни свадебныя). Супружество ведетъ за собою семейныя и родственныя отношенія и событія, и возникающія при этомъ чувства и страсти, выражаемыя въ пѣсняхъ, сопровождающихъ человѣка во всю его жизнь, при нисхожденіи его къ старости и смерти (г., пѣсни семейно-родственныя). Наконецъ надъ прахомъ, надъ бездушнымъ тѣломъ человѣка, и надъ мѣстомъ его послѣдняго успокоенія, въ ранней ли молодости, или въ старости, раздаются причитанія и плачи его матери или его дѣтей, его родныхъ и ближнихъ (д., пѣсни или причитанія погребальныя и поминальныя).

Б. Другой кругъ пѣсень, находящійся въ близкой связи

съ пѣснями житейскими, вѣкожизненными, это пѣсни годовыя, пѣсни народнаго года, съ его днями и трудами, занятіями и работами, играми и праздниками. Здѣсь, большею частію подъ открытымъ небомъ, при впечатлѣніяхъ разнообразныхъ временъ года, сердце простолюдина раскрывается предъ Господомъ, славитъ его благость, и пѣніе подобно благовѣсту раздается надъ землею и несется по воздуху подобно ѳиміаму; здѣсь и слѣды исчезнувшихъ старинныхъ вѣрованій, перешедшихъ въ невинное увеселеніе. Сюда относятся: а) веснянки, что поются по большей части при играхъ, въ танкахъ, или хороводахъ; б) пѣсни русальныя, съ памятью о русалкахъ, поются около времени праздника Троицы, на Зеленой недѣлѣ; в) купаловыя, что поются при обрядахъ Ивана Купала; г) петривочныя, можно сказать—пѣсни лѣта, средолѣтнія, получившія названіе отъ времени Петривокъ, Петрова поста; д) косарскія, или косовичныя, пѣсни косарей, при косовицѣ; е) гребецкія, пѣсни гребцевъ, при собираніи сѣна; ж) зажнивныя и обжинковыя, во время и подъ конецъ жатвы; з) осеннія, при осеннихъ работахъ и сходбищахъ; и) колядки поются подъ окнами домовъ на праздникъ Рождества Христова, и по содержанію своему относятся къ воспоминанію стариннаго быта и прославленію праздника; і) щедривкы, подъ новый годъ, содержатъ въ себѣ поздравленіе и пожеланіе домашняго и хозяйственнаго благосостоянія; к) новогоднія, на новый годъ, посыпальныя, при посыпаніи домовъ пашнею, состоятъ изъ поздравленій и желаній счастія. Вообще въ пѣсняхъ весны, лѣта и осени рисуются картины природы и возбуждаемое ими различное настроеніе сердца; въ зимнихъ сосредоточивается воспоминаніе и мечтательность, подъ покровомъ преданій, о странахъ далекихъ и вѣкахъ минувшихъ съ образами изъ миѳическаго періода.

В. Въ связи съ житейскими и годовыми пѣснями, вслѣдъ за этими послѣдними, и какъ выводъ опытности изъ вѣковъ жизни и годовыхъ трудовъ, помѣщаются пѣсни нравственныя, назидательныя, поучительныя: о людскихъ правахъ и людской долѣ, понятія о нравственномъ и безнравственомъ, о добрѣ и злѣ, и разныхъ предметахъ народныхъ догадокъ и любознательности.

Пѣсни нравоучительныя иногда являются въ формѣ думы, или стиховъ вольнаго, неравнаго размѣра, близкаго къ благозвучной прозѣ съ риѳмами, и этимъ сближаются съ отдѣломъ:

Г. Пѣсень былевыхъ, изображающихъ внѣшнія событія народной жизни. Здѣсь изображается яркими картинами борьба Украины за христіанство и православіе съ Западомъ, стремившимся расторгнуть родственный союзъ славянорусскаго племеннаго единства, и постоянными врагами христіанства, Турками и Татарами. Здѣсь подвиги и и мученичество народныхъ витязей (лыцарей), побѣды и битвы, торжество и страданіе, въ шумѣ оружія и потокахъ своей и вражьей крови, и памятники изъ костей по степямъ, остановившія лютыхъ враговъ, стремившихся на истребленіе христіанскаго просвѣщенія.

Д. Въ бытовыхъ пѣсняхъ изображается бытъ и занятія различныхъ сословій, возникшихъ раньше или позже изъ обстоятельствъ историческаго развитія.

Е. Въ пѣсняхъ шуточныхъ проявляется комическій, сатирическій, юмористическій, шутливый, или жартовливый, взглядъ народа на отношенія и случаи жизни ,семейныя и бытовыя, и притомъ эти пѣсни прилично помѣстить въ концѣ по причинѣ, большею частію, позднѣйшаго, или новѣйшаго, ихъ происхожденія.

И такъ, основаніе дѣленія пѣсенной поэзіи, жизнь и вѣкъ, годъ и его трудъ, мысль и дума о жизни, быль историческая и память о жизни съобща, бытъ и образъ жизни,

жартъ или шутка, выражается въ такомъ порядкѣ пѣсень: житейскія (колыбельныя, любовныя, свадебныя, семейнородственныя, поминальныя); годовыя (веснянки, русальныя, купаловыя, петривочныя, косарскія, гребецкія, зажнивныя, осеннія, колядки, щедривки, новогоднія); нравственно-поучительныя; былевыя различныхъ временъ жизни народной; бытовыя (козацкія, чумацкія, сиротско-бурлацкія, солдатскія, промышленницкія); шуточныя.

Если этотъ выпускъ простонародныхъ украинскихъ пѣсень удостоится вниманія просвѣщенныхъ любителей всего русскаго, народнаго; то я постараюсь современемъ издать и другіе выпуски пѣсень и другихъ произведеній народной словесности, а можетъ быть, для объясненія ихъ, словарь и примѣчанія. Само собою разумѣется, что это дѣло не можетъ имѣть успѣха безъ содѣйствія образованныхъ читателей.

Совершенно понимая всю важность собранія и сохраненія музыки, или напѣвовъ, народной поэзіи, я, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ—достигнуть этого, увидѣлъ, что, не имѣя музыкальнаго образованія и другихъ достаточныхъ для этого средствъ, долженъ предоставить это занятіе другимъ.

Передавая свѣту этотъ памятникъ народной поэзіи, составленный многолѣтними трудами, желаю отъ всей души и молю Бога, да послужитъ эта простая народная поэзія на пользу науки языка русскаго во всѣхъ его отрасляхъ, еще болѣе обогатитъ нашъ общій и богатый языкъ русскій и его словесность, и возвыситъ взаимное познаніе и любовь между всѣми племенами и сословіями нашего великаго отечества.

Издатель *Амвросій Метлинскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . . V—XIX.

I. Пѣсни житейскія:

1. Колыбельныя. . . . . 1.
2. Любовныя . . . . . 5.
3. Свадебныя . . . . . 123.
4. Семейно-родственныя . . . . . 237.
5. Поминальныя . . . . . 292.

II. Пѣсни годовыя:

6. Веснянки. . . . . 294.
7. Русальныя . . . . . 308.
8. Купальскія . . . . . 310.
9. Петривочныя. . . . . 312.
10. Косарскія . . . . . 314.
11. Гребецкія . . . . . 316.
12. Зажнивныя . . . . . 322.
13. Осеннія . . . . . 328.

III. Пѣсни и думы поучительныя . . 315.

IV. Думы и пѣсни былевыя:

14. До временъ козачества. . . . . 373.
15. Съ козачества до Уніи . . . . . 374.
16. отъ Уніи до Богдана Хмельницкаго . . . . 377.
17. Временъ Богдана Хмельницкаго. . . . . 385.
18. Отъ начала до конца XVIII вѣка . . . . . 425.
19. Неизвѣстныхъ временъ . . . . . 434.

V. Пѣсни бытовыя:
20. Козацкія . . . . . 447.
21. Чумацкія . . . . . 453.
22. Бурлацко-сиротскія . . . . . 459.
23. Солдатскія . . . . . 165.
24. Промышленницкія . . . . . 466.
VI. Пѣсни шуточныя . . . . . 467.

ПѢСНИ ЖИТЕЙСКІЯ.

КОЛЫБЕЛЬНЫЯ.

Ой ты коте, коточок!
Не ходы рано в садочок,
Не полохай дивочок,
Нехай зовьють виночок
Из рутонькы, из мьятонькы,
З хрещатого барвиночку,
З запашного васылечку.
Ой спы, дытя, до обида,
Покиль маты з миста прыйде
Да прынесе тры квиточкы:
Ой первую зрослывую,
А другую сонлывую,
А третюю щаслывую,
Ой щоб спало, щастя знало,
Ой щоб росло, не болило,
На серденьку не кволыло.
Сонькы-дримкы в колысонькы,
Добрый розум в головонькы,

А ристочкы у кисточкы,
Здоровьячко у сердечко,
А в роточок говорушкы,
А в ниженькы ходусенькы,
А в рученькы ладусенькы.

(Глухов.)

Ой був соби коточок,
Украв соби клубочок,
Та сховався в куточок,
Щоб люды не зналы—
Котка не лаялы.

(Радомысль.)

Люляю, люляю,
Побъю котка, полаю,
Щоб по ночах не ходыв,
Малых диток не будыв.

Ой ходыть сон коло викон,
А дримота коло плота,
Пытается сон дримоты:
Де ты будеш ночуваты?—
Там де хата тепленькая,
Де дытынка маленькая,—
Там я буду ночуваты,
Дытыноньку колыхаты.

(Радомысль.)

Ой ты, коте сирый,
Не ходы до сйней;

А иды до хаты—
Дытя колыхаты.

(Радомысль.)

Ой люли, люли,
Чужым диткам дули,
А нашому калачи,
Щоб спало у ночи.

(Радомысль.)

А на кота гуркота,
А на диты дримота;
А на кота все лыхо,—
Ты, дытынко, спы тыхо!

(Радомысль).

Коточок, коточок
Злызав бабын медочок . . .
Сама баба злызала,
И на котка сказала!

(Радомысль.)

Котыно, котыно!
Пойдемо по сино.
Ты будеш сино класты,
А я буду волы пасты.

(Радомысль.)

А, а! котку!
Не лизь на колодку,
Бо забъеш головку,—
То буде болиты.

Ничым завертиты.
Була в мене намиточка,
И ту диткы вкралы,
На лялькы побралы.
Купы, маты, шовку
Завынуть головку.
Шовковыи вервéчкы,
Колысочка швабська,
Дытыночка панська;
Золотыи быльця,
Колышу я чорнобрывця.

(Радомысль.)

А кулык намые,
А чаечка намыче,
А сорока напряде,
А кочубей вытче,
А билыи лебеди
Та й убилють на води,
А билыи щукашечкы
Да й помыють рубашечкы.

(Черниг.)

ПѢСНИ ЖИТЕЙСКІЯ.

ЛЮБОВНЫЯ.

Дивчино моя, Переясловко,
Дай мени вечеряты, моя ластовко!
Я-ж не топыла, я-ж не варыла,
Пишла по воду, видра побыла.
Я-ж не побыла, постановыла,
З горы покотылысь, да й самы побылысь.
Дивчыно моя, Переясловко,
Поцилуй-же мене, моя ластовко!
Дак що-ж, дак ну-ж, дак поцилую,
Да у тую губоньку да золотую;
Да в той усочок, як колосочок,
Да у тыи бривонькы, чорни як шнурочок,
Да у той выдочок, повен як гурочок.

(Переяслав.)

Ой без мылого соловейка и свит не свитае,
А без мого мыленького гуляньня не мае.

Як вылетыть соловейко, то й свита ранише;
А як выйде мій мыленкый, гулять веселише!

(Гадяч.)

Орав мылый у ярыни, тепер у толоци;
Выплакала кари очи за чотыри ночи.
Та вже-ж мини си чотыри та за десять сталы;
Десь у мого мыленького волыкы прысталы!
Бодай волы жыви булы, а плуг поламався,
Щоб мій мылый из воламы додому прыгнався!

(Гадяч., Лебедин.)

Кармелю-серце! по свиту ходыш,
Не одну дивчину з розуму зводыш.
— Ганнусю-серце! що-ж ты мени дала,
Що мене до себе так прычарувала.
— А в мене чары, чары готови:
Билее лыченько и чорни бровы.
А в мене хата снипкамы вшыта;
Прыйды, Кармелю, хоч буду быта.
Хоч буду быта, знатыму за кого:
Прыстало серденко мое до твого.

(Кіев.)

Ой не выдно його дому, тилько выдно грушу;
Туда-ж мою порывае рано й пизно душу.
Ой не выдно його дому, тилько выдно баню;
Туда-ж мени любо-мыло оченькамы глянуть.
Ой не выдно його дому, тилько выдно хресты;
Туда-ж мени любо-мыло оченькамы звесты.

Ой не выдно його дому, тилько выдно дубчык:
Коло його недалеко жыве мій голубчык.

(Глухов.)

Ихав козак молодый сывым конем з поля:
Счасная и безсчасная та робочая доля,
Що неодну ниченьку пид оконцем ночував,
Пид оконцем ночував, соби дивчыну кохав.
Дивчыно-рыбчыно! куплю, серце, обручку;
Подай, подай крозь кватырочку ручку!
Ходим, ходим, дивчыно, ходим, серце, на мисто,
Куплю тоби намысто, та на шыи повишу,
Та на шыи повишу, вороженькив потишу.

(Радомысль.)

Ой у поли крыныченька на чотыри зводы:
Любыв козак дивчыноньку не чотыри годы;
Любылыся, кохалыся, тай не побралыся,
Тилько наши вороженькы тай повтишалыся.
— Руту сію, руту сажу, руту й полываю;
Ой я тебе, казаченьку, щодня дожыдаю!
— Дивчынонько, сира утко, чи свататы хутко?
— Козаченьку, повна роже, в недилю негоже:
Як дождемо тай осены, то й Бог нам поможе!
— Ой высоко соколови до неба литаты,
Ой далеко козакови до осены ждаты!
— Хоть высоко, невысоко, треба долитаты:
Хоть далеко, недалеко, треба дожыдаты!

(Гадяч.)

Чи я вбрела, чы я вплыла, чи мене пидбыто,—
Чи сам козак не став ходыть, чи його одбыто?

Ой одбывае од берега щука рыба ряску,
Утеряла дивчынонька у козака ласку.
А я-ж тую дрибну ряску зберу у запаску,
А ввечери козакови пидійду пид ласку.
Пидійду-ж я пид оконце, маты горох варыть,
Горох варыть, серце вьялыть, на улыцю барыть.
Ой годи-ж ты, стара маты, гороху варыты,
Пускай дочку на улыцю, ни-з-кым говорыты.
Чи се-ж тоби, моя доню, не на лыхо пишло,
Що учора из вечера тры козакы прыйшло.
Одын сыдыть конець столу, мед-выно кружае;
Другый сыдыть биля його, на скрыпочку грае;
Третій стоить у порога, дивчыны пытае:
— Дивчынонько, сира утко, чи свататы хутко?
— Казаченьку-барвиночку, хоть и в недилечку!
— Дивчынонько, повна роже, в недилю негоже;
Як диждемо тай осены, то й Бог нам поможе.
— Ой высоко соколяти у гору литаты,
Ой далеко дивчыноньци до осены ждаты.
— Хоть высоко, невысоко, треба долитаты;
Хоть далеко, недалеко, треба дожидаты!
— Як лучыться отецькій сын, оддасть мене маты!

(Гадяч.)

Як прыихав мій мыленькый в недилю раненько,
Из коныка излизае: добрый день, серденько! 2.
Ой здорова, моя мыла, ой як ся ты маеш?
Ой сдаеться, моя мыла, иншого кохаеш! 2.
Здоров, здоров, мій мыленькый, ой як ся ты маеш:
Ой сдаеться, мое серце, мене забуваеш! 2.

(Правой стор. Днѣпра.)

Люблю Ляшка!—Любы, доню,
Любы, серце, не бороню;
Постиль буде шовкóва,
Додержыть Ляшок слова.
Люблю Ляшка!—Любы, доню,
Любы, серце, не бороню;
Симсот овець дам с кошары,
Абы з Ляшком була в пари.
Люблю Ляшка!—Любы, доню,
Любы, серце, не бороню;
Зостаешся сама в хати,
Стережыся розмовляты.
Люблю Ляшка!—Любы, доню,
Любы, серце, не бороню;
Тебе Ляшок зведе з ума
И наробыть нам сорома.
Люблю Ляшка!—Любы, доню,
Любы, серце, не бороню.
Не журыся, стара ненько,
Ходыть Ляшок чепурненько,
Люблю Ляшка!—Любы, доню,
Любы, серце, не бороню.
Утинкою называе,
Шлюбу браты помовляе,
Люблю Ляшка!—Любы, доню,
Любы, серце, не бороню.

(Радомысль.)

Чи ты чула, дивчынонько, як я тебе клыкав,
Мымо твои воритечка сывым конем ихав?
Ой хоч чула, хоч не чула, не йозывалася;

В саду була, рожа цвила, я затыкалася.
Уси хлопци на колодци, а мого немае;
Десь мій мылый чорнобрывый коня наповае.
Через тую крыныченьку орел воду носыть:
Матусенька свого сына вечеряты просыть.
Ой вечеряй, моя маты, колы наварыла;
А я пійду на той куток, де дивчына мыла.
Ой хоч мыла, хоч не мыла, абы чорнобрыва:
Вона мене молодого щыро полюбыла.

(Конотоп.)

Коло синей, коло хаты
Ходыть голуб сывый-волохатый,
Ни загнаты, ни зазваты . . .
— Выйды-выйды, мыла, з хаты!
Ты дивчыно пидгирная,
Як та зора ясна вечирняя!
Ты в комори, я на двори;
Выйды, серце, зличым зоры.
— Не личыла да й не буду;
Кого люблю, не забуду.
— Дивчынонька, серце мое!
Сподобалось лычко твое;
Не так лычко, як ти очи:
Мусыв прыйты о-пивночи;
Не так очи, як ти бровы,
Люби, мыли до розмовы;
Не так бровы, як ты сама,
На папери напысана.
Пысав тры дни и тры ночи,
Закиль списав чорни очи.

(Глухов.)

Ой дивчыно, панйночко,
Зподобалось мени твое лычко. 2.
Не так лычко, як ты сама,
На билим папери напысана. 2.
Ты дивчыно, сира утко,
Выйды на йулоньку хоть нехутко. 2.
—Ой не выйду, нема часу,
Вышлю сестру саму меншу: 2.
Таке лычко, така сама,
На билим папери напысана; 2.
Таке лычко, таки й бровы,
Тилько не такая до розмовы; 2.
Таке й лычко, така й мова,
Тилько не такая черноброва. 2.

(Житомир.)

Сыдыть соби козаченько,
Думае, гадае;
Сам зостався на чужыни,
Дружыны немае.
— Нема в мене дружыноньки,
Ни счастя, ни доли,
Сам зостався на чужыни,
Як былына в поли.—
Ходыть голуб коло хаты
Сывый, волохатый;
Як загуде жалибненько,
На серцю тяженько.
— Ой не ходы, голубчыку,
Коло мо'и хаты.
Прынесы мій голосочок

Мылои до хаты.
Ой пиду-ж я до кирныци
Пыты воду з дненьця:
Ой без ножа, без талирки
Не край мого серця.

(Кіев., Бердичев.)

Ты по сим боци, я по тим боци:
Передайся до мене. 2.
Ты чорнявая, кучерявая,
Не здавайся на мене [1]. 2.
Я любыв тебе, я кохав тебе,
А як батько дытыну; 2.
Извьялыв себе, изсушыв себе,
А як витер былыну. 2.
Хоть мынулыся в саду яблучка,
Не мынаються дулькы; 2.
Хоть мынулося женыханьнячко,
Не мынаються думкы. 2.

(Пирятин.)

Ой вышенька, черешенька, верба кучерява;
Дивчынонька козаченька тай прычарувала.
Чаруй, чаруй, дивчынонько, колы довелося:
Уже твое биле лычко з моим понялося.
Породыла мене маты у святу недилю,
Дала мини гирьку долю, ничого не вдію.
Ой пиду я до сусида воза позычаты.

---

(1) Не сворачивай на меня разрыва

Та повезу гирьку долю на торг продаваты.
Люды знають гирьку долю, не йдуть купуваты;
Тай не хочуть купуваты, не хочуть пытаты.
Повезу я гирьку долю з торгу та додому,
Тай ударю гирьку долю з воза та додолу.
От-тут тоби, моя доле, от-тут пропадаты,
14 Що не вмила, що не вмила мене шануваты!

(Гадяч., Лебедин.)

14 Що не вмила, не хотила мене шануваты.

(Гадяч.)

Моя горлычко, голубонько,
Чом улитаеш вид мого порожечка?
Моя гарная дивчынонько,
Чом ты одходыш вид свого сбожечка?
Я-ж тоби биля риченькы
Зрубыв з сосны хоромочку,
Хоромочку та з виконечком:
Сидай, моя дивчынонько,
Пид виконечком;
Выжыдай з поля чыстого
Твого козаченька!

Гадяч., Лебедин.

Купалося та два голубонькы,
Та на дубовій кладци:
Пидмовлялы два козаченькы дивчыноньку
Та не ввечери, вранци.
Ой пидмовлялы, медом частувалы,
З золотого кубка.
Вона прохожала промеж казаканы.

А як сыва голубка.
— Ой куды ты йдеш, куды й одъизжаеш,
Ты козаченьку Марку?
А на що-ж ты мене покыдаеш
У мурованим замку?
Не саму-ж я тебе, молода дивчыно,
Тепер покыдаю,
Покыдаю тоби, молода дивчыно,
Козаченькив двисти:
Выбирай, вызырай, молода дивчыно,
Который пид мысли.
Выбирала-ж я, вызырала-ж я,
Та немае такого,
Нема до любови, нема й до розмовы,
Й до серденька мого.
На палычку зпиткнулася,
На злуктечко впала;
Я полюбыла пройдысвита,
Тай навикы пропала.

(Харьков.)

Тыхо, тыхо Дунай воду несе,
А ще тыхше дивка косу чеше;
Вона чеше да на Дунай несе:
Плывы, косо, уплынь за водою,
Плывы, косо, уплынь за водою,
Щоб наложыв нелюб головою!
Нема краю тыхому Дунаю;
Нема впыну вдовыному сыну,
Нема впыну вдовыному сыну,
Що звив з ума дивку сыротыну.

Ой извившы, на коника сившы:
Зоставайся, славы набирайся;
Ой я молод славы не боюся,
Пійду з села, зараз оженюся;
Мени, дивко, та прышыють квитку,—
Тебе, дивко, завертять в намитку.

(Черниг. Конотоп.)

Ой ты дубе кучерявый!
Шырокый лыст на тоби.
Ты козаче молоденькый!
Дурный розум у тоби.
Ой на дуби кучерявим
Шырокый лыст опаде,
Дурный козак молоденькый
Без розуму пропаде.
Ты божывся, прысягався:
Не покыну я тебе!
Тепер мене покыдаеш,
Серцю жалю завдаеш.
Иды-ж ты у Божу путь,
А я пойду в темный лис,
В темный лис, в темный лис,
Нехай мене звирь изъисть.
Ой вы звири, вы лютыи,
Розирвите вы мене,
А серденька не чепайте—
Неха мылому мойму:
Нехай мылый подывыться,
Що на серци діеться.

(Радомысль.)

Уси куры на сидали, пивень на порози;
Уси хлопци на йулонци, а мій у дорози.
Не курыла, не топыла, на прыпечку жар-жар,
А як выйду из Ивныци, комусь буде жаль.
Не курыла, не топыла, по сипечках дымно,
А як выйду из Ивныци, комусь буде дывно.
Ой визьму я снигу в руку, сниг у руци тане;
Тяжко, важко на серденьку як вечор настане.

(Житомир.)

Уси куры на сидали, пивень на сторожи;
Вси хлопъята на йулыци, мій мылый в дорози.
Плыве човен воды повен, а за ным весельце;
Любы мене, мій мыленькый, як я тебе, серце.
На долыни яворына, хоче похылыться;
Як не возьму яку люблю, не буду женыться.
Чыи бджолы на долыни, мои в деревенци;
А кто любыть чорни очи, а я голубеньки.
Очи мои голубеньки! як я вам дывлюся!
Хоч на мене люды брешуть, а я им сміюся.
Нехай брешуть, нехай брешуть, добрешуться лыха.
А мы двое, серце мое, любймося стыха.
Ой мисяцю, мисяченьку! не свиты никому;
Тилькы мому мыленькому, як идѐ додому.
Заскрыпилы воритонькы, бо булы заперти;
Кого люблю, не забуду до самои смерты.

(Гадяч., Лебедин.)

1 Не ходы, козаче, по-над берегамы,
Не кывай на мене чорнымы бровамы!
Чорни бровы маю, да не оженюся:

Пиду до риченьки, з жалю утоплюся.
Не топысь, козаче, бо душу загубыш;
Ходим повинчаймось, колы вирно любыш.—
За твои рушнычки . . . . . .
Ходим звинчаймось—обое хороши!
Йидуть вопы поле, йидуть и другее,
А на третє поле став кинь спотыкаться:
Вернимося, дивчыно, не будем винчаться;
Не будем винчаться, не буде нам счастя.
Пишов козак горою, дивка долыною;
Зацвив козак рожою, дивка калыною.
Ой там по-над яром козак сино косыть,
А дивчына по берегу голосом голосыть [1].

(Остер.)

Други так спивають:

Не ходы, не блуды, по-над берегамы,
Не сушы, не въялы чорнымы бровамы.
Пиду до Дунаю—з жалю утоплюся.
Рожа одцвилася, а калына началася;
Козак оженывся, дивка зосталася.

(Гадяч.)

Ой що-ж мени с тебе, що ты сыдыш коло мене:
Ой сядь коло мене, да ще й обіймы,
Усю мени правдоньку роскажы.
Щука рыба грае, да й та пару мае;
А я козак молод гадаю, що я соби паронькы не маю!

---

(1) За козаком плаче, то не вдало жыть—не повинчалысь. Примѣч. пѣвицы.

Тилько-ж мени пары, що й оченькы кари,
Тилько-ж мени до любови, що чорніи бровы!
Чорни бровы маю, да й не оженюсь,—
Хиба пиду до риченькы, з жалю утоплюсь!
Не топысь, козаче! бо ты душу загубыш:
Ходим, серце, повинчаймось, колы мене вирно любыш.

(Золотоношск.)

Ой кинь ирже, трава вьяне, вин дориженьку чуе:
Ой вин чуе, ой вин чуе, де Васыль ночуе!
3 Ой ночуе Васылечко в густим очерети,
Клыче маты свого сына к соби вечеряты:
Як не прыйдеш вечеряты, прыйды обидаты;
Як не прыйдеш обидаты, прыйды одвидаты;
Як не прыйдеш одвидаты, то грих тоби буде:
Утопышся з бережечку, де й воды не буде.
9 Утопывся Васылечко, хустыночка тоне;
Ходыть дивка по бережку, били рукы ломле:
Не жаль мини хустыночкы, що я вышывала,
А жаль мини Васылечка, що я сподобала.
Пишла тая дивчынонька по-над берегамы,
Та зострила рыбалочок з трьома неводамы:
Закыдайте, рыбалочкы, трьома неводамы,
Да вытягнить Васылечка с чорнымы бровамы!
Ой на́те вам, рыбалочкы, горилкы напыться,
Да вытягнить Васылечка, ой хоть подывыться!
Ой на́те вам, рыбалочкы, ще й солы на страву,
Да вытягнить Васылечка хоть на людьську славу!
Ой на́те вам, рыбалочкы, мидну копу грошей,
Да вытягнить Васылечка—якый вин хорошый!
Як вытяглы Васылечка, вода з рота льеться:

Ходыть дивка по бережку, та все в груды бьеться!
Ой искыньте золот перстень из мызынця с пальця;
Ой щоб-же я не забула Васыля коханьця.

Други спивають:

Ой ночуе Васылечко, де зелене просо;
Його ж мыла, чорнобрыва вечеряты просыть:
Ой Васыля, Васылечка тыхый Дунай носыть,
Його мыла, чорнобрыва рыбалочок просыть:

(Гадяч)

Пійду я в садочок, да вырву лысточок,
Да зовью виночок, пущу на ставочок.
Хто винок пóйме—той мене возьме!
Прыихав козак лугом, берегом,
Прывьязав коня до берестонька,
А сам же пишов виночка ловыть.
Первый раз ступыв, по колина вбрив,
Другый раз ступыв, по пояс убрив,
Третій раз ступыв, волочок изплыв.
Одирвысь, коню, од берестонька,
Да бижы, коню, бижы до дому:
Не кажы, коню, що я утопывсь,
А скажы, коню, що я оженывсь—
Ясни зирочкы—то свитылочкы,
Чорни хмарочкы—до то свашечкы,
А берестонькы—то старостонькы,
Крути берегы—бояре мои,
Холодна вода—до то молода,
Сырая земля—то-ж маты моя:
То-ж маты моя, мене прыняла!

(Прылук.)

Из-за горы витер віе, березоньку хылыть:
Не хылися-ж, березонько, ще-ж ты зелененька;
Не журыся-ж, дивчыноньку, ще-ж ты молоденька.
Не рада-б я хылытыся, так витер лыст мае;
Не рада-б я журытыся, мылый покыдае;
Покыдае, одъизжае в Кытай-городочок.
В Кытай, Кытай-городочку кращого немае:
Над нашого казаченька и в свити немае.
Кинь вороный, сам молодый, на скрыпочку грае.
Що скрыпочка з васылечок, а струны из руты,
Як заграе на сыньому морю, то и у нас чуты.
Ой стояла сосоночка та супротыв виконечка,
Ой плакала дивчыноньку, стоя у виконечка.
Чом ты мене, моя маты, рано не збудыла,
Ой як тыи козаченькы з села выходылы?
Та збудыла мене, маты, в обидню годыну,
Як видійшлы козаченькы вид села за мылю.
Тым я тебе, моя доню, рано не збудыла,
Що твій мылый веде перед, щоб ты не тужыла.
Ой я-б, мамо, не тужыла, а Бога молыла,
Щоб моему казаченьку хвортуна служыла.
Купы мини, моя маты, за тры шагы голку,
За чотыри золотыи червоного шовку,
За пьятого рублевого мальовани пьяльци,—
Я вышыю, вымалюю мылому рукавци.
Шовком шыла, шовком шыла, золотом рубыла,
Се-ж для того козаченька, що вирно любыла.
Ты думаеш, моя маты, що я не журюся,
А як выйду за ворота—вид витру валюся.

Ты думаеш, моя маты, що я и не плачу:
За дрибнымы слизонькамы свитонька не бачу!

(Переяслав.)

Пора маты жыто жаты, колос похылився;
Пора маты замиж даты, голос изминився.
Хоть колосок похылився, стебло зелененьке;
Хоть голосок изминився, лычко молоденьке.
Як послала мене маты в степ пшеныци жаты;
Аж там чумак волы пасе, став зо мною жартоваты.
Жартуй, жартуй, чумаченьку, жартуй изо мною,—
А як пійдеш у дорогу, буду плакать за тобою.
Чом ты мене, моя маты, рано не збудыла,
А як тая чумачына, за село выходыла?
Тым я тебе, моя доню, рано не збудыла,
Що твій мылый веде перед, щоб ты не тужыла.
Ой я-б, мамо, не тужыла, я-б Бога молыла,
Щоб моему мыленькому доленька служыла.
Купы-ж мини, моя маты, мальовани пьяльця.
Ой вышыю, вымалюю на славу рукавця.
Купы-ж мини, моя маты, за тры копы голку,—
За пьятого рублевого зеленого шовку.
Шовком шыла, шовком шыла, золотом рубыла,
Се-ж для того чумаченька, що вирно любыла.

(Ромен.)

Розвывайся, сухый дубе,
Завтра мороз буде,
Гей, завтра мороз буде.
Убирайся, козаченьку.

Завтра поход буде,
Гей, завтра поход буде.
Я морозу не боюся.
В мороз розивьюся,
Гей, в мороз розивьюся.
Я походу не боюся,
Завтра й уберуся.
Гей, завтра й уберуся.
Не жаль мени дориженькы,
Що курыться курно,
Гей, що курыться курно.
А жаль мени дивчыноньки,
Що журыться дурно,
Гей, що журыться дурно.
Не жаль мени дориженькы,
Що пылом прыпала,
Гей, що пылом прыпала.
А жаль мени дивчыноньки,
Що з лыченька спала;
Гей, що з лыченька спала.

Прылывайте дориженьку,
Щоб пылом не пала;
Розважайте матусеньку,
Щоб з лыця не спала.
Прылывалы дориженьку,
Такы пылом пала;
Розважалы матусеньку,
Такы з лыця спала.

(Золотоноша.)

Ой гай, маты, ой гай, маты, ой гай зелененький;
Выизжае з Украины козак молоденький.
Як выизжав, шапочку зняв, низенько вклонився:
— Прощай, прощай, громадонько, може с ким сварився.
„ Хоть сварився. не сварився счаслива дорога!„
— Зостается на Украини дивка чорноброва!
Далы мени отхидного коня вороного,
Дивчынонька хустыночку с пидзлота самого.
Я не буду хустынонькы ни терты, ни мняты;
Буду тою хустыною сидельце вкрываты:
Ой як гляну на хустыну, згадаю дивчыну;
Ой як гляну на сидельце, втишу свое серце!
— Голуб маты, голуб, маты, к викну прылитае!
— Давай, доню, прынадоньку, нехай прывыкае!
— Яку-ж мени, моя маты, прынадоньку даты?
— Посып пшиньця по колинця, водыци по крыльця!
— Козак, маты, козак, маты, к двору прыйизжае!
— Давай доню прынадоньку, нехай прывыкае!
— Яку-ж мени, моя маты, прынаду даваты?
— Стелы, доню, постиль билу, лягай из ным спаты,
Одну ручку в головоньку, а другу обняты,
Прыгорнуты до серденька, та й поцилуваты.

(Ромен.)

Ой любыв, та кохав, соби дивчыну мавъ, гей, як у саду вышня;
За лыхымы людьмы, да за ворогамы гуляты не выйшла. 2.
Покыдаю тебе, серденятко мое, гей, едыному Богу;
А сам я пиду да за риченьку, за быструю воду. 2.
Дожыдайся-ж мене, серденятко мое, гей, та до себе в гости,
Як вырoсте в тебе у свитлыци трава на помости. 2.
Росла. росла трава шовковая. гей, та вже й перестала:

Ждала, ждала козака дивчына, да й плакаты стала. 2.
Росла, росла трава шовковая, гей, та вже й похылылась,
Ждала, ждала козака дивчына та вже й зажурылась. 2.
Хылится та густіи лозы, гей, з виткиль витер віе:
Дивится, мои кари очи, з виткиль мылый йиде. 2.
Хылылыся та густіи лозы, гей, та вже й пересталы;
Дывылыся мои кари очи, да й плакаты сталы. 2.
Ой гув, та загув сызый голубонько, сыдя на ключыни:
Охохо́, охохо́, молод казаченько по своій дивчыни. 2.

(Конотоп., Кіев.)

Загудеть, забуркучыть сызый голубонько.
Сыдя на тычыни;
Ой заплаче молодый козаче
По своій дивчыни,
Що любыв и кохав, соби дивчыну мав.
Як зироньку ясну,
Та за дивчынымы та за ворогамы
Покыдаю несчасну.
Ой кому-ж ты мене, серденятко мое.
А тепер уручаеш?
Уручаю тебе, серденятко мое,
А едыному Богу;
Сам же я пиду, а сам я понду
Днипром за водою!
Ой як будеш же ты, серденятко мое.
Днипром-водою плысты,
Засылай, посылай, серденятко мое,
Частенькіи лысты.
А я-ж тіи лысты, а я-ж тіи письма
Сам перечытаю:

А перечытавшы, у-купочку склавшы,
Сам до тебе буду,
А я тебе, серденятко мое,
Сам тебе не забуду.

(Харьков.)

И любыв, и кохав, соби дивчыну мав,
А тепер покыдаю.
— Покыдаеш мене, серденятко мое!
Ой кому-ж прыручаеш?
— Прыручаю тебе, серденятко мое,
Мылосердному Богу;
А сам пиду́, а и сам пойду
У путь у дорогу,
У путь у дорогу, у путь у дорогу,
Ой уплынь за водою.
Ой колы-ж тебе, серденятко мое,
Сподиваться у гости?
Сподивайся мене, серденятко мое,
Ой к первій Пречистій;
Як не буду я к первій Пречистій,
Сподивайся к Мыколи;
Як не буду к святому Мыколи,
То не буду николы.

(Изюм.)

Ой на гори, на пидгирку,
Сыдив голуб з голубкою;
Воны соби цилувалысь,
Цилувалысь, мылувалысь.
Що в голуба та сызая голова.

А в голубкы позолочувана.
Чорным шовком подоточувана.
А молодець з-за терема выгляда:
Якбы-ж моя дивчынонька та така:
То-б я ін цилував, мылував,
И до печи куховарочку наняв,
А до неи та Татарочку,
А сам бы я по водыцю ходыв,
Дивчыноньку та за рученьку водыв.

(Изюм.)

Ой сама я, сама, як былына в поли,
Нихто не порадыть мене молодои!
Радять мене люды, радять и другіи,
Радять, осужають ворогы тяжкіи.
Дывніи-ж вы люды, що осужаете,
Туга на серденьку, а вы не знаете.
Перша мени туга—сама недолуга,
А другая туга од вирного друга,
А третяя туга—родына далеко.
Чи добре тоби, дивчыно небого,
В тому сели жыты, де ворогив много?
Так мени добре помеж ворогамы,
Як тій крыныченьци помеж дорогамы.
Хто йде або йде—водыци напъеться,
З мене молодои хто схоче сміеться.
Засвичу я свичу топку-восковую,
Перебреду ричку шыроку-быструю,
Перенесу ключи не побрязкаючы,
Пробуджу мылого не доторкаючы.
— Встань, мій мыленькый, годи тоби спаты.

Вже твого коныченька в степу не выдаты!
— Хоть коня немае, до кинь другый буде;
Я своеи дывчыноньки повик не забуду!

(Радомысль.)

Ой на поли та озеречко,
Там плавало видеречко,
Сосновее видеречко—
Дубовее денечко.
Ходим повинчаймось,
Мое сердечко!
— Не будем винчатыся,
Й славы набиратыся,
Ой будуть люды сміятыся:
Ой ты стоиш пид вербою,
А я пид другою—
Ты й сам бачыш, ты сам чуеш
Люды кажуть—не буть мени за тобою! . . .
И травычка шам, шам,
Прыйде до мене сам, сам . . .
И чобиткы в руках несе,
Сам до мене босый чеше,
Щоб пидкивкы не бряжчалы,
Щоб собакы не брехалы,
Щоб люды не зналы—
З кым я розмовляю!

(Гадач.)

Из-за горы буйный витер віе,
Козаченько пшеныченьку сіе. 2.
З Не досіяв пшеныци до краю,—

Выйшла к йому дивчынонька з гаю. 2.
—Бодай тебе, дивчынонько, дидько! . .
Посіяв я пшеныченьку ридко! 2.
— Говорыш ты, казаченьку, пусто,
Зійде твоя пшеныченька густо. 2.
Ще дивчына додому не дійшла,
Козакова пшеныченька зійшла; 2.
Ще дивчына дверей не дчыныла,
Козакова пшеныця поспила; 2.
Ще дивчына спатонькы не клалась.
Козакова пшеныченька зжалась: 2.
Ще дивчына Богу не молылась,
Козакова пшеныця звозылась! 2.

(Золотонош.)

3 Сіе, сіе, сива не доходыть,
Дивчынонька з обидом прыходыть.
—Дивчынонько, принис тебе дидько . . .
Розсіяв я пшеныченьку ридко!
—Козаченьку, слово твое пусто.
Зійде наша пшеныченька густо!
Та ще-ж йде козак у дорози—
Козакова пшеныченька в стози.

(Гадяч.)

Чы всим людям из коханьня так ся діе—
Очи не сплять, серце стогне, душа мліе?
Ой Боже, Боже, яке мыни горе—
Пиду утоплюся у сынее море!
Мене маты на забаву не пускае;
Як я схочу, перескочу, то й не знае.

С ким вирно люблюся, не наговорюся,
Прыйду до домоньку, заплачу—утруся.
Чы ты мене вирно любыш, чы лышаеш,
А я лита марне трачу, ты й не знаеш!
Ой Боже, Боже, яке мыни горе—
Пиду утоплюся у сынее море!
— Не топыся, глянь на мене оченькамы,
Розвеселы серце свое мыслонькамы!
Я-ж тебе люблю, як свою душу,
Я перед тобою прызнатыся мушу.

(Рядомысль.)

На гори́, гори́
Йидуть Мазури́;
Йидуть, йи́дуть Мазурочкы,
Везу́ть, везуть барви́ночкы—
Булы на войни.
Одын Мазу́р вста́в,
Другый Мазу́р спав . . .
Йидуть, йи́дуть в чы́стим по́ли,
Йидуть, йи́дуть вси́ раздольем—
На сы́вим кони́.
Прыи́хав в ночи́,
Пры ясні́й свичи́;
Сту́к-гряк в вико́нечко:
Выйды, се́рце, коха́ночко,
Дай коню воды!—
— Не могу я встать,
Коню воды дать:
Ввéчери холо́дна ро́са,

Я ходы́ла в па́на бо́са—
Нижечкы щымлять.

(Правой стор. Днѣпра,)

21 Беры хусточкы, ввертай нижечкы,—
Як же нам Бог поможе,
Як же нам Бог поможе,
Купым черевычкы. 2.
Купуй, не купуй—не буду носыть:
Мыни маты прыказала,
Щоб я з вамы не гуляла —
Матуси боюсь! 2.
Матуси не бійсь, сидай на мій виз!
Та пойдем у той край,
Де хорошый обычай,
Мурованый дом. 2.
Туды йихалы, паны стричалы:
Що-ж то за дивчына,
Що-ж то за рыбчына
Йиде з панамы? 2.
Йиде з панамы в срибним наряди—
Сим пар сывых коней,
Сам пан чорнобровый
Дивчыну везе. 2.

(Гадяч.)

Повинь, повинь, буйный витре, з-за крутои горы:
Заберы и занесы вси любощи мои.
Ой заберы и занесы в чужую сторону,
А в чужую сторинoньку аж до мылого мого.
Вин проснетьсѧ, спомъянеться, про любощи спомъяне,

То вин мене молоденьку, то вин мене згадае.
Сидлай, хлопче, коныченька, ой да коня вороного.
А заизджай, а заизджай протыв тестьового двора.
Аж выходыть протыв йóго ой да тестенько йогó,
Бере коня за поводы у подвирячко веде,
Бере йогó за рученьку та до свитлонькы веде.
Прывив йогó до свитлонькы, аж дивчына хоруе;
Бере ии за рученьку, й лыченько цилуе:
„Ой не вмирай, дивчынонько, госпидь Бог с тобою!„

(Радомысль)

Ой колы-б-же того Сын Божій намножыв,
Хто щырыи любощи на сей свит проложыв!
Щырыи любощи—серденьку отрада! . ...
Ой повій витроньку, по зеленій трави,
Изберы, Боже, вси любощи мои,
Понесы, Боже, до мылого мого,
Ой, постав, Боже, в головоньках його:
Мылый устане — на любощи гляне, мене спомяне!

(Борзи)

Плыве щука з Кременчука, плыве соби з-тыха;
Хто не знае закоханьня, той на знае лыха.
Плыве щука з Кременчука, луска на ій сяе;
Хто не знае закоханьня, той счастя не знае.
Тече ричка невелычка, схочу—перескочу:
Оддай мене, моя маты, за кого я схочу!

(Золотонош.)

Ой чому не прыйшов, чому не прыихав,
Як я тоби, серденько, велила?

Чы коня не маеш, чы дорижкы не знаеш,
Чы матуся їхать не звелила?
— И коныченька маю, и дориженьку знаю,
И матуся їхать повелила;
Есть у мене сестра— менша од мене зросла;
Отта мини їхать не звелила:
„Ой не їдь, ты брате, в чужу сторононьку
До дивчыны на розмовоньку:
Ох и там-же впьешся и з дориженькы збьешся,
То ты, молод, славы наберешся.„
— Ох и я-ж не впьюся и з дорижкы не збьюся
Я-ж тіеи славы не боюся.—

(Глухов.)

Ой чом не прыйшов,
Ой чом не прыихав,
Як я лысты пысала:
Чы коня не мав,
Чы дорижкы не знав,
Чы маты не пускала?
— Я й коня маю,
Дорижку знаю,
И матуся пустыла;
Меншая сестра—
Лит недоросла,
Та-ж мене не пустыла.
„Ой не їидь, братко,
Ой не їидь, ридненькый,
Бо дороженька злая:
Коня змордуеш.
Сам ся стурбуеш:

Дивчына здоровая!
Лужечкы шумлять,
Бережкы гудуть,
Калына процвитае:
Десь мій мыленькый,
Чорнобрывенькый,
З пишою секреты мае,
Колы з такою,
Як изо мною,
Поможы йому, Боже!
Як из иншою,
Ще й с поганьшою,
Разлучы його, Боже!

(Житомир.)

Ой чому не прыйшов,
Або не прыихав,
Серденько мое!
Чы коней не маеш,
Чы шляху не знаеш,
Чы матуся йихать не звелила?
— И коныкы маю,
И шлях-дорогу знаю,
И матуся ихать извелила;
Есть у мене сестра,
Що найменша эросла,
То та мени йихать не звелила:
Ой не йидь, братику,
В чужу сторононьку
До мылои в гости;
У мылои вьешся,
Из коныка вбьешся,

И сам молод славы наберешся!„
— Я горилкы не пью,
А меду не впьюся,
Я и сам молод славы бережуся!—

(Гадяч.)

И по сей бик гора.
И по той бик гора,
А миж тымы крутымы горамы
Котылась зоря.
Ой то-ж не зоря,
Ой то-ж не ясна,
Ой то-ж моя молода дивчына
По водыцю йшла.
— Дивчыно моя!
Та напій же коня:
З рубленои та крыныченькы
З повного видра.—
„Козаченьку мій!
Та якбы-ж я твоя,
Взяла-б коня за шовкови повода
Та й напоила.„

(Лубен.)

„Дивчыно моя,
Да напій ты коня
Из новои крыныченькы
Холоднои водыченькы
З повного видра.„
— Як буду твоя,
То напою й два

Из новои крыныченькы
Холоднои водыченькы
С повного видра.—

(Житомир.)

И туда гора.
И туда гора:
Помиж тымы горонькамы
Сходыла зоря.
Ой то-ж не зоря,
Ой то неясна,
Ой то-ж моя дивчынонька
По воду пишла.
А я за нею,
Як за зорею
Сывым конем, чыстым полем,
По над Дунаем.
Дивчыно моя!
Напій же коня,
Напій, напій коныченька
З рубленои крыныченькы
З повного видра.
„Козаченьку мій!
Як бы я твоя,
То-б я тоби напоила
Сывого коня с повного видра.„
— Дивчыно моя!
Сидай на коня:
Та пойдем чыстым полем
До мого двора.
А биля мого двора

Нема тыну ни кола,
Тилько стоить кущ калыны
Та й та не цвила.
— Калына моя!
Чом ты не цвила?
„ Зима була й цвит оббыла,
Тым я не цвила.„

(Изюм.)

И по той бик гора,
И по сей бик гора;
Помиж тымы та горонькамы
Ясная зоря.
Ой то-ж не зоря,
То-ж дивчына моя
Яром, яром та долыною
По водыцю пишла.
А за нею та паныченько
На вороним та коныченьку:
Дивчыно моя!—
Ой посію я льон
Перед батьковым двором,
Да вродыться да льоныченько,
Да внадыться да паныченько,
Да й вытопче льон.
Чы не льон же то був,
Чы не врода його:
Жемчужнее та насинячко,
Золотее та коринячко,
Сам шовковый льон.
Ой дбай, маты, дбай,

Да дочку замиж дай;
Не дай мене за пьяныченьку,
Бо мени вроды жаль.
Бо моя врода
Як повная рожа;
Не дай мене за пьяныченку:
Мени ін жаль!—

(Конотоп.)

Оддай мене за козаченька,
Бо вродонькы жаль:
Що у мене врода
Краща од золота—
У мене лычко та биленькее,
У мене бровы та чорненькіи,
Сама молода.

(Прылук.)

Ой ты горо кременная, чом не лупаешся?
Та скажы, скажы, серце дивка, правду, в ким ты кохаешся?
Ой щоб-же я за гора була, щоб я лупалася?
Та хиба-б-же я розуму не мала, щоб я прызнавалася?
Заричаны добри люды, добре воны жывуть,—
А до нашои молодои дивчыны селезенямы плывуть.
Плывы, плывы, селезеню, за-киль вода встане;
Та выйды, выйды, хлопчыно, як вечир настане.
Пид тобою, селезеню, вода не схытнеться;
Из тобою, хлопчыно, вечир не змыгнеться.

(Гадяч.)

Изыйду я на горбочок, спущу голосочок;
Нехай мене той зачуе, що в поли ночуе.

—Ты думаеш дивчынонько, що в поли ночую,
А я твои голосочкы що-вечора чую;
Ты думаеш, дивчынонько, що в поли маячу,
Я-ж по тоби, мое серце, слизонькамы плачу.
Ты думаеш, дивчынонько, що я не журюся,
А як выйду за ворота од витру валюся.
Ой як бы я зозуленька, ой крылечка мала,
То-б я ввесь свит-украину кругом облитала,
То-б я свого мыленького по шапци пизнала:
Шапка чорна, шапка чорна, а свытына била,
Жупанына по колина, пошыта до дила.
Ой выйду я за ворота, нема мого злота;
Тилько стоить той нескреба, що мини не треба.

(Глухов.)

Йшлы коровы из дубровы, а овечкы з поля,
Выплакала кари очи крій козака стоя:
„Ой куды-ж ты одъижжаеш, сызокрылый орле?
Ой хто-ж мене та без тебе к серденьку прыгорне?„
— Прыгортайся, дивчынонько, к другому такому,
Да не кажы тои правды, що мени самому!
„Ой як мини, козаченьку, правды не казаты?
Вечор стою, свитом нужу, тебе не выдаты.
Хылитеся, густи лозы, видкиль витер віе,
Дывитеся, кари очи, видкиль мылый йиде.
Хылылыся густи лозы, да вже пересталы;
Дывылыся кари очи да й плакаты сталы.
Нема в саду соловейка, нема й щебетаньня:
Нема мого мыленького, не буде й гуляньня.
Ой як в саду соловейко, щебече раненько:
Як мій мылый биля мене, гулять веселенько.

Нехай тоби зозуленька, мени соловейко,
Нехай тоби там легенько, мени веселенько.
Нехай тоби зозуленька, щоб рано ковала;
Мени нехай соловейко, щоб я не скучала.

(Глухов.)

Ой выйды, дивчыно, выйды за гай по коровы;
Нехай же я подывлюся на ти чорни бровы.
Ой выйды, дивчыно, выйды за гай по телята,
Нехай же я подывлюся на ти бровенята.
По тим боци огонь горыть, по сим боци выдно;
Як пойдеш з Украины, буде мени дывно.
По тим боци огонь горыть, по сим боци жарко;
Як пойдеш з Украины, буде мени жалко!
Шумыть мени як у млыни в моій головонци:
Десь мій мылый чорнобрывый в чужій сторононци!
Повій, витре буйнесенькый, по ярах глыбокых;
Прыбудь, прыбудь, мій мыленькый, з Украин далекых.
— Як же мени повиваты по ярах глыбокых?
Як же мени прыбуваты з Украин далекых?—
Засвичу я ясну свичку, да й пущу на ричку;
Буде мойму мыленькому выдно на всю ничку.
Не поможе, мылый Боже, и воскова свичка:
Розольеться тыхый Дунай—быстренькая ричка.
Нехай тоби зозуленька, щоб рано вставала;
Нехай тоби соловейко, щоб ты не скучала.

(Глухов.)

Ой повій ты, буйный витре, з глыбокого яру;
Прыбудь, прыбудь, мій мыленькый, з далекого краю.
Як же мени повиваты, що яры глыбоки:

Ой як мени прыбуваты, що то краи далеки.
Ой засвиты, моя маты, восковую свичку;
Нехай же я перебреду тую быстру ричку,
Нехай тоби зозуленка, мени соловейко,
Нехай тоби там тыхенько, мени веселенько.
Нехай тоби зозуленька для куваньнячка,
Нехай мени соловейко для щебетаньнячка.

(Васильков.)

Йшлы коровы из дубровы, а овечкы з поля;
Та й плакала дивчынонька крый козака стóя.
Ой куды-ж ты одъижжаеш, сызокрылый орле?
Ой хто-ж мене молодую до себе прыгорне?
Прыгортайся, дивчынонько, к другому такому,
Та не скажы тiп правды як мени самому.
Ой як мени, козаченьку, правды не сказаты;
Вечир стою, свитом нужу, тебе не выдаты.
Хылитеся, густи лозы, куды витер вiе;
Дывитеся, кари очи, видкиль мылый йиде.
Хылылыся густи лозы, да вже й пересталы;
Дывылыся кари очи да й плакаты сталы.
Ой не плачте, кари очи, така ваша доля—
Полюбыла пройдысвита по мисяцю стоя.

(Золотонош.)

Из-за горы витер вiе,
Жыто половiе;
На козака худа слава,
Що робыть не вмiе.
Що робыты не прыбыты,
Жаты не нагнеться,

До дивчыны-ж з старостамы
Що-вечора йлеться.
Ой хоч шлыся, хоч не шлыся,
Хоч на год наймыся,
Да заробы пару коней
И пару жупанив,—
Тогди шлыся до чорных брив,
До шытых рукавив.
„Шыти-ж мои рукавчата,
Ильняный станочок!
Болыть, болыть головонька,
Болыть жывоточок!
Болыть, болыть головонька
И тило попыло:
За тобою, моя мыла,
И дило не мыло.„

(Глухов.)

Сыдыть дивча край виконця пры велыким смутку;
Покыдае козак дивча як голуб голубку.
А голубка над водою сывым крылом биліе:
„Полынь, полынь, голубонько, аж в Кыив зо мною!„
А в Кыиви на рыночку зацвила калына,
А пид тою калыною дивка чорнобрыва.
На березу витер віе, на берези прутьтя:
Не вирь, дивча, козакови, хоч каже: возьму тя!
Не вирь, дивча, козакови, що вин тоби каже,
Бо вин лебонь з ума зведе, правдонькы не скаже;
Вин-же тебе цилуе, вин тебе мылуе,
А вин твого дивоцького розуму пробуе.
На калыну витер віе, калына лыніе;
На козака та неслава—робыты не вміе.

Ни косыты й молотыты, жаты не нагнеться,
А як прыйде темна ничка, до дивчыны шлеться.
„Як заслужыш пару волив а пару жупанив,
Тогди сядеш коло моих вышытых рукавив;
Як заслужыш пару волив й ясну оружыну,
Яку схочеш, таку й возьмеш молоду дивчыну.„

(Васильков.)

Летыть орел сызокрылый
У поле жывыться;
Идé козак молоденький
Да на Дин женыться.
Летыть орел сызокрылый
Та й не пожывився;
Идé козак молоденький,
Та й не оженився.
Идé дивка дорогою,
Чохламы махае;
А за нею козаченько,
Тяженько здыхае.
„Ой заслужы пару волив,
И пару жупанив;
Тоди сунься до чорных брив
Та до шытых рукавив.„

(Конотоп.)

Ой колысь булы яри да пшеныци, а тепера облогы;
Ой колысь булы вирны сусидочкы, а тепера ворогы.
Ой плыве щука з Кременчука тыхо по води:
Не втишайтесь, мои вориженькы, моій прыгоди.
Що як моя прыгодонька як литняя роса:

Як сонечко зійде, а витер повіе, роса опаде;
Оттак моя прыгодонька навик пропаде!
Опаде роса коло дерева, да на земли лежыть;
Пропадуть мои вориженькы, а я буду в свити жыть.

(Глухов.)

— Ой ты, дивчыно, червона калыно!
Мини на тебе дывытыся мыло.
Скажы, дивко, правду, чым дала прынаду?
Чы ты мене вирно любыш, чы на одну зраду?
— Ой я-ж тебе вирно люблю, и Бог тее знае;
Нехай тому тяжко-важко, хто нас розлучае!
И нас не розлучыть, и себе не втишыть;
Оно моя сухотонька, що людей насмишыть.
— Ой текла ричка з мосту да в озера:
Ой щось моя дивчынонька смутна-невесела.
— Ой як мини молоденькій веселою буты!
Полюбыла козаченька, не мушу забуты . . .
Ой ты козаче, сызый голубочку,
Клопочеш свою всегда головóчку!
— Ой як же мини да не клопотаты,
Що дивчына пышна з вечора не выйшла?
Ой ты, дивчыно, горда та пышна,
Чом ты до мéне з вечора не выйшла?
— Ой рада-б же я к тоби выходыты;
Як угледять вориженькы, то будуть судыты.
— Ой нехай же судять, як розуміють;
Прыйде тая годынонька, воны й пониміють.
— Ой ты, козаче, зеленый барвинку,
Прыйды до мене хоть у недильку!

Чом ты не прыйшов, як я велила?
Цилая свичка з вечора згорила.

(Глухов.)

— Ой ты дивчыно гордая, пышна!
Чом ты до мене з вечера не выйшла?
— Ой як я маю до тебе ходыты,
Колы нас будуть ворогы судыты.
— Ой нехай судять, як розуміють;
Прыйде тая годынонька, воны поніміють.
— Ой мени маты так заказала,
Щоб я с тобою нигде не стояла;
Ой мени батько так наркае,
Що вин мене, серце мое, та вирно кохае.
— Ой ты дивчыно, червона калыно,
Мени на тебе дывытыся мыло!
Ой ты дивчыно, повная роже,
Мени на тебе дывытыся гоже!
— Ой ты козаченьку, сызый голубоньку,
Клопочеш, мылый, мою головоньку!
— Та течеть ричка з мосту до озера;
Чомусь моя дивчынонька смутна, невесела!
— Ой як я маю веселою буты—
Полюбыла козаченька, не можу забуты!
— Та подай рученьку, нехай бачуть люде,
Ой що перше чужа була, тепер моя будеш.
Скажы, дивчыно, правду: чым дала прынаду?
Чи ты мене вирно любыш, чи на яку зраду?
Ой я-ж тебе люблю, и Бог про те знае:
Бодай тому тяжко-важко, хто нас розлучае!

(Гадяч.)

— Скажы, скажы, дивчынонько, скажы да всю правду:
Чы ты мене справды любыш, чы на яку зраду?
Скажы, серце, вирне словце, нехай буду знаты:
У якый час-годыноньку к тоби прыбуваты?
„Прыбудь, прыбудь, козаченьку, рада тоби буду:
Я-ж по тоби, мое серце, як голубка гуду.
Ой десь-же ты, козаченьку, у барвинку слався:
Скилько в сели челядонькы, а ты сподобався!„
— Ой слався-ж я, дивчынонько, по твойму городу;
Не тоби лыш сподобався, всьому твойму роду.
Ой десь-же ты, дивчынонько, з кытаечкы звыта,
Що ты мене додержала з вечора до свита.
„Ой з кытайкы, не з кытайкы, з билого билыла;
Ой тым тебе додержала, що вирно любыла.

(Глухов.)

Сывый соколонько по полю литае,
По своих роскошах паронькы шукае.
А я молод в свити гадаю,
Що я соби паронькы не маю;
Зайздыв коня, сидлаю другого:
Скажы мыни, мыла, чи буде що з сього?
Чи буде що з сього, а чи ни?
Не сушы серденька ты мени!
— Я-ж тоби казала и твоему роду,
Що в мене посагу немае од роду;
Ой нема, нема й не буде—
Возьмуть мене и так люде.
Я-ж тоби казала: не прысылай сватив,
Бо я ще хочу з рочок погуляты;
Хочу я з рочок погуляты.

Щоб соби посагу що прыдбаты.
Я-ж тоби казала и твоему роду,
Що в мене посагу немае од роду.
— Ты-ж у мене посаг самая,
Як зоря на неби ясная!
— Бачыш мене, мылый, гожу, хорошую,
Гожу, хорошую, на вик здоровую;
А боронь Боже недугы,
Тогди ты помыслыш об другій.
— Скарай мене, Боже, на гладкій дорози,
Колы я помыслю об другій небози!
Скарай мене, Боже, на гладчій,
Колы я помыслю об кращій!
У лузи калына, у лузи розцвитае,
А я од дивчыны правдонькы не маю;
Ой побачыш, дивчыно, побачыш . . .
За мною, серденько, заплачеш!

(Переяслав.)

Зайздыв я коня, зайжу другого;
Скажы, серце [1], правду, а що буде з того?
А чи будеш ты моя, а чи ни?
Не сушы серденька мени [2]!
— Я ж тоби сказала [3] пры твоему роду,
Щоб не було посли меж намы розводу,
Бо в мене худобы не буде:
Возьмуть мене, серце, и так люды.
— Мени-ж твоеи худобы не треба;
Пошлы, Боже, щастя з высокого неба!

[1] Мыла. [2] В мени. [3] Я-ж казала, мылый.

Ты в мене худоба самая.
Як на неби зоря ясная!
— Теперь-же ты кажеш, що зоря ясна,
А посли искажеш: доленька нещасна!
А хоч не ты скажеш, так маты:
Було-б убогои не браты,
Було-б багатои шукаты!
— Ой маты, маты, що мени казаты?
Люблю я дивчыну, треба ии взяты:
Хочь я-б ии любыв, не любыв,
Може-ж мени ии Бог судыв.
Копають ворогы яму пидо мною,
Хотять розлучыть, серденько, з тобою;
Вороженькы знають, а не я—
Давно-ж ты суженая моя.
— Прошу тебе, мылый, вирнымы словамы:
Замыкай дверечкы и дворы,
Щоб не зналы люды-ворогы.
На вгороди вышня, за вгородом дви:
Кохала козаченька не людям—соби;
Кохала козаченька два года́,
Сама остаюся молода;
Кохала козаченька дви лити,
Сама зостаюся у свити.

(Гадяч.)

Щоб не було посли мени договору.
Не треба мени худобы твоеи,
Возьму тебе саму як зирку на неби!
Не копай з-пид зильля кориньня,
Шукай соби, мылый, де ривня.

(Гадяч.)

Не сватай ты мене, не пиду за тебе:
В тебе худибонька, в мене не буде:
Не ты мене визьмеш, так люде.
— Мини худибонькы твоеи не треба,
Пошлы мини, Боже, з высокого неба:
В мене худибонька ты сама,
Як на неби ясная зоря.
— Тепер-ж ты кажеш, що зиронька ясна:
Як выйду за тебе, зостанусь нещасна:
Не ты мини скажеш, дак маты—
Було-б убогои не браты!
Я тоби казала при твоему роду,
Щоб не було мини вперед договору;
Не ты мини скажеш, дак маты:
Було-б убогои не браты!
Ой хоть сватай мене, ой хоч ни,
Не сушы серденька ты в мини.
Зьиздыв конычeнька, зьиздыв вороного,
А скажы, дивчыно, що буде из сього?
А чы буде правда, а чы ни?
Не сушы серденька ты в мини!

(Конотоп.)

1 Ой ты, галочко, чорная, маленькая!
Скажы, галочко: де моя мыленькая?
Твоя мыленькая в лузи над водою,
4 Умыва лыченько гарячею сльозою!..
Малюе бровы чорною ожыною,
Ночуе ниченьку з вирною дружыною.
— Ой ты-ж, багачу, я тебе давно бачу:
8 Не сватай мене, в мене волив немае.

У мене волы—я сама молодая;
У мене коровы—чорніи бровы.
Буде твоя маты мени выговоряты:
Вставай, невихно, ты вставай, молодая!
Дій ти коровы, що од батька нагнала;
Выганяй вивци, що маты дарувала.
А тоби, маты, мени не выговоряты:
Я твого сына не сылувала браты,
Я з твоим сыном всю ничку спала,
Я твоему сынови всю правду сказала.

(Гадяч.)

1 Галочко моя, галочко чорненька,
А ты скажы, галочко, де моя мыленька?
4 Умывается морською водою,
Утырается русою косою.
8 Що в тебе, багачу, волы та коровы,
А в мене, багачу, та чорніи бровы;
Що в тебе, багачу, козы та овечкы,
А в мене, багачу, ласкáви словечкы.

(Острогожск.)

Плывы, плывы, селезеню,
Протыв воды тыхо. З.
Не йды, дивко, за удовця,
Буде тоби лыхо. З.
Що удовець не молодець,
Вин жартив не знае, З.
А вин твое биле лыце
З своим поривняе. З.
Ривняй, ривняй, вражый сыну,

Колы довелося,— З.
Колы мини молоденькій
На горе пишлося. З.
Ой у броду беру воду,
Не перехылюся; З.
Ты не знаешь, моя маты,
За кым я журюся. З.
Ой у броду беру воду,
Не выберу до дна; З.
Жыла в батька не рик, не два,
Не выжыла добра. З.
Ой из броду несу воду,
Коромысел гнеться; З.
Ты не знаешь, моя маты,
За кым серце бьеться. З.

(Конотоп.)

Ой я в бору воду беру,
Вода не береться;
Яворовый коромысел
У дужечку гнеться.

(Переяслав.)

Упав снижок на оближок,
Та взявся водою;
Пишов бы я до иншои,
Зазнався з тобою.
Упав снижок на оближок,
Та вже й не ростане;
Пишов бы я до иншои,
Серце не прыстане.

(Гадяч.)

Та за тучамы громовымы сонечко не сходыть;
За вражымы ворогамы мій мылый не ходыть.
Ой вы тучи громовіи, розійдитеся ризно!
Прыйды, прыйды, мій мыленькый, хоть нерано, пизно!
Ой ждала-ж я, дожыдала, столы застылала:
Столы-ж мои тесовіи, скатерти парчеви,
Очи-ж мои, очи кари, горе мени з вамы!
Не хочете ночуваты ни ниченькы самы!
Хоч хочете, не хочете, треба прывыкаты;
Пишов мылый чорнобрывый у поле ораты.
Та й орав тры дни у ярыни, та й став у толоци;
Выплакала кари очи за чотыри ночи.
Да уже-ж мени си чотыри та й за висим сталы;
Щоб моему мыленькому волыкы прысталы!
Та щоб волы жывы булы, а плуг поламався,
Щоб мій мылый чорнобрывый до дому прыгнався,
Щоб зо мною молодою вин поженыхався.

(Лубн.)

Выплакала дивчынонька свои кари очи.
Очи-ж мои каренькіи, горе мини з вамы!
Ой плакалы кари очи да вже пересталы;
Десь у мого мыленького волыкы прысталы.
Хоть прысталы, не прысталы, не буде ораты,
Ой як прыйде до дивчыны сю нич ночуваты:
Ночуй, ночуй, мій мыленькый, голубе сывенькый!

(Изюм.)

И вчора не був, и тепер не був,
Десь мій мыленькый обо мни забув!
„Ище не забув, хиба забуду;

Ой як пойду, сим лит не буду.„
—Колы-б же мини тыи маляри,
Вымалювала-б мылого соби,
Вымалювала-б у-конець стола,
Щоб дывытыся як на сокола.
Вымалювала-б на пиддашечку;
Щоб дывытыся як на пташечку.

(Прав. стороны Днѣпра).

И вчора не був, сьогодни не був;
Десь ты, мій мылый, об мени забув.
Ище не забув, хыба забуду:
В військо пойду, сим лит не буду,
Сим лит не буду, любыть забуду.
Колы-б же мени тіи способы,
То-б я наняла малярив соби,
Що-б змалювалы мылого мени
А пры тій стини, де спаты мени;
Пры тій кровати, де спать лягаты.
Вымалювала-б на пиддашечку,
И дывылася-б як на пташечку;
Вымалювала-б на одвирочку,
И дывылася-б як на зирочку;
Вымалювала-б на конци стола,
И дывылася-б як на сокола!„

(Радомысль.)

По-пид помостом трава з ростом, що й кинь напасеться:
Не бачыла мыле́нького,—не зрадыла серця.
Хоть бачыла, не бачыла, не навтишалася:
Я-ж на тебе, мій мыленькый, не сподивалася!

Що утята-лебедята летять до крыныци.
Прылетилы до крыныци, не пылы водыци;
Та йшов козак до дивчыны, зайшов до вдовыци.
А в вдовыци дви свитлыци, а третя кимната:
Ой тым дивка не сватана, що ще й непрыбрата.
Ой тым хата непрыбрата, що стеля дубова;
Ой тым дивка не сватана, що вона й убога.

(Гадяч.)

Да вже третій вечер, як я дивчыну бачыв;
Хожу коло хаты, іи не выдаты;
Выйды, выйды, дивчыно,
Порадь, мое серце, рыбчыно! 2.
Не выйду, козаче, не выйду собою;
Не буду стояты сей вечир з тобою:
Ой рада-б я стояты,
Не пускае маты из хаты. 2.
Коло викна стою, дрибни сльозы роню,
Дрибни сльозы роню, слова не промовлю.
— Промов серце, словечко,
Як мы любылыся двоечко. 2.
Як мы любылыся, як мы кохалыся,
Славы-поговору понабиралыся.
Була слава-поговир:
Ты-ж не моя, серце, я не твій! 2.
Да поможы, Боже, на рушнычку статы:
Тогди не розлучыть ни батько, ни маты,
Ни чужая чужына,
Колы судылася дружына. 2.

(Зиньков.)

3 Выйды, выйды, сердыня,
Порадь, дивчынонько, мыла ты моя!
Ох и рада-б я выйты, дак неволя моя—
Не пускае маты, що я молода;
Не пускае гуляты,
С тобою, серце, стояты.
21 Да береш мене, мылый и дужу й здорову,
И дужу й здорову, и молоду й хорошу;
Не дай, Боже, недугы,
Не поглядай, серце, на другых!
Да скарай мене, Боже, и в пути и в дорози,
Да хто подума об иншій небози;
Скарай мене и в души,
Хто подумае об иншій.

(Глухов.)

Да вже третій вечир, як дивчына зводыть;
Казала выйду, а тепер не выходыть.
Ой выйды, выйды, дивчыно,
Потиш мое серце, рыбчыно!
Не выйду, козаче, не выйду, соболю,
Не буду стояты сей вечир з тобою;
Мыни маты не велыть
С тобою, серце, говорыть.
Колы-б я зозуля; то-б я крылечка мала,
То-б я свого мыленького кругом облитала;
Прылынула-б до двора—
У мого мыленького е друга,
То-б я стрепенулась, та й назад полынула,
Сила-пала у сим у саду, як сыва зозуленька кую!

Аж мій мылый идéть
И до мене говорыть:
— Зачим, мыленька, куеш, чого, серце, жалкуеш?—
„Хоч я, мыленькый, кую, ни за чим не жалкую:
Розійдимось, серце, с тобою,
Як на неби мисяць з зорою!
Ще тепер ты кажеш: зоре моя ясна!
А навпосли скажеш: яка доля нещасна!
Не ты скажеш, так маты:
Було-б тоби убогои не браты,
Було-б тоби богатои шукаты.„
— Не буде маты сього говорыты,—
Вона сама знае, як у свити жыты;
Не буде маты сього говорыть,—
Вона сама знае, як у свити жыть.—
„Ты мыленькый, йдеш, у далеку дорогу,
Мене покыдаеш дужую й здорову;
Не дай Боже недуги,
Не дывыся, серце, на другых!„
Побый того, Боже, на гладкій дорози,
Хто дума дывыться на другых хорошых;
Побый того, Боже, на гладчій,
Хто дума дывыться на кращых.

(Золотоношч.)

Ой заржы, вороный коню, та пид круту гору йдучы,
Нехай зачуе серце-дивчына сниданьня готуючы.
Конычок заржав, козак засвыстав, дивчына заплакала:
Ой гой-же, гой-же, мій мылый Боже! ой кому-ж я достануся?
Ой идуть возы на перевозы, а попереду будка;
Ой гуде, гуде молода дивчына та як сыза голубка.

Ой на волыкы та налыгачи, а на коныкы пу́та:
Колы-б же не ты, серце-дивчыно, то не був бы я тута.
Позаросталы стежкы й дорижкы травою зелено́ю,
Ой де ходылы и говорылы, серденько, з тобою . . . . .
(Глухов.)

Ой заржы, заржы, вороный коню, на круту гору йду́чы;
Ой згадай мене, серденько, вечерять готуючы.
Ой колы-б тоби, да так як мыни, би́донька за бидою;
Не ходыв бы ты по тым походам, жыв-бы ты зо мною,
Ой колы-б тоби, да так як мыни, бидонька докучыла;
То ты-б пойхав да й не барывся, щоб я не скучыла.
Мала пташечка, невелычечка, по рокыточци скаче;
Дурна дивчына, нерозумная, по козаченьку плаче.
„Ой волы-ж мои да половыи, чом же вы да не орете?
Ой лита-ж мои да молодыи, чом же вы марно йдете?
Куплю на волы да налыгачы, а на коныкы пута:
Ой колы-б не ты, серденько мое, не був-же-б я тута!„
(Глухов.)

По садочку прохожаю,
Сама себе розважаю.
Кого люблю да й немае,
И немае, и не буде.
Розраялы, розсудылы,
Щоб мы в пари не ходылы,
Одно дного не любылы.
Ой таки мы в пари будем,
Одно дного любыть будем.
Ой зыйду я на горбочок
Да гляну я на ставочок:
Плывуть качкы в два рядочкы,—

Одна йодну спережае;
Кажна соби пару мае.
А я жыву в Бога в кари,
Не дав мыни Господь пары.
17 Та дав мыни таку долю,
Та й та пишла за водою.
Иды, доле, за водою,
А я пиду за тобою,
Дивчыною молодою;
Ой сядемо, оддышемо,
Дрибни лысты одышлемо:
Хай батенько не скорбуе,
Мыни винка не купуе.

(Золотонош.)

17 А я жыву в Божій воли,
Не дав мыни Господь доли.

(Борзн.)

17 Ой пійду я темным лугом:
Оре мылый своим плугом,
Чужа мыла поганяе,
Ик сонечку промовляе—
Помож, Боже, чоловику,
Щоб так орав покиль вику!

(Прилук.)

За ричкою за быстрою десь мій мылый жыве,
А до мене що вечера як рыбонька плыве.
Плывы, плывы, щуко-рыбо, уплынь за водою,
Скажы мойму мыленькому, що я сыротою.

Тепер-же я сыротою на вики зостала,
Зарученый мій мыленький що вирно кохала.
Хотя й же вин зарученый, як говорять люде,
А колы вин мій суженый, то вин моим буде.
И спидныця черчестая, из самого черцю;
Ой здаеться не журуся, прыйшла туга к серцю.
Ище шубы не зносыла, коралив не буду;
Такы-ж бо я в сьому сели невисткою буду.
Ище шубы не зносыла, коралив не порвала;
Такы-ж бо я того буду, кого я кохала.

(Радомысль.)

Летив крячок на той бочок, жалибненько крыкнув:
Горе мини на чужыни, що я не прывыкнув!
Летив крячок на той бочок нижкы пидобгавшы:
Горе мини на чужыни, родыны не мавшы!
Колыб мини на чужыни хоч одна родына;
Нихто-б мини не доказав, що я сыротына.
Плывы, плывы, селезеню, у-плынь за водою;
Ой накажы мойму роду, що я сыротою.
Пид тобою, селезеню, вода не схитнеться;
А з тобою, дивчынонько, ничка не змыгнеться.
Выйды, выйды, дивчынонько, рано по водыцю,
А чей же я нагляжуся на плахту-дрибныцю.
Ой плахотка—дрибныченька, по простоцци черцю!
Бида-ж тому козаченьку, прыйшла туга к серцю.
Ой кажеться не журуся, в тугу не вдаюся,
А як выйду за ворота, од витру валюся!

(Глухов.)

Ой зійду-ж я, зійду на гору крутую,
Стану, подывлюся на воду быструю.
Аж мій мылый йде быстрою водою,
Быстрою водою з чужою жоною.
Вы-ж густіи лозы да й отхылитеся,
Вы-ж дрибніи сльозы да й откотитеся:
Нехай я побачу, по кому-ж я плачу;
Хоч я й подывлюся, по кому журуся ! . .

(Радомысль.)

До Хорола все дорога,
До Крыму стежечка;
Прыйшла туга од мылого
До мого сердечка.
Ой ты туго, ой ты журбо,
Не прыстань до мене:
Есть у мене тугы много
Край серденька мого !

(Гадяч.)

Над горою высокою голубы литають;
Я роскоши не зазнала, а лита мынають.
Я роскоши не зазнала да вже й не зазнаю;
По чим же вас, лита мои, спомынаты маю ?
Ой ты-ж мини, мылый, казав, що вирно кохаеш;
Тепер же ты через иншу мене покыдаеш.
Будь здоровый и щаслывый з тою, що кохаеш,
А над мене вирнійшои николы не знайдеш.
А я завше Бога прошу з вечора до ранку,
Да щоб ты мав щастє й долю, мій мылый коханку !
Ой з вечора витер віе, з раня сонце гріе:

Хоч оченькы слизок не льють да серденько ные.
Росты, дубе, край дорогы гильем на долыну;
Я мылого липше люблю, ниж маты дытыну.

(Житомир.)

Ой за яром брала дивка льон, та забулась повьязаты:
Ой недалеко мій мылый од мене, та никым наказаты.
Ой повьяжу льон хоть сыньою та ожыною:
Ой накажу я свойму мылому хоть чужою чужыною.
Ой сыняя ожынонька, вона льону не повьяже:
Ой чужая чужынонька, вона правдонькы не скаже.
Ой прыйды або прылены ты соколоньком до мене:
Ой болыть, болыть, побываеться мое серденько без тебе
Ой прыйды або прылены, сызокрылый голубочку!
За-для тебе, сызый голубочку, стоить вода у кубочку.
„Ой як же мени, серденько мое, та до тебе прыленуты?
Кругом тебе жывуть вориженькы, та никуды обмынуты.„
— Такы прыбувай, такы обмынай, по-за гаем зелененьким,
По-за гаем, гаем зелененьким, коныченьком воронецькым.
Ище обійды, серденько мое, по-за вышневым садочком,
Чы не зійдемся, чы не зострынемся хотя голосочком.—
„Ох и де-ж мени, моя мыла, коныкив набраты—
По-за гаем зелененьким до тебе обызжаты?„
Ой як не будеш, серденько мое, до мене прызжаты,
То буде мене отець-матуся за иншого оддаваты.—
„Як будуть тебе, моя мыла, за иншого оддаваты,
Пышы лысты на билим папери, давай мени знаты.„
— Ой я пысала и посылала, мои лысты не доходять,
А вже мои каріи очи слизонькамы сходять.—
„Дивчыно моя, серденько мое, не журыся за мною:
Ой не будеш ты мени жоною, а я тоби дружыною.„

Ой в горóди конопелькы, верхы зеленéньки:
Мылый мылу покыдае, ворогы раденьки.
Нехай соби покыдае, як сам добре знае;
Щаслывои дориженькы, куды вин бажае!

(Глухов.)

„Дивчыно моя, мое сердыня, як до тебе прыбуваты?
Кругом тебе сыдять вориженькы, никудою обмынуты.„
— Скажу я тоби, мое серденя, кудою их обмынуты:
По-за садом, по-за зелененькым, коныченьком вороненькым.
„Дивчыно моя, мое сердыня, де-ж тых конькив набраты?
Що в Бога день, що день, що годыны, треба тебе одвидаты.

(Радомысль.)

Ой за яром брала я льон, всю долыну зходыла;
Нема того та й не буде, кого вирно любыла.
Ой прылены, прылены, ты мій мылый, до мене;
Ные, ные, занывае мое серце без тебе.
Рад-же-б я, мылая моя, та до тебе прылынуты;
Залывае Дунай бережечкы, та никуды обмынуты.
Ой прелыну, прелыну я Дунайську ричку;
Люблю тебе, серденько мое, не покыну довику.
Ой колы-б-же мени та орлови крыла,
Полынув-бы я в ту сторону, де жыве моя мыла.
Ой колы-б-же мени соколови очи,
Полынув-бы я до мылои хотя о-пивночи.
Ой колы-б-же мени не такая туга,
Полынув бы я до свойого вирного друга.
Ой колы-б же мени ластовыніи крыльця,
Полынула-б я до мылого, до свойого чорнобрывця.

(Гадяч.)

Ой рад бы я, та мылая моя, та до тебе прылынуты,
Ой облеглы ворогы дорогы, та никуды обмынуты!
Ой як-бы схотив, та мій мыленькый, та до мене прылынуты,
Знайшов бы ты нову дориженьку вориженькив обмынуты.
Ой як-бы мени та орлови крыла,
Полетив бы, одвидав бы, як горюе мыла.
Ой колы-б мени собольови очи,
Полетив бы, одвидав бы, темненькои ночи.

(Изюм.)

Сыдыть голуб на дубочку, голубка на вышни:
Скажы, скажы, моя мыла, що маеш на мысли?
„А я-ж тоби божылася, що люблю як душу;
Тепер мене покыдаеш, я плакаты мушу.„
„Колы хочеш, моя мыла, щоб мене избуты,
То дай мени таке зильля, щоб тебе забуты.„
Ой е в мене таке зильля блызько перелазу:
Як дам тоби напытыся, забудеш од разу.
Буду пыты, буду пыты, капли не упущу;
Тоди я тебе забуду, як очы заплющу.
Буду пыты, буду пыты, хотя-б через сылу;
Тоди я тебе забуду, як ляжу в могылу.„

(Глухов.)

Скрыплять мои воритенька, неможна пидняты;
Люблю, люблю дивчыноньку, та невирно взяты.
Скрыплять мои воритечка, нихто й не прычыныть;
Люблю, люблю дивчыноньку, нихто й не упыныть.

(Гадяч.)

Скрыплывіи воритечка, не могу пидняты;
Улюбывся у дивчыну та не могу взяты.

Скрыплывіи ворітечка, не могу видперты;
Буду любыть дивчыноньку до самои смерты.
Ой хвортуно, хвортуныно! що ты учыныла?
Дала серцю спизнатыся, дали разлучыла . . .

(Гадяч.)

Сыдыть голуб на берези, голубка на вышни:
— Скажи мини, серце мое, що маеш на мысли?
Як не хочеш, мій мыленькый, дружыною буты;
То дай мини таке зилья, щоб тебе забуты.
„Ой е в мене таке зилья блызько перелазу;
Як дам тоби напытыся, забудеш од разу.„
— Буду пыты через сылу и крапли не впущу;
Тоди тебе я забуду, як очы заплющу.
Два голубы воду пылы, а два колотылы;
Бодай же тым тяжко-важко, що нас розлучылы!
Бодай тіи скончалыся и щастя не малы,
Що нас воны розлучылы з коханои пары!
Бодай тебе, мій мыленькый, ворота прыбылы,
А щоб тебе опрыч мене инши не любылы!
Бодай тебе, бодай мене, бодай нас обое!
А що-ж мы покохалысь на лышечко свое!
Любылыся, кохалыся, як голубкы в пари,
А тепера розійшлыся як чорніи хмары.

(Глухов.)

Як мы любылыся, нас маты не знала;
Тепер розійшлыся як чорная хмара.
Ой мы любылыся, нас двоечко в парци;
Тепер розійшлыся як сонечко в хмарци.

(Овруч.)

Степ шырокый, край далекый, мылого не бачу;
Як згадаю слова його, то все тилько плачу.
Червоная калынонька, билее деревце;
Чом до мене не говорыш, мое мыле серце?
Таку соби, моя мыла, натуроньку маю,
Що як сяду блызько тебе, то все забуваю.
Знаю, знаю, мій мыленькый, а що ты думаеш!
Говорылы мыни люде, що ты ыншу маеш!
Ой я ыншой не маю, мыслонькы заносять;
Бо й сама-ж ты, мыла, бачыш, що вси мене просять.
А ты, мій мыленькый, в прозьбу не вдавайся:
Як пойдеш на вкрайну, то й не забаряйся;
Як прыйдеш з украйны, то й не прызнавайся.
Летыть орел через море, крылечкамы маше;
Нихто мыни без мылои правдонькы не скаже.
Летыть орел по-над морем: подай море пыты!
Тяжко-важко нам убогым багатых любыты!
Летыть орел по-над морем, та й оглядаеться;
Нехай же моій, мылéнькій легко згадаеться!
Летыть орел по-над морем та й крылець не вмоче;
Десь мій мылый, голуб сывый, десь вин пыты хоче.
Летыть орел по-над морем, на воду схылывся;
Десь мій мылый, голуб сывый, десь вин забарывся.
Бодай тебе, мій мыленькый, перва куля вбыла;
Бодай тебе, мій мылéнькый, ынша не злюбыла.

(Переяслав.)

Летив орел по-над морем и став голосыты;
Ох як трудно убогому на чужыни жыты, багату любыты.
Летив орел по-над морем, и летячы крыкнув;
Ох як-же-ж я без тебе жыть в свити прывыкнув!

Летив орел по-над морем, опустывшы крыла;
Яка-ж мене тут на свити удержуеть сыла!

(Константиноград.)

Летив орел через море та став воды пыты;
Тяжко-важко убогому багату любыты.
Ты думаеш, ти любляться, що багато грошей;
Я молодый, я здоровый, ще к-тому й хорошый.
Я молодый, я здоровый, буду заробляты,—
Ты не будеш, дивчынонько, ни в чим нужды знаты.
Буду вставать я раненько, все буду робыты,
И на чужу ныву жаты не будем ходыты.
Абы мы кохалыся, и худобы не треба;
Пошле нам Бог худибоньку з высокого неба! . .

(Гадяч.)

Ой жыву я, жыву пид Божою властю,
Ой плачу я и рыдаю по свойму нещастю;
Ой плачу я, плачу, свои лита марно трачу,
За дрибнымы слизонькамы свитонька не бачу.
Ой пійду я, пійду да до броду по воду,
Ой гляну я в чысту воду, да на свою вроду:
Аж-но моя врода на лыченьку красна,
Бидна моя головонька! доленько нещасна!
Ой пійду я, пійду дорогою шырокою,
Ой гляну я, ой паду я да в колейку глыбокую.
В поли пташкы литають, веселенько спивають,
Воны-ж мини молодéнькій жалю завдавають!
Ой жалю мій, жалю, жалю не по-малу:
Ой впустыла голубонька, да вже й не піймаю!

(Прав. стороны Днѣпра.)

15 Густый гаю, густый гаю, густый—не прогляну,
Упустыла соколонька, да вже й не піймаю:
Хоть піймаю, не піймаю,—да вже не такого,
Не прыляже мое серце николы до його!

(Чернигов.)

15 Упустыла соколонька, да вже не піймаю,
Розсердыла мыленького, да вже не вблагаю;
Хоть вблагаю, не вблагаю, да все не такого:
Не прыгорнеться вже серденько и мое до його!

(Остер.)

15 Густый гаю, густый гаю, темный—не прогляну;
Упустыла соколонька да вже не піймаю.
Хоч піймаю, не піймаю, да вже не такого,
Хоч прыгорну до серденька, да вже не однаково!

(Радомысль.)

— Колы-б так тоби, як тепер мени,
Да бида докучыла;
То-б ты пойхав да й не барывся,
Ой щоб я не скучыла.
Колы-б так тоби, як тепер мени,
А бида за бидою;
Ты-б коня добув, до мене прыбув,
Попрощався зо мною.
Чы ты багатый, чы гордоватый,
Чы высоко несешся?
Ой чы ты мене вирненько любыш,
Чы з мене сміешся?

„Я не багатый, не гордоватый.
Высоко не несуся:
Ой я-ж бо тебе вирненько люблю,
З тебе не сміюся.„
— Ох не спыняйте у ставу воды.
Нехай вода рыне:
Не дайте мене за пьяныченьку.
Нехай вин изгыне.
Я з пьяныцею жыты не буду.
Тилько роскошы забуду;
Я з пьяныцею жыть не піймуся.
Хиба пійду утоплюся.
Ой упав снижок на оближок,
Да уже й не ростáне:
Ой до стыдкого, ой до брыдкого
Серденько не прыстане.
Ой поплыв, поплыв серденько
Днипром—тыхою водою,
И шапкы не зняв, и рукы не дав,
Не прощався зо мною.

(Глухов.)

„Ой яром-яром пшеныченька, по-пид нызом овес;
Ой не по правди, мій мылéнький, ты зо мною жывеш:
Мымо мій двир—новы воритечка до иншои йдеш,
Да до иншои, да до гиршои мед-выно несеш,
А до мене молодои и так не зайдеш!„
Ой обсады, мыла, голубонька сыва, вышенькамы двир,
Ой щоб не заходыв, витер не заносыв мого голосочку в двир.
„Да вже-ж я садыла, вже-ж я полывала, не прыймается:
Ой уже-ж наше вирне женыханьне, вже мынается!„

Ой обстелы, мыла, голубонька сыва, кытайкою двир,
Ой щоб не помазать дорогых сапьянцив, золотых пидкив.
„Ой де-ж мени, мій мыленькый, да кытайкы набраты?
Щоб тоби так тяжко, щоб тоби так важко з иншою гулять,
Ой як мени тяжко, ой як мени важко тебе забувать!...„

Де-хто так спива:

Що до иншои та до гиршои рано й пизно йдеш.
А до мене молоденькои голосочок несеш.
Ой обсады, моя мылая, черешнямы двир,
Ой обстелы, моя мыла, хусточкамы двир,
Ой бодай же ты, молодый козаче, сього не диждав.
Щоб ты мои хусточкы ногамы топтав.

(Гадяч.)

Ой посію на гори пшеныцю, пид горою овес;
Ой чому не-по-правди, молодый козаче, ты зо мною жывеш?
Ой мымо моих ворит, мымо мого двора ты до другои идеш!
Ой до другои та да лучшои ты мед-выно несеш;
Ой до мене молодои дивчыны ты з нагайкою идеш.
— Ой та посады, молода дивчыно, у воротях вербу;
Ой як буду до другои итты, то й до тебе зайду.
„Ой уже садыла, уже полывала, та й не прымаеться;
Ой кого я любыла, кого я кохала, то й не прызнаеться.„
— Ой устелы, молода дивчыно, та бумагою двир,
Ой щоб не помазав молодый козаченько ни чобит, ни пидбир.
„Ой я слала, слала-выстылала та бумагою двир;
Ой кого я любыла, кого я желала, та не дав мини Биг.„

(Конотоп.)

По садочку я гуляю,
Товарыша выклыкаю:
Товарышу, ридный брате,
Выклыч мыни дивча з хаты!
Чого-сь буду я пытаты:
Ой чы будеш двох кохаты?
Ой як будеш двох кохаты—
Буде тебе Бог караты.
А як будеш двох любыты.
Буде тебе Бог судыты.
Дивчынонька выходыла,
З козаченьком говорыла:
Колы любыш, любы дуже,
А не любыш, не жартуй-же;
Колы любыш, будь зо мною,
А не любыш—Бог с тобою!
Не завдавай серцю тугы;
Не будеш ты—буде другый . . .
Як мы з тобою спознавалыся,
Сухи дубы розвывалыся;
А як кохаться перестали,
Й однолиткы повсыхалы;
Ой кохалысь тры годочкы,
А розсталысь—тры часочкы.

(Остер.)

Чы се тая крыныченька,
Що голуб купався?
Чы се тая дивчынонька,
Що я женыхався?

Женыхався, не сміявся,
Казав моя буде;
Разлучыла нас не воля,—
Недобріи люды.
Два голубы воду пылы.
А два колотылы:
Бодай тіи подурилы,
Що нас розлучылы.

(Золотонош.)

Чы я в тебе маты не твоя дытына,
Колы моя мука тоби дуже мыла. 2.
Ох и маты, маты, ты жалю не маеш:
Хто прыйшов по серденьку, забуть заставляеш. 2.
Спытай же ты, доню: котру тепер любыть?
Що вин тебе молодую за любов осудыть! 2.
А в горóди чыстоколи два кущыкы пыжма,
А хто любыть та покыне, той не дижде тыжня. 2.
А в горóди чыстоколи два кущыкы руты,
А хто любыть та покыне, не дижде мынуты. 2.
А в горóди чыстоколи два кущыкы мьяты,
А хто любыть та покыне, не перейде хаты. 2.
А в горóди чыстоколи два кущыкы дроку;
А хто любыть та покыне, той не дижде року. 2.
Ой не ходы коло воды, не тужы за мною,
Ты не будеш мини мужем, я тоби женою; 2.
Ой не ходы коло воды, буде хвыля быты,
Щоб с тобою не стояты и не говорыты. 2.
Як я любыв, по прежньому, не буду цураться.
Не попущу тебе, мыла, иншому достаться. 2.

(Конотоп.)

Ой маты, маты, серце не вважае;
Кого раз любыть, з тым помирае.
Лучче-ж умерты, ниж з немылым жыты,
Сохнуты з печали, що-дня сльозы лыты.
Бидность, багатство есть то Божа воля,
А з немылым жыты—нэсчасная доля.
О хиба-ж я, маты, не твоя дытына,
Колы моя мука тоби будеть мыла?

(Гадяч.)

Чого селезень смутен, невесел,
Смутен, невесел, неодрадосен?
Ой як же мыни веселому буть,
Веселому буть, одрадосному,—
Що вчора була утинка моя,
Сьогодня нема,—застреленая!
Колы-б на води, то-б не жаль мени,—
А то на гори, в шовковій трави!
Чого сей козак смутен, невесел,
Смутен, невесел, неодрадосен?
— Ой як же мыни веселому буть,
Веселому буть, одрадосному?
Що вчора була дивчына моя,
Сьогодня нема, засватаная.
Колы-б на село, то-б не жаль було!
А то через двир, да й товарыш мій!
По воду идé, добрыдень дае;
З водою идé, жалю завдае.
— Здорова була, дивчыно моя,
Чужа, не моя, товарышова!
Дивчыно моя, засватаная,

Чого-ж ты така заплаканая?
„Того-ж я така заплаканая.
Що за нелюба засватаная.„
— Дивчыно моя, заручена,
Чого-ж ты така замученая?—
„Того-ж я така замученая,
Що за нелюба заручена.„

(Прилук.)

Ой дивчына сины мела та й засміялася;
Выйшла маты воды браты та й догадалася.
Ой пый, маты, тую воду, що я наносыла;
Хвалы маты того зятя, що я полюбыла.
Ой не буду воды пыты, буду розлываты;
Нелюбого зятя маю—буду розлучаты.
Буде тоби, моя доню, лыхая годына,
Що ты того козаченька щыро полюбыла.
Хоть пый, маты, хоть лый, маты, воды не розлыты;
Нелюбого зятя маеш—тоби з ным не жыты.
Хоть бый, маты, хоть лай, маты, то вже не научыш:
Нелюбого зятя маеш—повик не розлучыш!
Донько-ж моя коханочко, така твоя доля—
Полюбыла козаченька, була твоя воля;
Жывы-ж, доню, в свою волю, так як полюбыла;
Не жалкуй на свою матку, що тебе згубыла.
Ой не буду жалкуваты, моя ридна маты,—
Яку мыни дав Бог долю, буду горюваты.
Ой чы буду горюваты, або веселыться,
Абы прыйшлось мыленькому на мени женыться.

(Черномор.)

Будь для того, маты, добра, що я полюбыла.
Мымо мене полюбыла, буду розлучаты!
Не розлывай воды, маты, бо важко носыты;
Не розлучай мене з мылым: не тоби з ным жыты!
Тяжко, маты, важко, маты, буде из тым жыты,
Ой як кого мое серце не схоче любыты!

(Золотонош.)

Ой пиду я у садочок
Та вырву лысточок,
Та закрыю мыле́нького
Мылого слидочок,—
Щоб пташечкы не литалы,
Слиду не топталы,
А щоб мого мыленького
Инши не кохалы!—

(Лѣвой стор. Днѣпра.)

Ой по горах, по долынах
По широкых украйнах,
Ой там козак похожае,
У бандурку выгравае,
И сам себе розважае:
„Ой чы мыни женытыся,
Ой чы мыни смутытыся?
Ой чы мыни лысты слаты,
Ой чы мыни перестаты?
Як буду я лысты слаты,
Будуть же нас люды знаты.
Ой гукну я на мало́го:
Сидлай коня вороного!

Ты, мисяцю, свиты, свиты,
Ты, коныку, бижы, бижы;
Ты, мисяцю, свиты выдко,
Ворон коню, бижы швыдко!
Ты мисяцю, пидбывайся,
Вороный кинь, поспишайся!„
Ой став мисяць захожаты,
Ой став коник прыставаты,
До дивчыны доижжаты.
Прыйхалы пид ворота,
Выйшла дивка краща злота.
Взяла коня за гнуздечку,
Козаченька за рученьку;
Веде коня у стадныцю,
Козаченька у свитлыцю;
Дае коню овса-сина,
Козаченьку меда й вына.
Стала чару налываты,
Стала тяженько вздыхаты;
Ой став козак чару пыты,
Став до дивкы говорыты:
„Чого смутна стала, мыла?
Чы жаль тоби овса-сина,
Чы жаль тоби меду й вына,
Чы жаль тоби постилонькы,
Чы пизньои вечеронькы?„
— Не жаль мыни овса-сина,
Не жаль мыни меду й вына,
Не жаль мыни постилонькы,
Ни пизньои вечеронькы;
А жаль мыни дивованьня,

Що прежнього зазнаваньня:
Ой як же мы любылыся,
Вси ворогы смутылыся,
А тепер, як пересталы,
Вси ворогы рады сталы.

(Глухов.)

Задумав козак женыться,
Йому ниченька не спыться;
Оженився, зажурився
(На коныка похылився):
Чы диткамы, чы женою,
Чы своею головою!
Сидлай хлопку коня вороного,
А мени сидлай другого;
Пойдемо до мылои,
До голубонькы сывои.
Прыйхалы пид ворота,
Выйшла мыла краща злота,
Та ничóго не сказала,
Тилько серденьком назвала.
Бере коня за поводы,
А мылого за рученьку;
Веде коня на станыцю,
А мылого у свитлыцю;
Дае коню сина й вивса,
А мылому меду й вына.
Сама сила, задумала,
Кари очи зарюмала.
„Чого, мыла, задумала,
Кари очи зарюмала?

Чы жаль тоби сина, вивса,
Чы жаль тоби меду й вина?
— Не жаль мени сина, вивса,
Не жаль мени меду й вына;
29 Ой жаль мени коханьнячка,
Дивоцького гуляньнячка,
Що як прыйде суботонька,
Я змыюся й розчешуся,
А в недилю прыберуся,
На мылого подывлюся.

(Гадяч.)

11 Ты, мисяцю, свиты, свиты,
Ты, коныку, спишы, спишы;
Ты, мисяцю, просвищайся,
Ты, коныку, поспишайся.

(Житомир.)

29 Я мед-выно поплачу́;
Сино, овес достачу.

(Гадяч.)

Ой по горам, по долынам,
По козацькым украйнам,
Сызый голуб литае,
Соби паронькы шукае,
Товарыша выклыкае:
Товарышу, ридный брате!
Выклыч дивчыноньку з хаты!
Выклыч дивчыноньку з хаты,
Щось я маю ій сказаты,
За рученьку подержаты,

За рученьку, за другую,
Дивчыноньку молодую.

Коло, коло Дунаю
Дивчына гуляе,
На буйную фылечку
Спыльна поглядае,
На быструю фылечку
Спыльна поглядае:
Чы не йиде козаченько
З моря по Дунаю?
Йиде, йиде човнычок
З моря по Дунаю,
На човнычку парубочок
Весламы играе,
На човнычку парубочок
Весламы играе,
А сам схылыв головоньку,
Сльозы пролывае.
Дивчыно, дивчынонько,
Не ходы по Дунаю,
Не жды свого мылéнького
Из чужого краю,
Не жды свого коханого
З далекого краю,—
Знялы з нього головоньку
Зліи басурманы!

(Гадяч.)

З горы та в долыну у луг по калыну;
Кохав козак дивчыноньку, як батько дытыну.
Ой вин іи кохав та не докохався,—
Вона його осудыла, вин не сподивався.
Не я, мылый, осудыла, судять же нас люде,
Що з нашого закоханья ничóго не буде.
Ой з нашого закоханья ни славы, ни вжытку,
Карым очам сну немае, нижкам одпочынку.
Ой ты, дивчынонько, ты словамы блудыш,—
Ты сама знаеш, кого вирно любыш.
Ой знаю, знаю, кого я кохаю;
Тилькы не знаю, з кым я жыты маю.

(Правой стор. Днипра.)

Ой у поли былына, іи витер колыше;
Горе-ж мыни на чужыни, аж мій дух не дыше.
Ой голубчычок гуде, а голубка не знае,
А що голуб голубоньку да покынуты мае.
Ой голубчычок гуде, а голубка буркоче,
Що голуб голубку покыдаты хоче.
Да не кыдай же мене, сызокрылый орле!
Ой хто-ж мене, молодую, на чужыни прыгорне?
Прыгортайсь, мыла, ик другому такому,
Да не скажы сеи правды да що мыни самому.
Ой голубчычок гуде, а голубка буркоче,
Да що голуб голубоньку зараз кыдаты хоче.
Ой не кыдай же мене та на чужій чужыни,
А я тоби годыть буду, як малій дытыни!

(Радомысль.)

У горо́ди хмелыонька,
Грядкы устылае;
Промиж людьмы дивчыонька
Ой гирко рыдае!
Що-ж хмелына зелененька,
Що не вьеться в гору?
Що́-ж дивчына молоденька
Проклынае долю?
Як хмелыни в гору выться?
Тычыны немае!
Як дивчыни не журыться?
Козак покыдае!

(Глухов.)

1 Ой зійду я на шпыльочок,
Да гляну я в долыноньку:
Долына глыбока, а калына высока,
Аж до долу витьтя гнеться.
Пид тією калыною
Стоить козак з дивчыною;
Дивчыонька плаче, сылненько рыдае,
Свою долю проклынае;
Козак дивку вговоряе.
„Не плач, дивко, не журыся —
Хоч буду далеко, буду тебе знаты,
Буду лыстонькы пысаты.„
— Ой колы-б же я да все знала,
Ис тобою не стояла . . .
Гуляла-б у батька, да гуляла до вику
Дивчыною молодою.—
Зійшла дивка на шпыльочок,

Да глянула на свиточок:
Ой свите мій ясный, ой свите прекрасный! . .
Доле-ж моя несчаслива!

(Пирятин.)

Ой выйду я на шпыльочок
Да гляну я на долыну:
Долына глыбока, а калына высока,
Аж на землю виты гнуться,
А в тіи дивчыны, а в тіи молодои
Аж на землю сльозы льються.

(Лебедин.)

Ой любыв козак да тры годы одну дивчыну,
Да не велыть маты тіи дывчыны браты! 2.
Ой як будеш, сынку, тую дивчыну браты,
То не кажы, сыну, що я твоя ридная маты. 2.
Ой не так же маты, ой як меншая сестра:
„Да не беры, брате, без счастя дивчына зросла, 2.
Що без счастя зросла, а без доли уродылася,
Вона-ж тоби, брате, дружыною не судылася!„ 2.
Ой зійды, зійды, ты зирочко та вечирняя,
Выйды до мене, дивчыно ты безридная! 2.
Що зирочка зійшла—усе поле освитыла,
Дивчына выйшла—козаченька розвеселыла! 2.
Дивчыно моя, да недоленька твоя,
Що не сподобала вся родынонька моя. 2.
Ой не так родына, як менша сестра:
„Да не беры, брате, без счастя дивчына зросла, 2.
Що без счастя зросла, а без доли уродылася,
Вона тоби, брате, дружыною не судылася. 2.

Лучче-ж тоби, брате, з сыротыны насміятыся,
А-ниж тоби, брате, з сыротою повинчатыся; 2.
Лучче-ж тоби, брате, важкый камень пидняты,
А ниж тоби, брате, з сыротою вик провождаты.„ 2.
Лучче-ж, мыни, сестро, да гиркый полынь йисты,
А ниж мыни, сестро, сыротыну из ума звесты! 2.

(Пирятин.)

Ой изыйды, зыйды, ты зиронько та вечирняя,
Ой выйды, выйды, дивчынонько моя вирная!
„Не подоба зирци из вечора та зыходыты,
„Не подоба дивци до козака та выходыты.„
Ой зиронька зійшла, усе поле та й освитыла;
Дивчына выйшла, казаченька звеселыла.
„Ой ты козаче, ты хрещатый барвиночку,
Хто-ж тоби постеле у дорози та постилечку?„

(Борзн.)

Ой ты козаче! що ты думаеш-гадаеш?
Чому не женышся, соби пары не шукаеш?
Не велила маты вдовынои дочкы браты,
А велила маты богатишои шукаты.
Ой зійды, зійды, зирочко та вечирняя!
Ой выйды, выйды, дивчыно моя вирная!
Неподоба зирци без мисяца та зиходыты;
Неподоба дивци до козака та выходыты.
Рада-б зирка зійты, чорна хмара заступае;
Рада-б дивка выйты, матусенька не пускае.
А зиронька зійшла, усе поле освитыла;
А дивчына выйшла, козаченька звеселыла.

(Кіев.)

Ой зійды, зійды, зирочко та вечирняя,
Ой выйды, выйды, дивчыно моя вирная.
Рада-б зирка зійты, чорна хмара наступае;
Рада-б дивка выйты, так матуся не пускае.
Не подоба зирци без мисяця та зиходыты,
Не подоба дивци до козака та выходыты.
Що зирочка зійшла, усе поле освитыла;
А дивчына выйшла, козаченька звеселыла.
Ой ты, козаче, ты хрещатый та барвиночку!
Хто-ж тоби постеле у дорози та постилечку?
Ой стелеться мини широкый лыст та бурковына,
А пид головы голубая та жупанына.
Що зирочка зійшла, усе поле освитыла;
Ты-ж мини, дивчыно, у дорози люба та мыла.
Ой и через межу горошок та постелывся,
Козак до дивкы ворогамы та поклонывся:
Ох и поклонйться вы, добріи люде,
Нехай моій мылій там легенько буде;
Ох и поклонйться вы дивчыни небози,
А що мини добре в далекій дорози.
Ой ты, козаче, що ты думаеш — гадаеш?
Чому не женышся, соби пары не шукаеш?
Ох и як мини та пароньки шукаты,
Та не велыть маты тебе, дивчыно, браты?
Та не велыть маты тебе, дивчыно, браты,
Та велыть мини маты, де чотыри волы, браты.
Де чотыри волы и два коныка в дышли, —
А як же іи любыты, колы не до мысли?
Де чотыри волы та ще й пара коней, —
Ох и як іи любыты, колы сама не до любови? —

(Полтав.)

У горóди огирочок—зеленый лысточок;
Не бачыла мыленького, болыть жывоточок.
Болыть, болыть головонька, и серце поныло;
Не бачыла мылéнького, и дило не мыло.
Перебрыду быстру ричку й половыну ставу;
Сватай мене, козаченьку, не вводь у неславу.
— Сама-ж бо ты, дивчынонько, у неславу входыш,
Що пизненько — нераненько из йулыци ходыш. —
„Як же мени, козаченьку, раненько ходыты?
Як визьмеш ты за рученьку, не мусыш пустыты.„
— Не потурай, дивчынонько, моій размовоньци,
Держы сама розум добрый в своій головоньци. —
„Держала-б я розум добрый, да впустыла в воду,
Не вповала на худобу, а на його вроду.
З велыкою худобою бытысь да сварытысь,
З хорошою дружыною на свити нажытысь.
З велыкою худобою може й лыхо буде,
А з мылою дружыною не стыдно й меж люде.„
Цвите мачок невелычок, нема цвиту змины;
Хоч як козак забожыться, не ймы, дивко, виры.
Козак тума зведе з ума, не буде й любыты —
Де найбильше челядонькы, там стане судыты.

(Глухов.)

Ой плавалы утынята по тим боци ставу;
Сватай мене, козаченьку, и не вводь у славу.
Що сам стоиш, мене держыш, велыш говорыты.
Наплювала-б я на тебе й на твою уроду:
Що ни вроды, ни худобы, ни третього зросту!
Хыба питты утопыться з высокого мосту!

(Лубн.)

Повій, витре холодненький, з глыбокого яру;
Прыбудь, мылый чорнобрывый, з далекого краю!
Ой рад бы я повиваты, та глыбоко, друже;
Ой рад бы я прыбуваты, та далéко дуже!
А у броду нема льоду, нема переходу;
Ой колы-ж ты мене любыш, бреды через воду.
Перебрела дви риченькы, в половыни стала;
Сватай мене, козáченьку, не вводь мене в славу!

(Гадяч.)

Я молода пшеныченьку жала
Та ще й не носыла;
Розсердыла мыленького,
Та ще й не впросыла.
Просылы батько и маты;
Просыла й родына:
Нехай його ще попросыть
Лыхая годына.

(Гадяч.)

— Ой Галю, Галю! не робы жалю!
Як мы любылыся з тобою з-малу,
Як мы любылыся, та й не побралыся,
Славы, поговору понабиралыся.
Ой дивчынонько, чаривныченько!
Прычарувала биле лыченько!
— Козаченьку мій, дурный розум твій!
Колы-б ты стилько знав з синей до хаты,
Як я умію чым чаруваты:
В мене чаронькы—чорни бровонькы,
В мене прынада—сама молода.

(Гадяч.)

Да поглядаю да позыраю да на ту чорну хмару;
Ой ходимо, товарышу, да на той край помалу.
Да чого-ж мини, да товарышу, на той край ходыты?
Перестала дивчынонька да вирненько любыты.
Часто ходыв, вирно любыв, вирно женыхався;
Осудыла дивчынонька, да що я й не сподивався.
Не я-ж тебе да осудыла, судять же нас люде;
Що з нашого женыханьня ничóго не буде.
Що з нашого женыханьня ни славы, ни вжытку;
Карым очам спаньня нема, а нижкам спочынку:
Кари очи не сплять ночи, нижки не вгавають;
Ой як прыйду да додóмоньку, до вси мене лають.
Да не лай мене, моя маты, гиркымы словамы;
Обильюся що-вечора дрибнымы сльозамы.
Да не лай мене, моя матинко, ще й гирчишымы;
Обильюся що-вечора ще й дрибнишымы.
Да не лай мене, моя матинко, николы ни за що;
Полюбыла пройдысвита, превелыке ледащо.
Над моею хатыною чорненькая хмара,
А на мене молодую поговир та слава.
А я тую чорну хмару рукавом розмаю;
Перебула поговоры, перебуду й славу.
А не пиде дрибен дощык без чорнои хмары;
А не выйде дивка замиж без людьськои славы.
Настучыться, нагрючыться, дрибен дощык пи́де;
Набрешуться вороженькы, дивка замиж пи́де.

(Конотоп.)

Ой давно я поглядаю на чорную хмару;
Ой ходимо, пане-брате, на той бик помалу. —
„Чого-ж мени, пане-брате, на той бик ходыты?
Перестала дивчынонька вирненько любыты.

Часто ходыв, вирно любыв, з нею женыхався;
Вона-ж мене израдыла, я й не сподивався.
Навидала кубелечко, де вутка несеться;
Провидала, що я бидный, — тепера сміеться.
Ой не смійся дивчынонько, сама смихом будеш;
Як дам тоби з-тыха лыха, по-вик не забудеш.
Хоч я не дам, хоч я не дам, так дасть моя маты;
Такы тоби лыхо йметься из нашои хаты.
Будеш, будеш ты лежаты, пытонькы прохаты,
Та никому тоби буде и кухля податы.
Подай, маты, кухоль з хаты холодноі воды;
Посміялась з козаченька, з хорошои вроды.

(Гадяч.)

— Ой ходи́мо пане-брате, на той край по-малу!
—Чого-ж мени пане-брате на той край ходыты?
Перестала дивчынонька мылого любыты!
Вирно любыв, вирно ходыв, вирно й женыхався.
Аж що? и слава пропала, я й не сподивався!
„Не я тебе израдыла, израдылы люды;
Из нашого женыханьня ничо́го не буде!
Из нашого женыханьня ни славы, ни вжывку:
Карым очям спаньня нема, и нижкам спочывку.

(Гадяч.)

Не сіявшы, не оравшы, не буде жыто родыты:
Козака не чарувавшы, не буде й ходыты.
Як я жыта не сіяла, само жыто родыть;
Козака не чарувала, сам до мене ходыть.
Я його не чарувала, хиба моя маты —

Брала писок из-пид нижок його чароваты.
Ой не чаруй, моя маты, козака до мене,
Будуть слава й поговоры на тебе й на мене.
Над моимы воротамы чорненькая хмара,
А на мене молодую напрасная слава.
А я тую чорну хмару пером розмахаю,
А к слави не прыслухáюсь, то й гадкы не маю.
Переступлю я синечкы и покутню лаву;
Пережыла поговоры, пережыву й славу.

(Харьков.)

1 Да туман полем, да туман полем,
Да туман туманыться; 2.
А у дивчыны да чорныи бровы,
А любо й подывыться. 2.
Да туман яром, да туман яром,
Да туманочку трошкы; 2.
А в дивчыны да чорныи бровы,
Як у тіи волошкы. 2.
По тим боци на толоци
Там цыганы стоялы; 2.
Ох и миж тымы да цыганамы
А цыганка ворожка,— 2.
Ой туды-ж бигла да дивчынонька
До цыганочкы боса: 2.
— А цыганочка, да ворожечка,
Ой уволы мою волю! 2.
17 Да прычаруй ты да козаченька,
Що гуляе зо мною.— 2.
А цыганочка да ворожечка
Мою волю волыла; 2.

Ой уризала русои косы
Да козака накурыла. 2.
(А иншіи докладають:)
А цыганочка да ворожечка
Мою волю волыла: 2.
Уризала чорнаго чуба
И дивчыну накурыла. 2.

(Переяслав.)

1 Туман яром, туман яром,
Туман ще й горою;
Та не по правди, молодый козаче,
Говорыш зо мною.
Хоч по правди, не по правди,
Не буду казаты . . .
Та не буду, дивчынонько,
Жалю завдаваты!

17 Ой прычаруй казаченька
На-вики зо мною.

(Лѣвой стор. Днѣпра.)

„Ой сон, маты, ой сон, маты, сон головоньку клоныть!„
2 — Отто-ж тоби, мій сыночку, своя воленька робыть,
Що до тебе, мій сыночку, сама дивчына ходыть. —
„Нехай ходыть, нехай ходыть, вона мене вирно любыть,
5 Вона мене вирно любыть, и дружыною будеть!„
Прыихалы до дивчыны тры казаченькы пизно,
Наварыла им дивчына да вечеряты ризно.
Ой первому вечеронька — да варенычкы в масли,
А другому вечеронька — да шевлія та рута,
А третьому вечеронька — сама щыра отрута.

Сыдыть козак на коныку, коло серденька вьеться;
Стоить дивка на порози, да з козака сміеться.
— Колы мени, дивчынонько, ся й отрута мынеться?—
„Тогди тоби, козаченьку, ся й отрута мынеться,
Як у поли на раздоли сухый дуб розивьется!„

(Глухов.)

2 Отто-ж тоби, мій сыночку, своя воленька волыть.
5 Вона мене вирно любыть, вона мыни правду скаже.
Що у лиси на горыси тры голубонькы гуде;
Отто-ж тоби, мій сыночку, тры прыгодонькы буде:
Що первая прыгодонька — варенычкы в масли,
А другая прыгодонька — шевлія та рута,
А третяя прыгодонька — довишня отрута . . .
Що вчора був жыв и здоров, а сьогодни смерть несчасна:
Отто-ж тоби, мій сыночку, дивчына прекрасна!

(Пирятин.)

„Ой сóн, мáты, ой сóн, мáты, да голивоньку клóне . . .„
Оце тоби, мій сыночку, своя вóленька рóбыть,
Що до тéбе молодóго самá дúвчына хóдыть.
„Нехáй хóдыть, нехáй хóдыть: вонá менé вúрно любыть,
Вонá мыни молодóму да дружыною бýдеть.„
6 Запросыла дивчынонька трох козáченькив пúзно;
Наварыла дивчынонька да вечéряты рúзно:
Ой пéрвому постáвыла да варéныкив в мáсли,
А другóму постáвыла шевліи да рýты,
А трéтьому постáвыла превелыкой отрýты. —
Йúде козáк на кóныку, коло сéрденька вьеться;
Стойть дúвка на порóзи, з козачéнька сміéться.
„Колы мынí, дивчынонько, ся отрýта мынéться?„

Тоди́ тоби́, коза́ченьку, ся отру́та мыне́ться,
Як у поли кры́й доро́гы сухы́й дуб розывьеться!

(Глухов.)

6 У дивчыны чорнявои ввесь двир на помости;
Та позвала дивчынонька козаченька в гости,
Поставыла козаченьку пыриг на талирци:
В первым рози у пырози — шевлія та рута:
В другим рози у пырози — лыхая отрута.
Ой не вспила дивчынонька край ви́конця систы;
Поспишывся козаченько той пыриг изьисты.
Выйшов козак из синей — за серце береться;
Стоить дивка на порози — з козака сміеться:
Ой не смійся, дивчынонько, далеби не смійся!
Я у тебе молодои отруты найвся!

(Харьков.)

Ой сон, маты, ой сон маты, сон головоньку клонить!
— Оце-ж тоби, мій сыночку, ся улыця робыть. . .
Перестань, мій сынку, да на улыцю ходыты:
Засидають товарышы — хочуть тебе вбыты! —
Одын каже: товарышу, убыймо!
Другый каже: товарышу, из свита не губи́мо!
Третій каже: товарышу, змовмось —
Да на одни вечорныци гуляты зыходьмось!
На тій вечорныци да дивчата чаривныци . . .
Що одная дивчына — ходыть вона ризно,
Затопыла свою хату пизно,
Прыставыла да тры чаронькы ризно:
Що первіи чаронькы — шавлія та рута,
А третяя чаронька — сама чыста отрута!

(Остер.)

„Ой сон, маты, ой сон, маты, головоньку клоныть!„
— Отсе-ж тоби, мій сыночку, та своя воленька робыть,
Що до тебе, мій сыночку, та дивчына ходыть!—
„Нехай ходыть, нехай ходыть, вона мене вирно любыть,
Вона-ж менп молодому дружыною будеть.“
Прышлы до дивчыны тры козаченькы пизно,
Наварыла дивчынонька тры вечеронькы ризно:
А першому наварыла варенычкы в масли,
А другому наварыла шевліи та руты,
А третьйому наварыла лыхои отруты.
Ой сив козак та на коныка, за серце береться,
Стоить дивчына в порога, з козака сміеться:
Тоди-ж, тоби, казаченьку, ся отрута мынеться,
Як у поли пры дорози сухій дуб розивьеться!

(Гадяч.)

Йиде козак дорогою
Шырокою стовбовою,
Та прыихав до долыны,
Вьяже коня до ялыны,
До червонои калыны;
А сам идé до дивчыны,
До дивчыны до Маруси
На пуховіи подуси,
До дивчыны до Марыны,
На пуховіи перыны.
„Дивчынонько молодая!
Чы ты мене вирно любыш,
Що ты мене рано будыш?
Колы любыш, любы дуже,
А не любыш, не жартуй-же;

Колы любыш, любы гаразд,
А не любыш, кажы зараз;
Колы любыш, так любысь,
А не любыш, не горнысь;
Колы любыш, любы двичи,
А не любыш, кажы в вичи.„

(Гадяч.)

Ой не шумы, луже, зеленый буяче!
Ой чого-ж ты плачеш, молодый козаче?
Ой як не шумиты мини зеленому?
Ой як не плакаты мини молодому?
Сусиды блызькіи, ворогы тяжкіи . . .
Ни велять ходыты, дивчыны любыты! . .
Я іи не возьму, скоро-ж-бо я й умру:
Не забувай, мыла, де моя могыла!
Ой моя могыла да край Дунаечку,
Ой край Дунаечку, — тяжко на сердечку!
Не стій на могыли, не кыдай писочку,
Бо и тяжко й важко серцю й жыветочку!
Не стій на могыли, не кыдай землею,
Бо й сама ты знаеш, як тяжко пид нею!
Зійды на могылу да не тужы дуже:
Скажуть вороженькы любылыся дуже!
Вирно любылыся да й не побралыся,
Тилько вороженькы да повтишалыся!

(Глухов.)

Ой не шумы луже, зеленый байраче!
Ой чого ты плачеш, молодый козаче?
Не рад бы я плакать, плачуть мои очи,
Плачуть мои очи, темненькои ночи.

5 Сусиды блызькіи, ворогы тяжкіи . .
Не велять ходыты, дивчыны любыты! . .
Я дивчыну люблю, а люблячы визьму,
А люблячы визьму и в-скоросты умру.
Та поховай, мыла, в зеленим садочку;
Та высып-же, мыла, высоку могылу,
Та насады, мыла, червону калыну.
Не стій надо мною, та не тужы дуже;
Скажуть вороженькы — любылыся дуже!
Не стій надо мною, та не сып землею;
Бо й сама ты знаеш, що важко пид нею.

(Рожен.)

5 Воритечкы нызьки, сосидочкы блызьки;
Не велять ходыты, дивчыны любыты.
Ой вы, сусидочкы, якого вы роду? . .
Десь вы не знаете любощив из-роду!
Ой Боже мій, Боже, що та любов може!
Любов дорогая — розлука тяжкая!

(Овруч.)

Червона калына, чого почорнила?
Чи витру боишся, чи дощу бажаеш?
Я й витру боюся и дощу бажаю;
Кого вирно люблю, з тым и умираю.
Ой умру я, мыла, а ты будеш жыва,
Не забувай, мыла, де моя могыла.
А моя могыла край сынього моря;
Поляглы любощи и щыра размова!
Не йды на могылу, не махай рукою,
Скажуть вороженькы, що я жыв з тобою;

Не йды на могылу, не кыдай землею,
Бо й сама ты знаеш, як тяжко пид нею.

(Кіев.)

Ой у лузи, в лузи червона калына;
То-ж не калына, — молода дивчына,
Молода дивчына, що вирно любыла . . .
Любыла, любыла, та й прычаровала;
Вывела коныка, сама осидлала.
Та вынесла рыбку, ище й хлиба скыбку:
— Оце-ж тоби, серденько, вечеря на-швыдку!
Вечеряй, вечеряй, та йдь у дорогу,—
Як не пойдеш, ночуй изо мною! —
„Рад бы я, серденько, с тобой ночуваты;
Есть у мене батько и ридная маты,
Есть у мене жинка и маліи диты, —
Рад бы я, серденько, туда полетиты!„
— Та вже-ж тоби, голубе, туды не литаты;
Тут тоби, серденько, в степу погыбаты!
Русымы кудрямы степы выстылаты,
Червоною кровъю ричкы наповняты! —

(Золотонош.)

Ой пійду я, пійду не берегом, лугом,
Чи не зострынуся з несуженым другом:
Здоров, здоров луже, несуженый друже!
— Здорова дивчыно! любылыся дуже!
Ой любылыся-ж мы чотыри годочкы,
А не бачылыся чотыри недили;
Як побачылыся, разом заболилы.
Лежыть козаченько в зеленій дуброви;

Молода дивчына в матуси в комори.
Перед дивчыною напыткы, найдкы;
Перед козаченьком гиркіи ягидкы.
До дивчыноньки мед, выно носять
А козаченько холоднои воды просыть:
— Ой дайте-ж мини холоднои воды пыты,
Бо ще я хочу на свити пожыты. —
16 В недиленьку рано задзвонылы дзвоны:
„Слухай, матусенько, чи по козакови?
Як по козакови, мене наряжайте, —
В одній домовыни из ным поховайте;
Да положить, маты, поруч головамы,
Щоб була розмова тыхая меж нами;
22 Да высыпте, маты, высоку могылу,
Посадить в головках червону калыну;
Да поставте, маты, хресты золотіи,
Щоб сказалы люды: лежять молодіи!„ —

(Глухов.)

16 Слухай, матусенько, що люды говорять . . .
Слухай, слухай, маты, у вси дзвоны дзвонять!
Як по казакови, наряжайте мене . . .

(Борзн.)

22 Насып же, матинко, высоку могылу;
Посады, матинко, червону калыну.
Туда буде, матинко, зозуля литаты;
Вона буде, матинко, раненько куваты:
Тоби буде, матинко, всю правду казаты;
Мини буде, матинко, легенько лежаты!

(Прилук.)

Ой пиду я не берегом, лугом:
Чы не стринусь з своим вирным другом?
— Здоров, здоров, вирный друже!
Як мы любылыся дуже!
Як мы любылыся, то сим год и чотырн;
Як побачылыся, разом заболилы!
Лежыть козак в зеленій дуброви,
Молода дивчына в батька в комори.
По дивчыноньци дзвоны дзвонылы,
А по козакови вовченькы завылы.
По дивчыноньци отець-маты плаче,
А по козакови чорный ворон кряче.
Ой выкопай, маты, глыбокую яму,
Та поховай, маты, сю славную пару!
Та й поставляй, маты, хресты золотіи,
Щоб сказалы люды: лежать молодіи!
Та й высып-же, маты, высоку могылу,
Та й посады, маты, червону калыну,
Щоб сказалы люды на всю й Украйну!

(Гадяч.)

Ой пиду я молоденька
Зеленою долыною,
Ой зломлю я, истопчу я
Пашну рожу з калыною. 2.
А над тыю роженькою
Гнеться явор зелененький;
Пид явором коныk стоить,
На ним козак молоденькый. 2.
Став-же мене козаченько
Та дороженькы пытаты;

А я тому козакови
Посоромылась казаты. 2.
Куды тая дороженька,
Куды вона впала:
Чы в темный луг, чы у поле?
Йому й не сказала. 2.
У зеленим, темним лузи
Червона калына;
В чыстим поли, край дорогы
Высока могыла. 2.
Ой у лузи на калыни
Зузуля кувала,
Скилькы жыты козакови
Правдоньку казала. 2.
В чыстим поли, на могыли
Дивчына стояла,
Та могылу козакову
Слизьмы полывала. 2.

(Харьков.)

Сывый коню, сывый коню!
Що ты задумався?
Нема тіи дивчыноньки,
Що я в ій кохався!
Сывый коню, сывый коню,
Найжся оброку;
Поженéмся за дивчыною
У землю глыбоку!
Сывый коню, сывый коню,
Тяжко тоби буде:
Пойдемо разом з витром—
Попасу не буде!

Бигай, коню, бигай, коню,
Бо вже вечеріе:
Ой там сыдыть моя мыла,
Де з лиса зоріе.
Выжу мылу, выжу любку:
Дывыться в вiконце;
Хоч так темно, так не выдно—
Свитыться, як сонце!

(Правой стор. Днипра.)

Та бодай тая степовая могыла запала;
Ой як я пид нею жыто жала, вчора вечир утеряла.
Та утеряла вчора вечир, втеряю й тепера:
Та чогось моя женышына смутная, невесела!
Та по-пид мостом, трава з ростом — витер хвылю гоныть:
Ой чогось моя женышына та до мене не говорыть!
Не говоры-ж ты ни до кого, говоры зо мною;
Бо як не будеш говорыты, умру, серце, за тобою.
Ой умры-ж ты из вечора, а я умру вранци:
Та нехай же нас поховають с тобою, серце, в одній ямци.
Нехай же нас поховають и хрест укопають:
Та щоб люды дывовались, як мы вирненько кохалысь!
Шырокая домовына, глыбокая яма —
Та лежыть моя женышына, ой як тая квитка вьяла!

(Золотонош., Конотоп.)

Ой у сади, сади, сади выногради,
Стояв кинь вороный у наряди.
Нихто тому коню цины не нарядыть . . .
Де взялыся два купчыки з Польщи:

Взялы тому коню цину нарядылы:
Пивтораста корбованцив, ще й чотыри.
Взялы дного купця посадылы,
В велыку дорогу вырядылы.
Як прыихав мылый пид нови ворота:
Выйды моя мыла краща злота!
А не выйшла мыла, вышла теща:
Ворочай, зятеньку, хочь нехутко . . .
А вже твою мылу схоронылы.
В кедровую труну нарядылы.
В кедровую труну нарядылы,
Глыбокую яму выкопалы.
Ой як прыйшов мылый до мылои:
Ты билый каминь, откотыся,
Ты билый каминь, откотыся,
Мыла до мылого озовыся:
Чы повелыш, мыла, журытыся,
Чы повелыш, мыла, женытыся?
Я не велю, мылый, журытыся,
Я повелю мылый женытыся:
Як прыйде недиля нарядыся,
А прыйде другая оженыся.—

(Конотоп.)

— Ой Марку мій, Марку!
Щось маю казаты:
Сватай мене, Марку,
Чы не отдасть, маты!
Як не отдасть маты,
Будем мандруваты;

Помандруем причкы,
Темненькои ничкы! —
Мандрувалы поле,
Мандрувалы друге;
На третим же поли
Силы спочываты,
Силы спочываты,
Став Марко дриматы.
— Ой не дримай, Марку,
Не дримай зо мною;
Бо й сам-же ты знаеш,
Що в погонь за мною!
Ой як мене визьмуть,
А тебе покынуть,
А тебе покынуть,
С плич головку здыймуть! —
Ой повезлы Марка
Трьома городамы,
Поховалы Марка
Миж трьома горамы:
Оттут лежы Марку
С чорнымы бровамы!
Маркив коник идé,
Да не Марко ййде;
Маркове сидельце,
Да не Марко — серце;
Маркова дудочка,
Да не Марко грае;
Маркова писенька,
Не Марко спивае:

Ой десь мого Марка
На свити немае!

(Кіев.)

Чы се тая да дивчынонька жыве,
Що хорошы да шырыночкы шые?
Шые да шые, да все шóвком вышывáе;
Тепер ій да дома немае:
В чыстому поли да и пшеныченьку поле,
Поле, да поле, да все кукыль выбирае.
Як загледыть да козаченька на мори:
„Блыжше, да блыжше да ты, козаченьку, к мыни,
Возьмы мене у човен из собою.„
Тылько дивчына да у човен уступыла,
Де-ся взялася да из мóря сыня хвыля:
Верне, да верне всяку рыбу изó-дна,
Вывернула да дивчыноньку з човна:
„Ратуй, ратуй, да ты козаченьку, мене;
Буде тоби превелыка плата од мене!„
Ой, не хочу, дивко, я од тебе платы браты;
Мыслью я й хочу до себе тебе взяты.
„Лучше-ж буду в сыньом мори писок йсты,
Ниж из нелюбом да вечеряты систы;
Лучше-ж буду в сыньом мори потопаты,
Ниж из нелюбом да свій вик коротаты!„

(Глухов.)

Ой у Харькови та у шыночку,
Ой у Харькови зранку,
Заховалы та козаченька
За дивчыну коханку.

Ой казав есы, молодый козаче,
Не буду Гали любыты;
Як пидійшов та пид виконечко:
Та подай, Галю, пыты!
Та подай, Галю, та подай мини,
И кухлычок и видерце!
Сама выйды да сядь биля мене,
Та утиш мое серце!—
Ой рада-б я, молодый козаче,
Та до тобе выходыты:
Сыдыть маты край виконечка,
Буде Галю быты.
Ой не знаеш ты, молода дивчыно,
Як матуси отказаты;
Ой одсунь викно да кватырочку,
Та выгонь голубив з хаты:
Ой гиля, гиля, сызи голубонькы,
На высоке литаньня;
Та уже важко, мое серденько,
Та з тобою горюваньня!

(Изюм.)

1 Ой на гори жыто и в долыни жыто;
Пид билою березою козаченька вбыто.
Ой убыто, вбыто, затягнено в жыто,
Червоною кытайкою лыченько накрыто.
5 Ой прыйшла одная да й то не такая;
Ой пидняла кытаечку да й поциловала.
Ой прыйшла другая з чорнымы очыма,
Ой пидняла кытаечку да й заголосыла.

Ой прышла третяя из новои хаты:
„Було-ж тоби, вражій сыну, нас трох не кохаты!„

(Глухов.)

Пойду, пойду, и тебе покыну:
Будеш мыла прыпадаты та до мого слиду.
Ой не буду, мылый, далеби не буду:
Горювала я з тобою и без тебе буду.
Ой на гори просо, пид горою жыто;
Прыйшла звистка до мылои, що мылого вбыто.

Зеленою олывою оченькы залыто.
Прыйшла його мыла, кытайку одкрыла,
Кытайку одкрыла та й заголосыла:
Чы ты мылый впывся, чы з коныка вбывся,
Чы з иншымы звелычався, мене одцурався?
Прылетила пташка, биля його впала:
Таки очи, таки бровы, як у мого пана!
Прылетила пташка — мальовани крыльця:
Таки очи, таки бровы, як у мого Грыця!

(Лебедин.)

Сама-ж я не знаю, де мій мылый дився:
А чы його звири зьилы, а чы вин утопывся?
Як бы звири зьйлы, то й лугы-б шумилы;
А як-бы утопывся, то-б Дунай розлывся.
Ой на гори ячминь, пид горою жыто, —
Пид билою березою мыленького вбыто . . .

(Переяслав.)

Прылетила пава, коло його впала,
Крылечкамы стрепенула, та й поцилювала:

Чы ты, мылый, впився, чы з коныка вбився,
Чы з иншою повинчався, мене одцурався?
Ой я мыла не впився, и з коныка не вбився,
И з иншою не винчався, — тебе одцурався!

(Кролевец.)

Прылетила пава, в головочках пала,
В головочках пала, да й защебетала;
Прыихала мыла, в головочках сила,
Да й подняла кытаечку, да й заголосыла:
Чы ты, мылый, впився, чы з коныка вбився,
Чы на другу зальщався — мене одцурався?

(Чернигов.)

Через сад зелененькій дорожка лежала,
Там Маруся в недузи лежала,
Чорным шовком головку звязала,
Заморського зильля забажала:
„Ой хто мини царь-зильля достане,
Той зо мною на рушнычку стане.„
Обизвався козак молоденький:
— Ой е в мене тры коныкы в стани:
Одын коник—як ворон чорненькый,
Другій коник—як лебедь биленькый,
Третій коник—як голуб сывенькый.
Чорным конем до моря дойду,
Билым конем море перейду,
Сывым конем царь-зильля достану,
З Марусею на рушнычку стану.—
Ой став козак царь-зильля копаты,
Стала над ным зозуля коваты:

„Годи тоби копаты царь-зильля
Бо сьогодни в Маруси весильля.„
Ой став козак з-за горы выизжаты,
Зострив вин Марусыно весильля;
Звелив-ж вин музыкам заграты,
А сам пишов з нею танцьоваты.
Взяв-же ii у ливую ручку,
А шабельку у правую ручку;
Мы-ж думалы—хмара зашумила,
Аж в Маруси головка злетила:
— Оце тоби, Марусю, весильля . . .
Не посылай козака по зильля!

(Глухов.)

1 Пріихалы тры козакы з повку,
Розвязалы Маруси головку.
Одын каже: Марусе! Марусе!
Другый каже: чы любыш ты мене?
Третій каже: чы пидеш за мене?
Есть у мене тры кони на стойли:
Одын коню як голуб сывенькый,
Другый коню як ворон чорненькый,
Третим конем трьох зильлій достану!

(Чернигов.)

Ой з-за горы витер віе, калына не спіе;
Козак дивку вирно любыть,—заняты не сміе.
Тым я ii не займаю, що свататы маю;
Тым до неи не горнуся, що славы боюся.
Не бійсь славы, не бійсь славы, не бійсь поговору:
Я за славу сама стану, ще й выговорюся.

Ой з-за горы из-за кручы орлы вылитають:
Не зазнаю я роскоши,—вже й лита мынають.
Запрягайте кони в шоры, кони вороныи;
Доганяйте лита мои, лита молодыи!
Чы догналы, не догналы в-калыновим-мости:
Верни́теся, лита мои, хоч до мене в гости!
Не вернемось, не вернемся, не знаем до ко́го;
Не вмилы нас шануваты як здоровъя свого.

(Конотоп.)

Коло гаю конем граю, гаю не рубаю;
Не гнивайся, дивчынонько, що я не займаю.
Тым я тебе не займаю, що свататы маю;
Тым до тебе не горнуся, що славы боюся.
Стала слава, стала слава, сталы й поговоры—
Ой на тую дивчыноньку, що чорныи бровы.
Ой не пиде дрибен дощык без грому, без хмары:
Ой не пиде дивка замуж без людського поговору й славы.

(Глухов.)

Отрывокъ.

.... Я з Кыева повернуся,
Та й возьму шлюб з тобою.
„Ты пойдеш до Кыева,
А я сама застанусь . . .
До кого-ж я молодая
До кого я прыхылюсь?„
— Прыхыляйся, дивчынонько,
А до Господа Бога —
Отой буде отець, матка,
Вся родынонька твоя!

(Радомысль.)

Ой ты, дубе кучерявый, гольля твое рясне;
Ты, козаче молоденькый, слова твои красни.
Слова твои прекрасніи, превражая думка!
Покиль тебе я не знала, жыла як голубка . . .
Жыла, гула як голубка, сила, полынула,
Сила соби на роздоли: горе-ж мени, горе!
Знайшла-ж-бо я кубелечко, де утка несеться:
Ой чую я через людей — вражій сын сміеться.
Не смійсь, не смійсь, вражій сыну, горе тоби буде —
Хоритымеш, болитымеш, смерти бажатымеш,
А в моеи матусенькы воды прохатымеш.
Не дам, не дам водыченькы, не дасть моя маты —
Будеш-же ты, вражій сыну, и так пропадаты.
Не дам, не дам водыченькы, не дасть моя титка —
Тат изсохнеш, изовьянеш як рутвяна квитка!

(Радомысль.)

Ой за горою, за кременною,
Там сыдыть голуб из голубкою;
Сыдилы в пари, циловалыся,
Сызымы крыльцямы обнималыся.
Полетив голуб да й сив у жыти;
Чы не буде мылая по мени тужыты!
Прылетив орел с чорнои хмары,
Забыв голубця, розлучыв с пары;
Забыв голубця на кременыни,
Розлыв кров його по всій долыни.
Сыдыть голубка и парикае
Лыхого орла, и проклынае,
Що через нього пары не мае:
„Ой ду-ду, ду-ду, як же я буду!..

Прылетив орел да й сив у пари . . .
„Нема й не буде, як мій коханый!„
Полетив орел до чужых сторин,
Нагнав голубцив повнесенький двир.
— Выбирай, голубко, котрый мылый тоби! —
Хоть ты нажены симсот и чотыри,
Нема й не буде, як мій мылый!

(Радомысль.)

Уродыла мене маты в зеленій диброви,
Да не дала мени маты ни счастя, ни доли, —
Тилько дала стан тоненькый та чорніи бровы.
Було-б тоби, моя маты, сых брив не даваты,
Було-б тоби, моя маты, счастя-долю даты.
Розвывайся, сухый дубе, на чотыри лысты;
Любыв козак тры дивчыны да не мав корысты.
Одна пишла в осинь замиж, а друга в мъясныци,
А третяя чорнявая пышеться в черныци.
Пишла-б-же я в черныченькы, дак, Боже мій мылый!
Зостается на Вкраини козак чорнобрывый.

(Конотоп.)

Сьогодня я тута, а завтра не буду, —
А я сеи Сергіевкы повик не забуду!
Що у сій Сергіевци трава зелененька,
Остается дивчынонька моя молоденька.
Розпустыв вивчар вивци та по крутій гирци;
Мени-ж буде тяжко-важко, як ты пидеш видсиль.
Ой розпустыв вивци та не позбираю —
Мени-ж буде тяжко-важко, як тебе згадаю.
— Ой як лебедям плысты протыв воды важко.

То так мени, козаченьку, жыть без тебе тяжко.
Ой як ты пойдеш, я не буду жыва,
Ой тилькы буде выдко—де моя могыла.
То ты поспытаеш: чыя то могыла?
Ото-ж тіи дивчыноньки, що тебе любыла.
— Чого-ж та могыла та уже запала? —
Ото-ж тіи дивчыноньки, що вирно кохала! . .
Тогди-ж мене, козаченьку, уже не побачыш;
Може зійдеш на могылу, та гирко заплачеш.

(Гадяч.)

Через круту гору — та в луг по калыну;
Любыв козак дивчыну як маты дытыну.
Любыв козак, любыв козак, а дивчына його;
Не хоче маты оддаты дивчыны за його.
— Серденько галочко! я в тоби кохався . . .
Як ты-ж мене израдыла — я й не сподивався! —
Ой у поли конопелькы — верхы зелененьки;
Мылый мылу покыдае, ворогы раденьки.
Йи́де мылый дорижкою, аж пидквивкы крешуть;
За ным иду́ть вороженькы, як собакы брешуть.
Брешить, брешить, вражи люды — мы не подамося,
Ще й на ваше безголовья та й поберемося.
Колы-б мени не тыны та не переулкы,
Ходыв бы я до дивчыны так як до голубкы.
Колы-б мыни не тыны та не перетынкы,
Ходыв бы я до дивчыны та що вечерынкы.
Колы-б мени не тыны та не перелазы,
Ходыв бы я до дивчыны по чотыри разы.
Через тын утикав, та й не почеркнувся;
Як поцупыв дядько цыпом, так я й осмихнувся!

(Гадяч.)

Наступыла чорна хмара, наступыла сыня . . .
Чом ты мене, моя мамо, рано не збудыла?
— Тым я тебе, моя доню, рано не збудыла:
Йихав козак по-уз наш двир,—щоб ты не тужыла . . . —
„Ты думаеш, моя мамо, ще вже й не журюся,
А як выйду за ворота, од витру валюся.
Ты думаеш, моя мамо, що я не заплачу,
А як выйду за ворота, стеженькы не бачу.
Куды йихав, моя мамо, дывлюсь на те мисце,
А як прыйду та додому,—не визьмуся исты . . .
11 Шовком шыла, шовком шыла, золотом рубыла,—
Не для кого—для мылого, що вирно любыла . . .

(Сообщилъ П. В. Гоголь.)

11 Купы мыни, моя маты, мальовани пъялця:
Я вышыю, вызолочу козаку рукавця.
Шовком шыла, вышывала, золотом рубыла,—
А все-ж тому козаченьку, що вирно любыла.

(Ширятин.)

Ой чы будеш молода дивчыно по мыни журыться,
Ой як пиду та у Крым по силь, та буду барыться?
— Ой не буду, молодый козаче, далыби не буду:
Не выидеш за нови ворота, як тебе забуду.—
Ой не выихав молодый козак за густіи лозы,
Ой узялы молоду дивчыну дрибненькіи сльозы;
Ой не выихав молодый козак за биліи хаты,
Треба-ж було молоду дивчыну на витер пидняты;
Ой не выихав молодый козак за высоку могылу. . . .
Вертайсь, вертайсь, молодый козаче: робы домовыну!...

(Сообщилъ П. В. Гоголь.)

Ой израдо, чорни очи маеш:
Десь у тебе зрада—уся щыра правда . . .
Козав есы, що свататы будеш,
А тепер як бачу, що не твоя буду.
Хоч ты знайдеш з русою косою,
Та не знайдеш з такою красою;
Хоч ты знайдеш на лычко биленьку,
Та не знайдеш по серцю вирненьку;
Хоч ты знайдеш в червоним намысти,
Та не знайдеш такой до мысли;
Хоч ты знайдеш с киньмы, та з воламы,
Та не знайдеш з чорнымы бровамы . . . .
Покынь, мылый, коня вороного,
Щоб я не забула тебе молодого;
Покынь, мылый, золоти удыла,
Щоб я твого коня до воды водыла.„
— На що-ж, мыла, золото теряты?
Вирно любыш, — то й так не забудеш!

(Сообщилъ Н. В. Гоголь.)

Ой израда, мій мыленькый, зрада!
Да чому в тебе не щырая правда,
Не щырая правда!
Пустыв есы славоньку такую,
Що сватаеш мене молодую,
Мене молодую!
А тепера думаеш — гадаеш . . .
Мабуть мене покынуты маеш,
Покынуты маеш!

А хоч знайдеш волы та коровы,
Да не знайдеш таки чорни бровы,
Таки чорни бровы!
А хоч знайдеш рушнык на килочку,
Да не знайдеш бровы на шнурочку,
Бровы на шнурочку!
А хоч знайдеш на лычко билишу,
Да не знайдеш на серце вирнишу,
На серце вирнишу!
А хоч знайдеш... да все не такую,
Як покыдаеш мене молодую,
Мене молодую!

(Глухов.)

Ой израда, кари очи, зрада!
Есть у тебе мылый велыка неправда,
Велыка неправда:
Казав же ты, що свататы буду,
А тепер я бачу, що твоя не буду,
Що твоя не буду.
Покынь, мылый, из коня сиделце,
Щоб я не забула, що ты мое серце,
Що ты мое серце.
Зробы, мылый, золоти удыла,
Щоб я твого коня до воды водыла,
До воды водыла.„
— На-що-ж, мыла, золото теряты;
Будеш мого коня и так напуваты,
И так напуваты.

(Глухов.)

Чому в ставу вода руда, мабуть хвыля збыла?
Чом дивчына не весела, мабуть маты была?
Мене-ж маты вик не была, самы сльозы льються:
Од мылого людей нема, од нелюба шлються.
Прышлы-ж, прышлы-ж, мій мыленькый, хоть нароком люде;
Нехай мени од матуси наругы не буде.
Од матуси наруженька, од батенька друга:
Нема-ж мого мыленького, нема-ж мого друга.
Шумлять вербы в конци гребли, що я насадыла:
Нема-ж мого мыленького, що я полюбыла.
Нема-ж мого мыленького, нема-ж мого сонця:
Ни з кым мени розмовляты, сыдя у виконця.
Нема-ж мого мыленького, що карій очи:
Ни з кым мени розмовляты, сыдя до пивночи.

(Прилук.)

Засвичу я свичку, перебреду ричку,
До моеи мыленькои, хоть на одну ничку.
Свичка ясненька, ричка быстренька:
Чогось моя мыленькая сьогодня смутненька . . .
Все чогось скучае, важенько здыхае,
З буйнесенькым витерочком зтыха розмовляе.
Віе витер, віе, од ранку до ночи—
У моеи дивчыноньки не сплять карі очи.
Тым же воны не сплять, що мылого не вздрять;
Того воны плачуть, що нечасто бачуть.

(Харьков.)

Хоча я убога, не маю грошей,
Не пиду за тебе, бо ты нехорошый.
Не ходы до мене, не залыцайся:
Не пиду за тебе, не сподивайся!

Як сюды, так туды, так всюды ривно;
Як мени, так тоби кохатысь вильно;
Не ходы ты, куды я хожу —
Я-ж тоби дориженьку порегорожу.

(Гадяч.)

„Ой маты Крымынына!
Чорни очи в дворянына . . .
Колы-б-же я таки мала,
Пишла-б-же я, погуляла„
Ой сила, заду́мала,
Кари очи зарумала . . .
„Очерет, — осока . . . .
Чорни бровы в козака! —
Козаченьку чорноусый,
Чому в тебе каптан куцый?„
— Вражи кравци не вгодылы
И каптан пидкоротылы. —
„За тобою добре жыты,
Що ничо́го не робыты,
Горилочку та мед пыты, —
Кругом худобонька . . . .„
Козак сього не злюбыв,
Тилько усом закрутыв,
Коныченька осидлав:
Прощай, дивчыно! — сказав.

(Сообщилъ Н. В. Гоголь.)

За ворота выйшла, косу чесала,
Та на своих дружок погукувала:
„Ох вы сестрыци, дружечкы мои!
Заспивайте писенькы, ой хоч одныи!„

Через сыне море летять лебеди,
А на сыним мори плывуть корабли,
А в тых кораблыках сыдять козакы;
На их шапкы чорніи нахылылыся,
За нымы дивчата пожурылыся.
Ой колы-б я знала, де-то буде мій;
То я-б изробыла тыхый перехид
Од сынього моря до новых ворит.

(Изюм.)

Ой высоко клен дерево мае,
А ще вышче два соколы литае.
Ой литають воны у Маруси у двори,
Заглядають воны у нову свитлоньку,—
Що свитлонька невыметеная,
Ходыть Марусенька нерозчесаная;
Ходыть Марусенька нерозчесаная:
Хоче іи маты за Ивана ддаты!
Вона Йвана з-роду не любыла,
Вона його за ворота собакамы выпроводыла,
А по його слиду каменем покотыла:
Ой як мыни важко сей каминь котыты,
То так мыни важко за Иваном жыты!
Ой высоко клен дерево мае,
А ще вышче два соколы литае;
Ой литають воны у Маруси у двори,
Заглядають воны у нову свитлоньку—
Вже свитлонька, вже выметеная,
Ходыть Маруся вже розчесаная:
Хоче іи маты за Степана ддаты;
Вона Степана з-роду полюбыла,

Вона його за ворота сама выпроводыла.
А по його слиду персныком покотыла:
Ой як мыни легко сей персник котыты,
То так мыни легко за Степаном жыты!

(Лѣвой стор. Днипра.)

Росте рута, та не тута, по-пид берегамы;
Нельзя мени погуляты та за ворогамы.
Ой у руты верхы круты, пиду посхыляю;
Вороженькы спаты ляжуть, пиду погуляю.
Ой выйду я на улыцю, гуляю, гуляю,
Як билая лебедонька по тыхим Дунаю . . .
Ой иду́ я из улыци, вже нагулявшыся —
Сыдять мои вороженькы, понадымавшыся.

(Гадяч.)

Ой млын меле, ой млын меле, не колесом, лыстом;
Выклыкае козак дивку не голосом, свыстом:
Выйды, выйды, дивчынонько, моя — нечужая!
Выйды, выйды, дивчынонько, потиха ты моя!
Ой ходи́мо, дивчынонько, слидив затыраты:
Де стоялы, розмовлялы, пидкивочкы знаты . . ,
Щоб не зналы ни ворогы, ни отець, ни маты.

(Гадяч.)

На улыцю не пиду и дома не всыжу;
Хыба пиду пидкопаюсь до дивчыны в хыжу.
Бодай тебе копалася лыхая годына,
Що за тебе, мое серце, мене маты была.
Была мене маты ключем вид кимнаты,
Та за тее, мій мыленькый, що ты не жонатый

Была мене маты ключем вид коморы,
Та за тее, мое серце, що ты чорнобровый.
Была мене моя маты ключем вид свитлыцы,
Та за тее, мое серце, що кари очыци.

(Лебедин.)

Ой чы была, чы не была, хвалылася быты;
Перестань же, вражій сыну, до мене ходыты!

(Радомысль.)

Ходыла сорока коло потока, та й кряче;
Та й кряче, серденько, та й кряче!
Ходыть Мыкола коло виконця та й плаче:
Выйды, Наталко, выйды, серденько, та й выйды!
„Свичечка горыть, батенько не спыть—не выйду,
Не выйду, серденько, не выйду!
Свичечка згасне, батенько засне, то й выйду—
То й выйду, серденько, то й выйду! [1]„

(Лубн.)

Тым трава зелена, що блызько вода;
Тым дивка хороша, що ще й молода.
По травыци хожу, не нахожуся;
Кого вирно люблю, не налюблюся;
Кого ненавыжу, по всяк час выжу.
Козаче, серденько, не ходы у день,
Не ходы у день, не смишы людей;
Ходы у ночи при ясній свичи!

---

(1) Пѣсня эта поется во многихъ мѣстахъ за веснянку; въ другихъ, напримѣръ, въ Черноморіи, на свадьбѣ. Примѣч. издателя.

И свича горыть, матуся не спыть;
И свича згасне, матуся засне!

(Гадяч.)

Плыве щука з Кременчука, плыве соби стыха;
Хто не знае закоханьня, той не знае лыха.
Плыве щука з Кременчука, луска на ій сяе;
Хто не знае закоханьня, той счастя не знае.
Тече ричка невелычка—схочу, перескочу;
Оддай мене, моя маты, за кого я схочу!

(Прилук.)

Зійшла зирка, зійшла зирка, мисяць опизнывся;
Выйшла дивка на улыцю, козак опизнывся (1).
Лыбонь в тебе, козаченьку, старенькая ненька,
Що у тебе молодого вечеря пизненька.

(1) Забарывся.

(Гадяч.)

Ой на ричци, та на дощечци,
Там дивчына та полощеться,
Полощеться, облываеться,
В черевычкы обуваеться:
„Дывитеся, чоловиченькы!
Яки в мене черевыченькы . . .
Оце-ж мыни пан-отець покупыв,
Щоб хорошый молодець полюбыв;
А панчишкы пани-матка дала,
Щоб хороша я паняночка була.„

(Сообщилъ Н. В. Гоголь).

„Не дывуйтесь, шевци-ремеснычкы,
Що у мене нови черевычкы . . .
Се-ж мыни пан-отець покупыв,
Щоб мене молодець полюбыв;
А панчишкы маты купыла,
Щоб мене челядь любыла.„

(Глухов.)

Ой дивчыно, серденько! чыя ты?
Чы выйдеш на улыцю гуляты?
„Ой не скажу я: чыя я;
Як ты выйдеш на улыцю, выйду й я.„
Ой дивчыно, рыбчыно! куда йдеш?
Скажы-ж мыни правдоньку: де жывеш?
„Отто-ж моя хата крый воды,
З высокого дерева лободы.

(Сообщилъ Н. В. Гоголь.)

„Не пытайся: чыя я;
Колы выйдеш гуляты, выйду й я.„
Поставлени кроковкы, кроковкы
З ризаного дерева морковкы.
Поставлени синечкы, синечкы
З ризаного дерева рипочкы.
Нехай моя хаточка з лободы,
Та в чужую, серденько, не веды.„

(Глухов.)

Ой дивчыно небого!
Любы мене голого:
Бо я хаты не маю,
Женытыся думаю.

Ой гультаю, гультаю!
Та я-ж тебе пытаю:
На що-ж мене сватаеш,
Коли хаты не маеш?
Ходим, серце, в чужую,
Поки свою збудую:
Зроблю тоби хатыну
З рожового цвитыну.
Збудуй хату з лободы,
Та в чужую не веды —
Чужа хата такая,
Як свекруха лыхая.

(Гадяч.)

„На що мене сватаеш,
Коли хаты не маеш?„
— Пидем, серце, в чужую,
Поки свою збудую.
Збудуемо свитлоньку
З рожевого квитоньку,
А кроковкы, кроковкы
З червоной маковкы.
А латочкы, латочкы
З пахучой мъяточкы,
А дверечкы з редечкы,—
Поставымо з лободы!—
„Поставымо з лободы,—
А в чужую не веды! . .
Чужа хата такая,
Як свекруха лыхая:

Хоть буду сама жыть.
Абы людзям не годыть!

(Переслан.)

Добрывечер, дивчыно, куды йдеш?
Скажы мени правдоньку: де жывеш?
„Ой там моя хатонька крый воды
З высокого дерева — лободы!„
— А я-ж к тому прыплету
З высокого дерева — черету.—

*

Ой дивчыно, дивчыно! чыя ты?
Ой чи выйдеш на улыцю гуляты?
Ой я на улыцю не пиду,
Бо нас будуть люды судыты.
Прыйшов козак до дивчыны вечирком,
Та й просыться у дивчыны потайком:
— Ой дивчыно, дивчыно, видчыны,
Соби худой славоньки не чыны!—
— Ой не буду, козаченьку, видчынять,
Бо ты идеш ниченьку ночувать. —
— Ой не буду, дивчыно, не буду,
Пожартую тришечкы та й пиду. —
Жартувала дивчына до зори,
Покы стало выдно в хати и двори.
— Иды, иды, козаченьку, додому,
Та не кажы, що робылось, никому.
Найхалы купчыкы до мене,
Куповаты пивнычка у мене.
А я того пивнычка не продам,
Бо то в мене пивнычок господарь:

На улыци пивнычок громаде,
Свою курипочку додому проваде:
Иды, иды, курипочко, до дому,
Та не давай пирьячка никому!—
Хыба-ж-бы я, пивнычку, без ума була,
Щоб я твое пирьячко продала!

(Гадяч.)

По дорози ворон, по дорози чорный:
„Подывыся, галочко, якый я моторный!„
— По дорози галка, по дорози чорна;
Подывыся, вороне, яка я моторна!—

*

Пани моя, пани моя, пани влюбленая,
Неревнывая моя, неосудлывая!
Моя душечко, моя крышечко,
Мое серденько, моя птычечко!
Моя, моя, моя, моя, моя ласковая,
Моя, моя, моя, моя, моя вижлывая!
Моя панночко, моя дивочко,
Моя непорочная билозирочко!
Моя голубочко, моя горлычко,
Моя райськая моя пташечко!
Моя луна богатая, пресвитлее соньце!
Просвиты, проглянь на мене в небесне виконьце!
Моя красовыта, моя сановыта,
Моя слава вельможная и честь именыта!

*

Глянь на мене, серденько: чи я так моторный,
Як той казав ворин та галочци чорній?„

ПѢСНИ ЖИТЕЙСКІЯ.

СВАДЕБНЫЯ.

(ВЕСИЛЬНИ.)

Суботни.

На сватаньни, змовынах и заручынах.

Котори заможненьки трохы, роблять заручыны, писля змовын на завтра, а инши и вмисти роблять, заручыны и змовыны. Молодый несе чоботы да шисть кнышив, а вона йому дасть чоботы и хлиб, уже як од винця прыидуть. Да то на заручынах прышывають и квитку червону до шапкы молодому. А ще поперид, його за столом посадять, а вона за дверыма з дивчатамы стоить; да тогди иде до його, а чарка стоить на тарильци повна и перстень в чарци. То вона через стил и подасть йому; вин выпье и перстень надине. (Радомысль). *Примѣч. пѣвицы.*

Вчора, з вечора, та порошенька пала,
А о-пивночи, куночка походыла,
А к билому свиту старосты на слид нагодылыся.
Выляй, не выляй, чорная куночка,
А уже-ж од того не ввыляты!
Выляй, не выляй, молодая дивочка.

Выляй, не выляй, по рушнычку давай,
Старостам по рушнычку, молодому хусточку!
А вже-ж тоби од того да не ввыляты,
Щоб старостам рушнычкы не подаваты:
Ой перви прыйшлы, вона тым одказала,
А другых почастувала,
А трети прыйшлы, тым рушнычкы дала.

(Острогожск.)

* *
*

Сватало Марусю да трое сватив:
Первыи сваты — пид синьмы киньмы.
А другы сваты в синечкы ввійшлы,
А третіи сваты в свитлоньку ввійшлы.
Пид синьмы киньмы — хусточку дала,
А що в синычках — перснечок дала;
А що в свитлонци — сама молода!

(Остер.)

* *
*

Красна, ясна калына у лузи;
А красній, ясній Маруся у маткы.
Прыслалося к йой да трое сватив:
Первыи сваты да по заворитью,
А другыи сваты з киньмы пид синьмы.
А трети сваты — там кубочка стане...

(Черниг.)

* *
*

Змовленая Марусенька
Положыла билу руку на заруку:
„Била-ж моя рученька, що у батенька!
Чы буде биленька у свекорка?

Ой як будеш, Марусенько, смырненька,
Буде твоя рученька що-день биленька,
А як будеш вельмы упряма,
Буде твоя головка що-день пъяна!..

(Черниг.)

*

4 „Як пиду до свекорка, не буде така!„
— Як будеш покорниша,
Буде твоя ручка ще билиша;
А як будеш вельмы непокорна,
Буде твоя ручка що-день чорна.

(Остер.)

* *
*

— Чого ты, Марусенько, у сад не ходыш,
Ой чому ты руты — мъяты не полеш? —
„Тепер мыни, дивочкы, не до руты,
Що звьязалы из Юрасем били рукы!
Била моя рученька, да у батенька,
Чы буде билиша у свекорка?„
— Чы буде смырниша Маруся у свекорка? —

(Черниг.)

* *
*

Ой пиду я по-тыхеньку,
По два дворы та мынаючы,
До третього прыхожаючы;
Ой стану я, та послухаю,
Та що люды говорять.
Аж люды говорять:
Мого свекорка судять,
А батенька хвалять . .

Ой дывніи та вы мыни люды!
Чому мыни давно не сказалы,
Та як рушнычкив не бралы,
Та як мене не змовлялы,
Та як ручок не прыбывалы?
А тепер мене та измовылы,
И рушнычкы побралы,—
Та й ручкы прыбылы.

(Острогожск.)

* * *

Та колы-б я знала, колы-б ви́дала,
Що засватана буду;
То мыла-б я стины, щоб булы били,
Билою рокытою,
Та терла-б я ла́вкы, щоб булы гла́дки,
Та зеленою рокытою:
Все для свекорка, та для старенького,
Та для прыи́здоньку його.
Та колы-б я знала, колы-б ви́дала,
Що засватана буду;
То мыла-б я стины, щоб булы били,
Билою рокытою,
Та терла-б я ла́вкы, щоб булы гла́дки,
Та зеленою рокытою:
Все для свекрухы, та для старенькой,
Та для прыи́здоньку ii.

(Острогожск.)

* * *

— Чом ты, Марусю, не одказала
Ище вчора из вечера?—

„Ой я думала, мои подруженькы,
Та що батенько одкаже:
А мій батенько, та як голубонько,
Все мною молодою
Та рушныкы крае,
Старостам дае, —
Вин мене заручае.„

(Острогожск.)

* * *

Ой на мори та на камени
Пыло воду та два соколы;
Напывшыся, говорылы:
Летим, братця, на заручыны!
Там Маруся заручается,
Од батенька одлучается,
До свекорка прылучается.

(Овруч.)

* * *

Заручена Марусенька!
Пидпирай ты сины новыи,
Да подай Юрасю водыци:
Що твоя водыця солодка,
Солодій за меду, за вына, —
Колы-б моя Маруся здорова була!
Здорова, здорова, як вода,
А богата, богата, як земля!

(Шклов.)

* * *

Як дружкы ходють з молодою по селу запрошувать на весильля.

Щаслывая годына настала,
Маруся по родыну послала:
Идуть сестрычкы и браты
Марусю за-миж отдаты.

(Лубн.)

* * *

Ой Гордій, Гордій, Гордію,
Не дзвоны рано в недилю!
Задзвоны рано в суботу,
Потеряй дивочкам роботу:
Нехай дивочкы не прядуть,
Нехай Маруси вильце вьють —
З хрещатого барвинку,
З запашного васильку,
З червонои калыны —
Для молодои княгыни.

(Лубн.)

* * *

Ой на мори, та на камени,
Сыне море порозшералось . . .
Там Маруся да потопала
И ратунку бажала:
Ратуй мене, мій батеньку, ратуй,
Не дай мыни да й загынуты,
Краси в мори да й утонуты!
Мій батенько та до бережечка,
Нема човна а ни веселечка.

Потим так до матери спивають и до молодого:

А молодый Юрко та до бережечка,
Знайшов човна и веселечко —
Вырятував Марусю — сердечко.

(Овруч.)

* *
*

Сироти так спивають:

1 Плывы, плывы, селезеню, тыхо по води;
Прыбудь, прыбудь, мій батеньку, тепер ик мини.
— Ох рад-бы я, дытя мое, прыбуты к тоби;
4 Да насыпано сырои земли на рукы мои!
Склепылыся кари очи й устонька мои,—
Не дам тоби порадонькы, бидній сыроти . . .
7 Ой клакяйся, дытя мое, усій родыни:
Чы не дасть тоби порадонькы, бидній сыротыни! . .

(Конотоп.)

*

1 Плывы, плывы, селезеню, тыхо по води;
Прыбудь, прыбудь, моя маты, тепер ик мыни!

4 — Насыпано сырои земли на груды мои:
Не дам тоби порадонькы, бидній сыроти!
Склепылыся чорни очы на вси ночы;
Запеклыся уста кровъю, не промовлю! . .

(Чернигов.)

*

1 Десь плавала сира утка тыхо по води.
Прыбудь, прыбудь, мій батеньку, тепер ик мени:
Ой дай мени порадоньку, бидній сыроти!

7 Поклоныся, дытя мое, чужій чужыни,—
Нехай дадуть порадонькы бидній сыроти.

„Да не раз, не два, мій батеньку, поклонюся, —
И дрибнымы слизонькамы обильюся! . .„

(Золотонош.)

*

Кланялась, мій батеньку, не раз и не тры, —
Нихто не дасть порадонькы, такои, як ты!
Що чужая родынонька не посмила;
А ридная родынонька не схотила!

(Хорол.)

* * *

Суботонька на недиленьку пійшла,
Маруся у шевліенку зайшла.
Хто мене в шевліеньци знайде,
То тому-ж я, молода, та й достануся.
Пишов батенько — не найшов,
Вырвав квиточку, та й пишов.
Суботонька на недиленьку пійшла,
Маруся у шевліенку зайшла.
Ой хто-ж мене в шевліеньци найде,
То тому-ж я, молода, та й достануся.
Пишла-ж іи матинка — не найшла,
Та вырвала квиточку, та й пишла.
Суботонька на недиленьку пійшла,
Маруся у шевліенку зайшла.
Ой хто-ж мене в шевліеньци знайде,
То тому-ж я, молода, та й достануся.
Прыйшов к ій Юрасько, та й найшов,
Взяв за рученьку, та й пійшов.

(Острогожск.)

*

1 Из суботонькы в недилю,
Пишла Маруся в шевлію;
Хто-ж мене в шевліи знайде,
То того-ж бо я буду!

19 Я-ж тебе, молодую, в шевліи знайшов,
И моя-ж бо ты будеш!

(Овруч.)

* *
*

Да ты душечко наша, Марусе!
Выйды, матинко, протыв нас;
Поглянь, матинко, по всих нас:
Краща Маруся вид всих нас!

(Гадяч.)

* *
*

Да ты душечко наша, Марусе!
Не пизнала маты
Та свого дытяты, —
Помиж мыленькымы
Та за дрибненькымы,
Карымы оченькамы
Та за слизонькамы,
Помиж дружечкамы
Та за слизочкамы!

(Гадяч.)

* *
*

Обмитайте дворы,
Застылайте столы,
Сповняйте кубочкы—

От идуть дружечкы:
Сповняйте повненьки —
От уже блызеньки!

(Гадан.)

* *
*

Риж, маты, кытайкы,
Застылай столы и лавкы.
Бо йдуть дружкы — панянкы.
Ой матинко, утко,
Увывайся хутко,
Бо вже мы ся увывалы
И все село звойовалы.

(Васильков.)

* *
*

Як вильце вьють.

Вильце — велыка галузка (витка), як литом — з яблуни, груши, або з очеремхы, а зимою з сосны; и до кажнои галузкы (пагона) прывьязують барвинок, калыну и разни квиткы зимовыи, яки хто мае, ныткамы й цвитнымы шовками прывьязують. Покладуть цилого хлиба бухынку резового серед стола и тую витку закладають в хлиб; а в-гори забытый цвяшок и прывьязаный верлок гильця, щоб не впав часом, як навишають багацько, бо вин так убраный, що не значно й лыстья, сами цвиты. И трохы не циле весильля зкончыться з ным; так и стоить, рясне да хороше. (Овруч). *Примѣч. Пѣвицы.*

Благословы, Боже, се гильце звыть
И молодого звеселыть!

(Хорол.)

* *
*

Знаты Марусю, знаты,
Що не ридная маты;
Выйшла з сорома з хаты.
Щоб горилкы не даты.

(Овруч.)

* * *

Як клыкалы нас вилець выты,
То казалы мед — выно пыты . . .
А воны нас пиддурылы,
Та водою напоилы.

(Овруч.)

* * *

Як мы вильце вылы,
То горилкы не пылы:
Ходим до крыныци
Напьемось водыци!

(Овруч.)

* * *

Не йдить, молодыци,
До нас вилець выты:
Зовьемо мы самы,
З скрыпкамы, з цымбаламы.
З молодымы боярамы.

(Овруч.)

* * *

Коло свитлонькы, коло новои, та рано!
Коло свитлонькы, коло новои, та ранесенько!
Там соловейко облитае, у свитлоньку заглядае, та рано, рано!
У свитлоньку заглядае, та ранесенько!

Там галочкы гниздечко вьють, та рано, рано!
Там галочкы гниздечко вьють, та ранесенько!
Выйте, галочкы, соби й мыни, та рано, рано!
Выйте, галочкы, соби й мыни, та ранесенько!
Соби звыйте з руты, з мьяты, та рано, рано!
Мыни звыйте з пирьячка, та ранесенько!

Коло свитлонькы, коло новои, та рано, рано!
Коло свитлонькы, коло новои, та ранесенько!
Там Маруся объижжае, та рано, рано!
Там Маруся объижжае, та ранесенько!
В оконечка заглядае, та рано, рано!
В оконечка загладае, та ранесенько!
Там дивочкы вилечко вьють, та рано, рано!
Там дивочкы вилечко вьють, та ранесенько!
Выйте, дивочкы, соби й мыни, та рано, рано!
Выйте, дивочкы, соби й мыни та ранесенько!
Соби звыйте з руты, з мьяты, та рано, рано!
Мыни звыйте з барвиночку, та ранесенько!

(Овруч.)

* * *

Колы-б я знала, колы-б я видала,
Що елечко буде,
То-б я послала свого батенька
Та в луг по калыну.
Да батенько пійшов, калыны не найшов,
Без кал ны прыйшов:
Да стоить, донечко, калына в долыни,
Сыльная зелена;
И витер не віе, сонце не гріе,
Калына не зріе.

Тож спивають матери, брату и сестри, а там вже:

Колы-б я знала, колы-б я видала,
Що елечко буде,
То-б я послала свого мылого Юрася
Да у луг по калыну.
Та Юрасык пійшов, калыну найшов
Сыльную червону:
И витер віе, и сонце гріе.
И калына зріе!

(Черниг.)

* * *

Як мы Маруси вильце вылы,
То вси лужечкы выходылы, —
Червону калыну выламалы:
Такы мы Маруси вильце звылы!

(Лубн.)

*

Зеленый барвинок вытопталы. . . .

(Хорол.)

* * *

Уже лужечкы, бережечкы вода поняла;
Молодую Марусю журьба обняла.
Молоденькый Юрочко музыкы найма,
Молоденькій Мани тугу розважа.
Молоденька Маня все плаче, рыда:
„Не плач, не плач, Марусю, — тепер ты моя!„
Чы мы-ж тоби, Марусенько, не казалы,
Чы мы твого серденятка не втишалы?
Не йды, не йды, да до броду по воду;
Та не слухай голубонькив, де рано гудуть:

Воны твое дивованьня в поле занесуть!
Воны тебе молодую да израдять,—
Од батенька до свекорка переманять,
Из дивчыны в молодыцю нарядять!

(Золотонош..)

* *
*

Ой куды-ж ты, Марусю, походыла,
Що ты соби Юрасенька полюбыла?
Ой ходыла, подруженькы, з гир на подил;
Тым я його полюбыла, що судився мій.
Да кому-ж ты, Марусю, кланяешся з-тыхенька,
Що у тебе да матинка нерідненька?
Есть у поли да былына зелененька,
Й а в Маруси та матинка нерідненька . . .
Я чужій чужыни клонюся,
А своеи матуси не дождуся!

(Золотонош.)

* *
*

А в виру, в вирочку,
На жовтим писочку,
Щука рыба гра,
Золоте пиро втеря.
Играй, не грай, бобре,—
Звылы вилечко добре!

(Чернигов.)

* *
*

Да не самы мы елечко вылы:
Звылы елечко два донци,
Да й поставылы на стольци.

(Чернигов.)

* *
*

Ой чы есть ясный мисяць на зори,
Ой чы есть господарь на двори,
Чы выкупыть елечко на столи?
Щоб наш коровай ясен був,
Щоб наш молодый красен був!

(Черниг.)

* * *

Як винкы вьють.

Прыйде вже молода в-вечери з дружкамы, в плахтах, у корсетах, кажна убереться так гарно. Пиде старша дружка, выруба вильце з вышни, здилають його в бумагу, у цинь, в колоскы з жыта, в калыну, барвинок; а то все на вильце, — так врасять його! Як изроблять вильце коло порога, то на хатньому порози благословляться: «Старосты-пани-старосты!» — Рады, слухаем! — «Благословить се вильце в весильный-дом унесты!» А воны: «трычи разом благословымо!» и рясять на дружку, да бьють цыпком у дверя навхрест трычи. Внесуть вильце, — поставлять на столи у хлиб у жытній. Дружкы посидають за стил, а молода перед столом стоить. Молода поклонытьси трычи дружкам, а старша дружка ій. Молода нахылытьси на стил, одшпылыть старша дружка винкы в неи, перериже на двое, и повьють уже на дви шпылькы, щоб було уже два винкы, и прышпылять упьять молодій, у ленту, у стричку на голови до правого боку. (Лубн.) *Примьч. пьвицы.*

Благословы, Боже,
Пречыстая згоже —
Сіи виночкы звыты,
Сей дом звеселыты!

(Лубн.)

*

3 И отець, и маты —
Виночкы пошыты,
Сей дом звеселыты!

(Лубн.)

* *
*

1 Пусты мене, мій батеньку, на гору тую:
Нехай же я на тій гори погуляю,
И цвиточку на квиточку нащыпаю,
Хвіялочок на виночок назрываю:
— На що-ж тоби, дытя мое, сей сыненькій цвит,
Що вже тоби, дытя мое, завъязаный свит! . .

(Гадяч.)

*

1 Ой на гори полуцвитки процвитають,
Ни однои долыноньки не мыняють;
Дочка в батенька прохалася:
Ой пиду-ж я, мій батеньку,
На круту гору погуляю
И квиточок назрываю . . .

(Гадяч.)

* *
*

Ходыла дивочка по полю,
Звыла соби виночок з коколю.
Носы, носы, дытя мое,
Сей виночок да до вечора;
Увечери дружкам оддасы:
Воны твій виночок розивьють,
Воны тоби, дытя мое, жалю завдадуть!

(Чернигов.)

* *
*

Марусенька сыриточка, а Юрасько пан;
Було-б тоби да шукаты такои, як сам . . .
Ой выиздыв всю Краину, увесь билый свит,
Да не найшов такои, як Маруся цвит!

(Черниг.)

*

На гори хвіялочка зелененька,
Туда ишла Марусенька молоденька,
А за нею Юрасенько из-тыхенька:
Вернысь, вернысь, Марусенько, уже-ж ты моя!
Вона стала — одгадала: ще-ж я не твоя!
Ще я в батька паняночка, а ты в свого пан;
Шукай соби паняночкы, такои, як сам!
„Изъиздыв я, Марусенько, уси города,
Та не найшов такои, як ты молода.„

(Лубн.)

* *
*

Ой ходыла Марусенька по новим двору,
Ой сіяла выннн квиты из прыполу,
А просыла батенька прозьбою:
Ой зачыняй, мій батеньку, новый двир,
Ой не пускай, мій батеньку, боярив у двир;
Бо вытопчуть выннн квиты копытамы
И вынесуть за ворота пидковкамы.
„Ой не жалуй, дытя мое, да выннх квит,
Ой пожалуй, дытя мое, молодых лит!
Ище-ж твои выннн квиты изростуться —
Батьковыи роскошенькы помынуться;
Помынуться, дытя мое, так як бачеш,
Не раз, не два, дытя мое, та й заплачеш!

(Овруч.)

*

Да ходыла Марусенька по городу,
Да садыла сад — виноград из прыполу,
Да забула воритечок зачыныты,
Да мусыла свого пан-отченька попросыты:
Ой зачыны, мій батеньку, воритечка,
Покы прыйде Юрасько з боярмы,
Да вытопче сад — виноград чоботамы.„
— Ой не жалуй, донько моя, сых вынновых квит,
Да пожалуй, моя доньку, молоденькых лит:
Сіи дви квиточкы да зростуться,
Твои вси роскоши да мынуться. —
„Да мынаються роскошенькы, сама бачу,
Не раз, не два по роскошах та заплачу!„

(Радомысль.)

* * *

Да ходыла Марусенька по свитлоньци,
Да носыла мед — выно у скляноньци,
Частовала отця — неньку и всих у-поряд.
— Исправ мини, пан-отченьку, ввесь панській наряд:
Да зеленую суконечку по земельку,
Щырозлотній поясочок на станочок,
Червоніи черевычкы на нижечкы. —
„Да нащо-ж тоби, доньку, зеленои сукни?
Да як буде да твій мылый да ривнывый,
То зеленее суконечко излежыться,
Щырозлотній поясочок иржа перейсть,
Червони черевычкы изосхнуться,
Уси твои роскоши мынуться!„

(Золотоиош.)

*

Ходыла Марусенька по комнати,
Будыла пан-отченька з кровати:
Да устань, устань, пан-отченьку, годи тоби спать!
Да исправ мини, пан-отченьку, дорогый наряд:
Да шовковее сукенечко аж по земли,
Щырозлитній поясочок на станочок,
Червоніи черевычкы на нижечкы!—
Да на що-ж тоби, дытя мое, дорогый наряд,
Як буде твій мылый наровлывый?
Дорогіи сукенечкы излежаться,
Щырозлитній поясочок поломнеться,
Червоніи черевычкы пылом прыпадуть,
Тилько тоби, дытя мое, жалю завдадуть!

(Радомысль.)

* * *

Прыйхав Юрочко до Маруси в гости,
Та й сив биля неи, та й дывыться на неи:
Чы такая сукня у неи, як у мене молоденького?
Щоб не було та поругонькы од батенька та ридненького,
Од свекорка та старенького,
Од матинкы та ридненькои,
Од свекрухы та старенькои.

(Галич.)

* * *

Ой у саду, у садочку, да на зеленій рути,
Плакала там да Марусенька, да виночкы вьючы.
Да зачув Юрась да по кони йдучы:
„Да чого ты, Марусенько, слизненько плачеш?„
— Ой як-же мыни да й не плакаты,
Що у тебе молодои да родыны много,

А у мене молодои да дары немного. —
Ой я татка упрошу, да родыны уменшу,
А мамочкы упрошу, да дары прыболшу,
Такы тебе, да Марусенько, за себе возьму!

(Чернигов.)

* * *

Гей из синечок, гей двое дверечок,
Гей в вышньовый садочок;
А у садочку два васыльочкы —
Которого ущыпне, пахне.
А у Маруси аж два виночкы —
Который возьме, плаче.
„Ой не дай мене, ты-ж мій батеньку,
Хоть сей рочок од себе:
Та нехай похожу, нехай повьялю
Сых два виночкы у тебе.„
Ой есть у мене, доненько моя,
Ще меншая од тебе;
То та походыть, то та повьялыть
Сых два виночкы у мене.

(Васильков.)

* * *

Ой из синечок двое дверечок;
Там Маруся овесець брала,
Голубонькив годовала:
„Да гудить, голубы, куйте зозули,
Щебечить соловейкы!
Да задайте тугу темному лугу
И моему пан-отченьку.
Що вин мене дае, свит мени завьязуе

Червоною да кытайкою, чорною да нагайкою!„
Я-ж тебе, доненько, даю,—
Я-ж тоби даю, що в доми маю,
А доленькы не вгадаю . . . .
Да просы, доненько, Господа Бога,
Щоб щаслыва доля!

(Золотонош.)

* * *

Ой їхалы бояре горою,
Да клыкалы Марусю з собою:
„Ходы, ходы, Марусю, из намы,
Дамо тоби виночок з перламы.„
— А я того виночка не зношу:
Полюбыла Юрасенька, як душу.

(Радомысль.)

* * *

Через сины садочок;
Вылы Маруси виночок,
Та й покотылы по столи,
По квитчастому скатертю:
Та прыймы, батеньку, виночок,
Из ярои руты сердечко [1].
Не прыйму, доненько, не прыйму,
З жалю ручечок не здійму,
За слизонькамы не бачу;
Есть у тебе, доненько Марусю, служечка,
Старшая дружечка:

(1) Значыть, вершокъ из ярои руты. *Примѣч. пѣвицы.*

Вона встане и гляне,
Вона и прывытать,
И на здоровъе спытать.

(Дубн.)

* * *

На посади молодій, въ суботу.

Ой чому, чому, в сим новим дому
Так рано засвичено?
То-ж молодая Марьечка
В свого батенька благословеньня просыть:
— Благословы-ж мене, та мій батеньку,
На сим посади систы! —
„Ой спдай ты, моя доненько,
З успма святымы,
З дружечкамы молодымы!„

(Хорол.)

* * *

Ой идé Маруся на посад,
Зострпча ін Господь сам —
Ой из долею щаслывою,
Из доброю годыною!

(Хорол.)

* * *

Ой хто-ж тоби, Марусю,
Сей хорошенький посад дав?
Ой дав мыни Господь Бог,
И мій батенько старенький,
И моя ненька ридненька!

(Острогожск.)

* * *

(Тій шо без матери:)

Да хыба в тебе, Марусю, да родыночку нема?
Никому стоять поконець стола,
Никому прохать Господа Бога,
Щоб добрая доля?
Е в мене батенько, буде стояты, буде прохаты,
Щоб добрая доля.

(Чернигов.)

* * *

Чорна галочка на рокыти сыдила:
Хотила-ж вона рокыту поламаты;
Вона-ж іи не зломыла,
Тилько вершок схылыла.

Молодая Маруся на посад сила:
Хотила батенька звеселыты;
Вона-ж його не звеселыла,
Тилько гирше засмутыла.

(Звенигород.)

* * *

Та израдуеться, извеселыться
. . . . . .
Що посадыла, постановыла

Янголя в виногради,
Та й обсадыла, обстановыла
Округы хмарочкамы,
Повными зирочкамы.

Та зрадуеться, звеселыться
Марусына матинка,
Що посадыла Марусеньку на посади,
Та й обсадыла, обстановыла
Округы дружечкамы,
Повными зирочкамы.

(Гадяч.)

*

Та й обсадыла молодымы дружечкамы
Й обстановыла повнымы кубочкамы.

(Гадяч.)

* *
*

Да колы-б я знала, да колы-б видала,
Що засватана буду —
Да не кувала-б я, да не золотыла
Золотого перстенечка;
Да покувала-б я, да позолотыла
Золотіи крылечка,
Да полетила-б я, да поленула-б я,
У чужую сторононьку,
Да роспытуючы, да розвидуючы
Чужои сторононьку,
Да не так стороны, да не так чужои,
Як чужого батенька:

Да чы вин же добрый, да чы добровильный,
Да чы такый, як мій ридный! . .
Що у мого батька да усюды горы,
Да гуляты до-воли.
А у свекорка да усюды ривно,
Да гуляты невильно.

Ой у городи крыныченька одна,
Да вырынае холодная вода.
Там дивчынонька били рукы мыла,
З батеньком говорыла:
Ты-ж мій батеньку,
Ты-ж мій ридненькій,
Да ты-ж мій повильненькій свиту!
Да куды я пиду, я й забарюся,
Видтиль иду́, да й не боюся!

А в горо́ди крыныченька одна,
Вырынае холодная вода.
Там дивчына били рукы мыла,
З свекорком говорыла:
Ты-ж мій свекорку,
Ты-ж мій батеньку,
Ты-ж мій невильный свиту!
Да куды я пиду, да й не барюся
Видтиль йду, та я й тебе боюся!

(Конотоп.)

*

Да колы-б я знала, да колы-б я ви́дала,
Що заручена буду,
То-б я не робыла и не ковала
Золотого перснечка.

То-б поробыла, та я-б поковала
Золотіи крылечка.
Та я-б полетила в чужу сторононьку,
Та я-б розвидала, розгледила чужои сторононькы,
Да не так сторононькы, як чужого пан-отченька:
Да чы вин гризный, да чы вин негризный,
Да чы вин та такый, як мій ридный?
Хоч гризный, хоч негризный,
Да не такый, як мій ридный!
Що в свекорка всюды ривно, да гуляты невильно,
А у мого хоч и горы, да гуляты до-воли:
Да куды пійду, хоч забарюся, да не боюся,—
У свекорка хоч и не барюся, а боюся.

(Золотонош.)

*

Ой за синьмы, синьмы,
В зеленому зильли
Рублена крыныченька.
Там Маруся рученькы мыла,
З батеньком говорыла:
„Батеньку цвите, рожевый квите,
Мій прокильненькій свите!
Я гуляты иду́—не пытаюся,
Забарюся—не боюся;
Я в воритечка, ты в виконечно:
Аж идé моя донечка!

За синьмы, синьмы,
В зеленому зильли
Рублена крыныченька.
Там Маруся рученькы мыла,
Из Юрасем говорыла:

„Юрасю цвите, рожевый квите,
Мій завъязаный свите!
Я гулять иду́ да й пытаюся,
Забарюся, до й боюся;
Я в воритечта, ты в виконечко:
Нагайка на колочку!„

(Овруч.)

* *
*

1 Плавле утеня, плавле сирее
Коло лыпы, коло кореня;
Ой боиться-ж воно да лютои зимы,
Да холоднои воды.
Не бійсь, утюнко, да не бійсь сирая!
Зимонька да не лютая;
Ой хоч лютая, хоч нелютая,
Не буде такая як лито було:
Що не будуть та садочкы зелениты,
Тилько будуть снижечкы билиты.

Плаче Марусенька у свитлыци,
Прыхылывшы головонку ик скамныци.
Ой щож вона та плачучы говорыла?
14 Що не буде такый свекорко, як батенько бувъ!
Ой не плач, Марусю, да не бійся,
Свекорко да негризненькый.
Ой хоч гризненькый, хоч негрозненькый,
Да не буде як ридненькый!

(Остер.)

*

1 Ковала зозуленька в садочку,
Прыхылывшы головоньку ик лысточку;

Ой що-ж вона та куючы говорыла?
Що не буде така зима, як лито було . . .

Що не буде так у свекра, як у батька було!
Що не будуть та гуляты посылаты:
Бижы, бижы, дытя мое, не барыся,—
На синечному порози заверныся!

(Остер.)

*

Сыроти:

Пошлю сокола да повыще неба—
Мыни батенька треба!
Чорну галочку на Вкраиночку—
По свою всю родыночку:
Ни сокола з саду, ни батенька з раю,
Ни родыны з Украины!
Ще соколонько не долитае,
А батенько на догад знае:
Ох и рад-же-б я, дытя мое,
До тебе встаты, тоби порядок даты,
Да сырая земля двери залегла,
Оконечка заклепыла!

(Остер.)

*

Сыроти:

Знаты дивочку по веселійку,
Що убогая сыриточка—
Двир ій велык, собор невелык [1],
Не вся ій родыночка.

(1) Хоть велыкый двир. невелыкый збир.
(Глухов.)

Шлю зозулечку на Вкрайночку
По свою родыночку,
Шлю соловейка маленького
Та по свого батенька ридненького.
Ни соловейка з чужои сторононьки,
Ни моего батенька з сырои земельки . . .
Ой рад бы я встаты к своему дытяты
Та порадочку даты:
Сырая земля двери залегла,
Виконця зослоныла;
Жовтый писочок залиг носочок,
Нельзя продохнуты! . .

(Шклов.)

*

Що летять галочкы ряд по рядочку [1],
Зозуленька по-передочку.
Та вси галочкы на гильли силы [2],
Зозуля на калыни.
Уси галочкы защебеталы,
Зозуленька закувала.

7 Вишлы дружечкы ряд по рядочку,
Марусенька по передочку;
Уси дружечкы за столом силы [3],
Марусенька на посади.
Да вси дружечкы писенькы спивають,
Марусенька сылно рыдае [4].

([1]) У два рядочкы . . . у тры рядочкы . . .

([2]) На осычкы . . . по лугах . . . .

([3]) За стил . . . на лавоньци . . .

([4]) Уси дружечкы та й заспивалы, Марусенька заплакала . . .
Вси дружечкы спивають писнечкы, Маруся заплакала . . .

Ой чого ты плачеш, чого жалкуеш,
Марусенько молодая?
Ой чы жалко тоби батенька свого,
Чы подвирьечка його?
Не жаль же мыни батенька свого,
Ни подвирьечка його —
Як жаль мини русои косы
И дивоцькои красы!

(Черниг0в.)

*

Ой чого куеш, чого жалуеш:
Чы гиркои та калыноньки?
Я не того кую, що дуже жалую
Та гиркои калыны,
А того я кую, що вид вас одстаю,
Мои чорни галочкы!

Ой тяжко жаль мыни русои своей косы,
Красоты дивоцькои!
Бо дивкы гуляють — знай кискамы мають,
А мене вже не прыймають! . .

(Черномор.)

*

Ой жаль мыни раннього куваньня
И пизьнього литаньня,
Що я рано встаю
И раненько кую . . .

*

А хоть же прыймуть и прыгорнуть,
Так правды не скажуть:
Ой пиды, пиды, ты заручена,
Ты од нас одлучена;

Ой пиды, пиды, ты повинчана, —
Ты-ж од нас одмичена!

(Хорол.)

*

Да чого-ж ты куеш, да чого жалуеш,
Сывая зозуленька?
Да чы жаль тоби темного лугу,
Чы червонои калыны?
Ой не жаль мыни темного лугу,
Ни червонои калыны —
Тилько жаль мыни куваньнечка
И раннього вставаньнечка:
Я рано кую, я рано кую,
На калыни ночую . . .

(Радомысль.)

*

А жаль же мени да тіи туполи,
Що на чыстому поли,
Да де я литаю, да де я буваю —
На туполи спочываю;
А тепер истято и гильля забрато:
Нигде систы да й одпочыты . . .

Ой хоть же прыймуть, ой хоть не прыймуть, —
Да не скажуть, що самы знають!

(Чернигов.)

* *
*

Виддаеш мене, мій батеньку,
Та й сам знаеш,
Що не раз, не два ты за мною
Та й заплачеш!

Як вышенькы, черешенькы
Та цвистымуть,
Як дивочкы та виночкы
Та плестымуть,
Мымо твоих воритечок
Та нестымуть,
Та не будуть та до хаты
Прывертаты,
Та не будуть та кватырочкы
Видсуваты,
Та не будуть та Маруси
Выклыкаты!

(Конотоп.)

* * *

Сироти:

Зеленая та дибривонько!
Чого в тебе та борив много,
Зеленого та ни одного,
Пáроста ни од одного?
Молодая та дивчынонько!
Чого в тебе та батькив много,
А ридного та ни одного,
Порадонькы ни од одного?
Усе тіи, що пыты, гуляты,
Та никому порадонькы даты;
Усе тіи що напытыся,
Та никому зажурытыся!

(Конотоп.)

*

Зеленая дубривонько!
Чого в тебе пеньку много,
Зеленого да ни г'одного,
Порастонькы ни од одного?
Молодая Марусенька!
Чому в тебе батькив много,
Що ридного да ни г'одного,
Порадонькы ни од одного?
Колы-б мини мій батенько,
Вся моя порадонька!

(Чернигов.)

* *
*

„Ой татоньку, мій голубоньку!
Десь я тоби та докучыла
По твоему двору ходячы,
Кискою маючы,
Твій двор велычаючы!„
— Да донечку Марусенько!
Ты-ж мини не докучыла;
Да докучылы-ж мини
Частыи да сваты твои . . .
Що з вечора не дають спаты,
А до свита не йдуть з хаты!

(Радомысль.)

* *
*

Не стій, сосно, розвывайся!
Извый, сосно, симсот квиток и чотыри,
Усим буяром по квитци,
Нашому Юрасечку квиточкы не стало:
Есть у нього квитка,
Марусенька дивка.

(Звенигородк.)

* *
*

Дивин вечер зряженый,
Та дивит-вечер!
Да рано, рано, да ранесенько!
Да на тры стины камъяныи,
А на четверту золотую;
Да рано, рано, да ранесенько!
А на тій стини макивочка,
А на макивочци ластивочка;
Да рано, рано, да ранесенько!
Да вывела диткы-однолиткы;
Да рано, рано, да ранесенько!
Що перве дытятко—молодый Юрочко,
А друге дытятко—молода Маруся.
Да рано, рано, да ранесенько!

(Золотонош.)

* * *

Зеленая явирыночка!
Чом ты мала невелычечка?
Чы ты росту не велыкого?
Чы кориньня не глыбокого?
Чы ты лысту не шырокого?
Я й росту высокого,
Я й кориньня глыбокого,
Я й лысту шырокого.

Молодая Марусечко!
Чом ты мала невелычечка?
Чы ты роду не велыкого?
Чы ты батька не багатаго?
Чы ты маткы не розумнои?
Я и роду велыкого,

Я и батька багатого,
Я и маткы розумнои!

(Шклов., Овруч.)

* * *

Плыве утинка з утенятамы на море ночуваты,
А за ею, ею сыв селезень у плавкы уплывае:
Пожды, утинко, пожды, сирая,
Я скажу тоби висть!
Був я на мори,
Чув поговоры
На тебе, сира утко!
Там плетуть ситкы
На твои диткы,
На тебе, сира утко!
„Нехай плетуть, переплитують —
Я того не боюся:
Диточкы пурнуть,
Ситочкы порвуть,
Я стара перелечу.„

Ишла Маруся из дивочкамы на гору погуляты,
А за ею, ею молодый Юронько у слидкы уступае:
Пожды, Марусю, пожды, дивочко,
Я скажу тоби висть!
Був я на мисти,
Чув я тры висти
На тебе молоденьку;
Там шыють швачкы
Чепци скидачкы
На твою головоньку.
„Нехай же шыють, шовком гафтують,—

Я-ж того не боюся:
А з недиленькы на понедилок
Я в тее уберуся;
Отцю й матци поклонюся,
Своій родыни
И вирній дружыни.„

(Овруч.)

*

24 Крають кытаечку . . .
Сшыють кыбалочку
Та на твою головочку!

(Хорол.)

*

Ой як мини тых дружечок позбираты,
Ой де мини их з-высока посажаты?
Позбираю тых дружечок по надвирью,
Посажаю их з-высока по застилью:
А сама сяду, молодая, що найвыще всих,
Схылю-склоню головоньку ныжче всих,
Та заплачу, молодая, дужче од усих!

(Хорол.)

* *
*

За вечерею.

Суботонька — недиленька, так як одын день,
Сумовала Марусенька сей день увесь день.
Ой як мини сіи сумы пересумовать,
Ой як мини свекорка батеньком назвать?
Назвала-б я батеньком, так жаль буде;
Назвала-б я свекорком, так быть буде.
Суботонька — недиленька, так як одын день,

Сумовала Марусенька сей день увесь день.
Ой як мини сіи сумы пересумовать,
Ой як мини свекруху матинкою звать?
Назвала-б матинкою, так жаль буде;
Назвала-б свекрухою, так быть буде.
Суботонька — недиленька, так як одын день,
Сумовала Марусенька сей день увесь день.
Ой як мини сіи сумы пересумовать,
Ой як мини диверка братиком назвать?
Назвала-б я братиком, так жаль буде;
Назвала-б я диверком, так быть буде.
Суботонька — недиленька, так як одын день,
Сумовала Марусенька сей день увесь день.
Ой як мини сіи сумы пересумовать,
Ой як мини зовыцю сестрыцею звать?
Назвала-б сестрыцею, так жаль буде;
Назнала-б зовыцею, так быть буде.
Суботонька — недиленька, так як одын день,
Сумовала Марусенька сей день увесь день.
Ой як мини сіи сумы пересумовать,
Ой як мини Юрасенька дружыною звать?
Назвала-б дружыною, так жаль буде;
Назвала-б Юрасенько, так быть буде!

(Лубн.)

* *
*

Не стій, вербыно, розкыдайся;
Не сыды, Марусю, розмышляйся:
Чым свого свекорка называть будеш?
Назову я свекорка ридным батеньком:
Я-ж по тому, я-ж по тому
Лыха не буду.

Не стій, вербыно, розкыдайся;
Не сыды, Марусю, розмышляйся:
Чим свою свекруху называть будеш?
Назову свекруху ридною матинкою:
Я-ж по тому, я-ж по тому
Лыха не буду!

(Тож спивають сестри и брату).

(Шклов.)

* * *

Ой ходыла дивчынонька по горóду
Та сіяла дрибный мак из прыполу.
Ой як мини сей дрибен мак позбираты?
Ой як мини та свекорка называты?
Позбираю дрибен мачок сызым голубцем,
Назову я та свекорка ридным пан-отцем;
Позбираю я дрибен мачок сывою голубкою,
Назову я та свекруху ридною матинкою!

(Конотоп.)

* * *

Коровайніи.

Стари посылають клыкать на коровай; идуть жинкы на коровай и мукы несуть по мысци. Вчынять коровай, и на другый день печуть: губци выржуть, да скотыть, да от и шышка, и так шышка до шышкы кладеться; на самому дни, коржа жытнього класты,—да насыплють туды хмелю, жыта, да на тому уже й печуть; а сажають в пич из вика. Голубци з тиста зроблять, калыною постромляють очкы, и положять навхрест, и яйця цили навхрест, тилько покроме од голубцив. А лопатою як посадять коровай, у чотыри хатніи углы стукають. (Радомысль).

Примѣч. пѣвицы.

Да колы мы Марьечци коровай липылы,
До Дунаю воды ходылы;
Да Дунай з намы говорыв:
Не берите воды з Дунаю,
Я вашего короваю не знаю;
Да берите воду з крыныци,
Липить коровай з пшеныци.

(Остер.)

* *
*

Ой прыйхалы подоляне з подолу,
Ой прывезлы мирку пшеныци на коровай.
Хвалыть бо Бога, пшенышный буде наш коровай.
Ой прыйхалы подоляне з подолу,
Ой прывезлы мирку солы на коровай.
Хвалыть бо Бога, солоный буде наш коровай!
Найхалы подоляне з подолу,
Ой прывезлы копу еець на коровай.
Хвалыть бо Бога, з яйцямы буде наш коровай!
Прыйхалы подоляне з подолу,
Ой прывезлы свои игронькы с собою;
Ой загадалы хорошенько играты,
А старости з сванечкою скакаты;
Ой найхалы подоляне з подолу,
Ой прывезлы свои игронькы с собою;
Ой загадалы хорошенько играты,
А парубку з дивчыною скакаты.
„Лучче я буду крутыи горы копаты,
Як я маю з поганым скакаты!„

(Овруч.)

* *
*

До бору, бояре, до бору,
Да рубайте сосну до-долу!
Трощите на огни —
Загничоваты коровай,
Щоб наш коровай ясен був,
Щоб наш увесь рид весел був.

(Остер.)

* * *

Сироти:

Ой де пишов Марусын батенько?
Да нехай увійде, да нехай уступе
У сю нову свитлоньку!
Да нехай запалыть, да нехай засвитыть
Трейчатую свичку!
Да й стане по-конець стола,
Щоб выдно його дытяты
Коровай бгаты.

(Черниг.)

* * *

Прылетила да тетеречка,
Прылетила да теперечка,
Сила-пала на виконечку,
Пытаеться на здоровьечко:
„Чы тут тыи коровайнычкы,
Що шытыи да рукавочкы?
Ой шкода им даты
Коровай бгаты!
Да из села да селяночка,
А из миста мищаночка,

А-з Кыева войтовая —
То-ж наша майстровая.

(Черниг.)

* *
*

Ой зашумила, заговорыла яра пшеныця у стози:
„Та не подобонькы мини в стози стояты,
Та подобонькы з мене коровай бгаты.
Хорошiи коровайнычкы,
Хорошенько коровай бгають,
Сырцем прысыпають,
В маслечко вмочають.

(Хорол.)

* *
*

Выйся, короваю,
Ще вышче од гаю,
Як душенька по раю,
А рыбонька по Дунаю.

(Брацлав.)

*

Пытаясь коровай перепечы:
Чы е стежка да до печы?
Ой е стежечка да маленькая —
Муравочка зелененькая;
Ой заросла да сунычныком,
Зацвила поленычныком [1].

(1) Зильля таке. *Примѣч. пѣвицы.* Суныци — клубника, полуныци — земляника. *Примѣч. Издателя.*

(Остер.)

*

Пич наша регоче,
Коровая хоче;
А прыпичок усмихается,
Коровая сподивается.

(Радомысль.)

*

Кучерявый пич вымитае,
А хорошый заглядае,
Бог йому помагае;
Пич на сохах,
И дижа на руках.
Поцилуйтеся, помылуйтеся,
Хто кому мыл.

(Радомысль)

*

Зрясять на вици коровай, у пич посадять из вика, дижу бьють об стелю, та се й спивають. (*Примѣч. пѣвицы*):

Пич стоить на сохах,
Дижу носять на руках:
Пе́че, наша пе́че,
Спечы нам коровай изречій!

(Луби.)

* *
*

Ой Бог нам дав,
Коровай наш вдавсь:
Ясный, красный, —
Як мисяченько,
Як яснее соненько

(Брацлав.)

* *
*

Короваю-ж мій, маю,
Я-ж тебе убираю
Да в рожевыи квиты,
Щоб любылыся диты.

(Радомысль.)

* * *

Да богат, Юрасю, батько твій!
Густо пшеныци на новыни,
Да высоки стогы на гумни,
А ще вышче коровай на столи.

(Чернигов.)

* * *

Пытается коровай у перепечи:
Чы есть стежечка до клети [1]?
Ой есть стежечка да маленькая,
Абы наша рутонька зелененька,
Абы наша Марусенька молоденька.

(1) Относится к древнему обычаю выносить на ночь с суботы на воскресенье коровай в комору.

(Чернигов.)

* * *

Як коровай посадять, дружкы розійдутся, прыйде молодый до тещи *на домовыны*, из музыкамы прыйдуть старосты да дружкы, чотыри чоловика з ным, за стил посидають, пытаються: скилкы брать поизду? «як будуть чоботы, черевыкы, так беры тры свитылкы, дви свашкы, боярив пьять, и старостив два, и дружкив два и визныку.» А як нема чобит и черевыкив, так поизду менше: свытылок дви, свашка одна, боярив тры; а те: визныку и старостив, и дружкив, треба, то вже не переминыться. Там же, на домовынах, домовляються: скилкы *на кони* брать, килкы *на винку*. Ото выпьють горилкы и пидуть до-дому. (Лубн.) *Примѣч. пѣвицы.*

На кони брату молодои, на винку сестри. Як за молодою вин прыиде, з своим поиздом, да у двир их впустять, до брат молодои визьме ципок у його, да на их коня сидае и поиде; йдуть його просыть,— карбованця, як богати, дадуть йому, чарку горилкы и шышку. Сперву грошы визьме — на тарилку все кыдають, все кыдають: «та берить уже, свату — нам ще велыка дорога, то багацко грошей треба!» — Я на те, сваты, не соглашаюсь: я качаны крав, да свою сестру годовав, а вам за тры копійкы ддам? Не ддам! — Упросять його, вже вин оддасть ципок. А там дали, як у хату ввійдуть, молодои сестра убуеться в чоботы в зятеви, що матери од молодого подаровани, и стане на ослони, де бояры сыдять, воны посунуться, а вона стане. Нахылыться молода; одшпылять винок ій одын, а з молодого шапку знимуть. Сестра молодои винок прышпылыть до молодого шапкы и надине соби на голову. Пидскакуе на ослони, та й кланяеться, и кланяеться, молодым, а воны ій кланяються и кыдають старости гроши на тарилку; а вона шапку пидниме, та гляне, що мало грошей, та впьять скаче, та впьять скаче. Отогди вже спивають: *скаче, свистонька, скаче.* Як исповныть, скилькы там на домовынах поставлено, так вона забере, шышку визьме, и чарку горилкы выпье и шапку молодому оддасть уже, а молодій укыне грошей, за плечы треба кыдать.

(Лубн.) *Примѣч. той-же пѣвицы.*

Недильни.

Як до винця и од винця йдуть або йидуть.

Сыроти.

Як будеш, Марусенько, к винцю йты,
Не забувай молода до маткы зайты:
Ростопчы нижкамы травку-муравку,
Розмый слизкамы жовти пискы,
Изнимы ручкамы гробови дошкы—
Поклоныся матонци нызенько у нижкы!

(Шклов.)

* * *

Ихала Маруся до винця,
Да впустыла до-долу гребенця:
Да подай, Юрасю, гребенця—
Зачесать русу косу до винця.
Я-ж тоби, Марусю, не молодець,
Щоб я тоби подавав гребенець.

(Чернигов.)

* * *

Чы чуетесь коныченькы, на сылу?
Чы пидвезете княгыню
Да пид тую гироньку крутую,
Да у тую церковку святую?
А у тый церковци Святый Спас,
Винчав диткы-однолиткы в Божій час.

(Радомысль.)

*

Ой коню, коню вороный,
Чы берешся на сылу?
Чы звезеш нашу княгыню,
На тую гироньку крутую,
У тую церковку святую?
А у тій церковци, Святый Спас,
Звинчай диточкы в гожій час.

(Радомысль.)

* * *

Отступитеся ворогы,
Из щаслывои дорогы!
Пидобъють коныченькы ногы!

А супостаты пид пъяты,
Щоб перестали брехаты.

(*) Пид ноги.

(Чернигов.)

* *
*

Ламните роженьку,
Стелйте дороженьку
Нашому молодому
До Божого дому.

(Чернигов.)

* *
*

Пономар ключыкы ховае,
Юрась Марусю пытае:
Чы я-ж тоби, Марусенько, вельмы люб,
Що ты зо мною брала шлюб, —
Пид царськым винцем стояла,
За билую рученьку держала?
Из правои рученькы перстень зняв
Да на мою рученьку липшій дав.

(Чернигов.)

* *
*

Схылылася верба
З верху да до кориня;
Винчалася Маруся
З ранку да до полудня.

(Радомысль).

* *
*

Да булы-ж мы у церкви,
Молылыся Богу, Духу Святому,

И книгы чыталы
И двое диток звинчалы.

(Новоград-Волынск.)

* *
*

Не гуды, рою,
По-над головою!
То не рій гуде —
То Маруся до дому идé.

(Звенигород.)

* *
*

Стелыся, хмелю, по тыну,
А ты, золото, по йому,
Бо иде наша княгыня до дому.

(Звенигород.)

* *
*

Май мае, коса грае[1]
Од винчаньня идучы.

(1) Относится къ обычаю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расплетать косу передъ вѣнчаньемъ.

(Радомысль.)

* *
*

Не вій витре, дибровою,
Повій, витре, да дорогою —
За нашою молодою!
Розмай ій косу,[2]
Як литнюю росу
По червоному поясочку,
По одному волосочку.

(2) Тоже относится к тому же обычаю.

(Золотонош.)

* *
*

Леты, леты, соколоньку, до батька мого!
Нехай же вин столы тесовыи застылае,
Нехай свичы восковыи зажыгае,
Нехай мене молодои ожыдае!

(Черниг.)

* * *

Ой маты, маты старая,
Застылай столы коврамы!
Да не сама я иду — з боярмы,
Да не сама я сяду — з панамы.

(Черниг.)

* * *

Сиченая калынонька, сиченая,
А вже-ж наша Марусенька винчаная;
Червоныи чоботкы на нози,
Що купыв Юрко в Острози.

(Радомысль.)

* * *

Старшій братику! одчыны воритця
До кинця —
Иде твоя сестрыця
Од винця!

(Радомысль.)

* * *

Сяду — паду ластивкою
Перед моею матинкою:

Матиночко моя!
Тепер я не твоя —
Тепер я того пана,
Щож з ним обвинчана.
Леты, леты, соколоньку, поперед нас,
Запесы там вистоньку перше за нас:
Що добродій . . . . мылостыв на нас —
Выбрав диву чорнобрыву одну из нас,
Щоб пан-отець, пани-матка и вся родына
Выйшлы повиталы та й з донькою сына.

(Васильков.)

* * *

Выйды, матинко, протыв нас,
Запытай, матинко, усих нас:
Де твое дытятко бувало,
Що твое дытятко чувало?
„Пид царськым винцьом стояло,
З правои рученькы шлюб брало.
Одчынитеся воритьця,
Одкотитеся колисьця,
Одступиться ворогы
Из щаслывои дорогы,
Бо у нас коник вороный —
Пидобьем ворогы пид ногы!

(Васильков.)

* * *

Выйды, маты, з хаты —
Познаваты дытяты,
Вчора було наречене,
А тепер повинчане.

(Новоград-Волынск.

* * *

Выйды, маты, з хаты
Познаваты дытяты,
Едного родженого,
Другого судженого!
Выйды, матинко, з хлибом —
Прыйхала донечка з дидом:
На билому рушнычку стояла,
Щырую правдоньку казала;
Шлюб брала, шлюб шлюбовала,
Перед попом й перед дьяком
З Юрком козаком.

(Овруч.)

* * *

Выйды, матинко, выйды,
Не зробылы тоби крывды:
Прывезлы тоби дочку
У зеленому виночку!

(Радомысль.)

* * *

Поплыву я утюнкою
Да перед матюнкою.
Ой матюнка моя!
Да вже-ж я не твоя:
Вже-ж я того пана,
З кым я шлюб прыймала, —
Шлюб брала, хрест циловала.
Богу прысягала —
Из молодым Юрасем!

(Остер.)

* * *

Выйды, выйды, паниматко, проты нас,
Да вытай купочок усих нас,
Да пытай донечкы: чы твоя?
Вже-ж я, пани-матко, не твоя,
Вже-ж я, пани-матко, винчаная,
Вже-ж я, пани-матко, Юрасева вичная.

(Черниг0в.)

* *
*

Та выйшла маты з хаты.
Не становысь, матинко, край порога;
Стань, матинко, край двирця:
Иде твоя дочка од винця.

(Лубн.)

* *
*

Ой де-ж вы бувалы?
Ой що-ж вы чувалы?
Да булы-ж мы у Бога
Да у Духа святого,
Да выдалы два винци,
Два винци на столци,
А третій на головонци,
На русій косонци.

(Черниг0в.)

* *
*

Ох у нас бояре,
Як мак зацвитае!
Щиплите роженьку,
Да стелить дороженьку

Од сельця до сельця,
Куды йшлы од винця.

(Черниг.)

* * *

У горóди вышенька, за горóдом дви,
Зацвилы воны разом обыдви;
На их цвиточкы утрое —
Хорошіи молодята обое!

(Звенигород.)

* * *

Молодій на посади у недилю.

Повстають у недилю, до церквы пидуть: зыйдуться дружкы до молодои, уберуть іи и йдуть до церквы. А молодый пиде, боярив поклыче вранци, да й пиде до церквы з боярамы Писля церквы, молодый бере своих боярив снидать, а молода дружок. Поснидають, бояре и дружкы йдуть до дому, а в молодого музыкы грають,—дак посходыться челядь до молодого й танцюють. Молодый у себе кланяеться, просыть свитылок, свашок просыть, щоб йшлы; нарижуть бумагы, да бумагою, барвинком, або лентамы и позначать свитылкы, и свашкы, и музыкы, и возныку, и старосту, и дружкив, и усих. Тым до шапок, а дивчатам до стричок, а жинкам до платкив з правого боку. Як посидають значыть,—дак старша дружка од молодои прыйде и у молодого набере на свадьби дружок (сых не значять; то молодый значыть тилько свій рид), и поведе до молодои. Як прыведе дружок до весильного-дому молодои, стануть,—и вынесе маты ослин з хаты, и лижныком застеле; и сяде батько, там маты и брат,—шапку з себе скыне и шапкою молодую надавыть,—поклоняе іи. Батько: хлиб из силью держыть та на голову ій покладае; поклоныться вона трычы, там батько прыказуе ій: «Дарую тоби, дочко, щастям и здоровйом, и вик довгый и розум добрый,—щоб якый сей хлиб чесный та велычный, щоб таки и вы булы.» Там до матери тож покло-

няють, и те саме говорыть и маты. Тепер уже в хату йдуть. Брат бере молоду за руку и кругом столу трычи обведе та й сяде вже молода. За молодою и дружкы идуть в хату и спивають: Сад саджу, прысаджаю, виноградячко . . . . (Лубн). *Примѣч. пѣвицы.*

*

Похылее та дерево та ялына,
Покирнее та дытятко та Марьечка:
Щаслывои годыночкы родылась—
Ридненькому отцю, неньци поклонылась.

(Гадяч.)

* *
*

Благословылась Марусенька
Да у свого татка на посадоньку систы.
— З Богомъ, донечко, з Богом, да й Бог тоби на помоч,
Бог тоби на помоч, а янголы на радость.—
Просылася Марусенька у свого Юрася из застилья:
„Пусты, пусты, Юрасенько, из застилья
Да погляжу [1] я по надвирью.»
— А в недиленьку да святый день:
Було глядить да увесь день!—
А в недиленьку вранци да бояре збурмалы,
Да бояре збурмалы, да на море стрилялы—
На билую да лебедочку.
А обозвався молодый Юрасенько:
Не есть бо то да лебедочка,
То-ж моя да Марусенька,
Що в недиленьку прыбиралася,
Да зо мною винчалася,—
Мини-ж вона и осталася.

(1) похожу.

(Черниг.)

* *
*

Выноградe-выноградочку,
Прошу-ж тебе не порадочку!
Прошу-ж тебе, не зыходь рано,
Прошу-ж тебе, не цвиты красно,
Прошу-ж тебе, на зроды рясно.
Вы, гроночкы, пе гронитеся,
Вы з нелюбом не любитеся!
Выноградe-выноградочку,
Прошу тебе на порадочку!
Прошу-ж тебе, изыходь рано,
Прошу-ж тебе, зацвиты красно,
Прошу-ж тебе, изроды рясно.
Вы, гроночкы, погронитеся,
Вы, диточкы, полюбитеся!

(Золотонош.)

* * *

Кгли мого двора шовкова трава,
Золотом воcоджена!
По тій травыци, по тій шовковій,
Маруся з подружкамы;
Поперед ій матинка ій
З повнымы кубочкамы.
Доненько моя! ридная моя!
Просы, донечко, своих подружок!
Не буду просыть, розгниваюся
Я на тебе, моя матинко, моя ридная:
Шыла кошульку з тонкого рубку,
Та й я-ж ій не зносыла;
Тилько носыла, красовалася,
Що я в еи звинчалася.

Прыйшовшы до-дому, кошульку до-долу,—
На тоби, моя матохно!„

(Шклов.)

* *
*

Сад саджу, прысаджаю, виноградячко.
Що в нашого пана свата.
Що в нашои пани свахы
За билым столом.

(Луби.)

* *
*

Марусю! та просы у Бога щастя!
Бо вже твій Юрочко з-за горы выижджае,
Из-за горы выижджае, сыви кони поганяе!
Маруся виры, не йняла,
Слизкы не вроныла.

(Луби.)

* *
*

Ой пидленув соколонько пид зеленый садъ,
Та вдарывся крылечкамы об зеленый сад:
Чы тут моя та галочка, чы немае,
Чы з иншымы соколамы та литае?
Озоветься та галочка у садочку,
Прыхылывшы головоньку ик лысточку:
Ой помалу, соколоньку, та не щебечы,
Коло мене та галочок та не обжены.
Ой прыйхав Юрко над тестив двир,
Да вдарывся кинь копытом об новый пориг:
Чы тут моя, Марусенька, чы немае,
Чы з иншымы молодцямы та гуляе?

Обозветься та Марьечка у свитлыци,
Прыхылывшы головоньку ик скамныци:
Ой помалу, Юрасенько, та не гомоны,
Коло мене та дружечок та не обжены.

(Гадяч.)

* * *

Ой ты, галочко, перемовочко!
Перемовыла сокола
З темного лугу в вышнев сад!
— Ой не я-ж його перемовыла,
Вин сам за мною залетив;
За моим тыхым польотом,
За моим сызым пирьячком.
Ой ты, Марьечко, перемовочко!
Перемовыла Юрася,
З чужого села в свое!
Ой не я-ж кого перемовыла,
Вин сам за мною заихав,
За моим тыхым походом,
За моим нызькым поклоном.

(Гадяч.)

* * *

Як молодый иде до молодои у недилю.

У синечках голубець гуде,
А в свитлоньку голосок идé, —
Де Юрко наряжается,
Все батенька та пытается:
Порадь мене, та мій батеньку,
Скилько мини та бояр браты?

— Беры, сынку, всю родыноньку,
И блызькую, и далекую,
И вбогую, и багатую!
Багатую за-для славонькы,
Убогую для порадонькы, —
З багатою мед-горилку пыты,
А вбогою порядкы чыныты.

(Гадяч.)

* * *

Та пойхав Юрко женыться,
Та забув батеньку вклоныться:
Стійте, бояре, вернуся —
Я своймy батеньку вклонюся!
Да покуль батеньку я въеднав,
Я свою шапочку зтер та змяв.
Та пойхав Юрко женыться,
Та забув матуси вклониться.
Стійте, бояре, вернуся —
Я своій матуси вклонюся! . . .

(Тож спивають сестри и брату).

(Шклов.)

* * *

Соколонько та на вылети,
Козаченько та на выизди;
Соколонько та по галочку,
Козаченько та по дивчыну;
Соколонько по чубатую,
Козаченько по багатую;

Соколонько по сызокрылу,
Козаченько по чорнобрыву!

(Гадяч.)

* * *

Як саме маты хусткою выводыть из двору молодого:

Маты Юрася родыла—
Мисяцем обгородыла,
Сонечком пидперезала:
До мылои выряжала.

(Лубн.)

*

Йидь, мій сыночку, не стій,
В тебе коныченько не свій!
Ниченька темненькая,
Дороженька далекая!
Ижшов мисяць и зоря,
Выйижджае Юрко з подвирья.
А выризав тры ризкы з беризкы,
А ударыв коныченька та по-пид нижкы:
Бижы коню, да не спотыкайся,
До моеи тещенькы простои,
До моеи тещенькы гордои,
До моеи Маруси молодои.
Маты Юрася родыла,
Мисяцем обгородыла,
Зорою пидперезала,
До тещи одпроважала.

(Васильков.)

* * *

А в кого кони, сидлайте,
А в кого сыны, выряжайте!

Ой пойдемо в чужыну.
У чужую сторону;
Ой там чужая сторона,
Щоб нам не дойдты сорома.
Ой не бійся, Юрко, там не чужа сторона,
А в нас родына все своя.

(Радомысль.)

* * *

Да не куй, Юрку, золотого ножыка,
Пидкуй, Юрку, вороного коныка!
Да будемо йихать бором зеленым,
Бором зеленым, мостом камьяным:
Бор буде шумиты, а камень звениты . . .
Да зачують люды, нам слава буде;
Та зачуе Марусенька, нам рада буде!

(Чернигов.)

* * *

Ой лугом, лугом вода йде,
А по-пид лугом стежечка —
Туды-ж молода Маруся ходыла,
И из луговою водою говорыла:
„Ой водо, водо луговая!
Як була я у батенька молодая, —
То я тебе видеречком набырала,
Та все свое биле лычко вымывала,
Шытым, билым рушнычком вытырала;
Шытый билый рушнычок покаляла,
Такы я того Юрася сподобала.„

Лугом, лугом вода йде,
По-пид лугом стежечка.

Ой туды йихав староста —
Из далека коныченька зупыняе,
Из-пид бока шабеленьку вытягае,
Та на тую калыноньку замиряе.
Стала тая калынонька к йому промовляты:
„Ой стій, старосто, не рубай!
Не для тебе ся калынонька сажена, —
За-для тебе сванечка зряжена.

Лугом, лугом вода йде,
По-пид лугом стежечка.
Туда йихав молодый Юрасенько,
Из-далека коныченька зупыняе,
Из-пид бока шабеленьку вытягае,
Та на тую калыноньку замиряе
Стала к йому калынонька промовляты:
„Ой стій, Юрасю, не рубай!
Не для тебе ся калынонька сажена, —
За-для тебе Марусенька зряжена!„

(Хорол.)

*

3 Туда йихав та староста старенькый,
А пид ным коныченько вороненькый —
С-пид тыхого [1] коныченька поганяе,
А с-пид бока шабелечку вынимае
Та на тую калыноньку замиряе;
Став на тую калыноньку замиряты,
Стала к йому калынонька промовляты:
Не для тебе ся калына посаджена, —
Не для тебе ся сванечка [2] изряджена.

---

(1) Стыхенька. (2) Молода-б-то. *Примѣч. пѣвицы.*

Туда йихав та Юрко молоденький,
А пид ным же коныченько вороненький;
С-пид тыхого [1] коныченька погоняе,
А с-пид бока щабелечку вынимае,
Та на тую калыноньку замиряе.
Став на тую калыноньку замиряты,
Стала к йому калынонька промовляты:
За-кгля тебе ся калына посаджена,
За-кгля тебе да Маруся изряджена.

(Лубн.)

* * *

На лумельскому помирку, [2]
Стояла береза в барвинку.
Тудою йихав Юрасько,
Выломав з березкы тры розкы,
Сикнув коныченька пид ножкы:
Бижы, бижы, коныченьку, в тестя двир,
А до моеи Марусенькы по-за стил;
Пустымо стрилу перлову,
Выбьемо стину камьяну,
Визьмемо Марусеньку молоду!
Я-ж свою Марусеньку познаю,
Я-ж ій косоньку розмаю,
Я-ж ій слизонькы розольлю,
Я-ж іи с собою посаджу.

(Овруч.)

* * *

Сама зоря до мисяця:
Рано, рано, ранесенько!
Мисяченьку, мій братику,

(1) Стыхенька. (2) Огородѣ; Лумля — деревня, откуда пѣвица. Прим. Изд.

Не зиходь же ты наперед мене;
Рано, рано, ранесенько!
Та зійдемо обое разом,
З Освитымо небо и землю;
Рано, рано, ранесенько!
Як острахнеться звирь у поли,
Та зрадуеться гость у дорози:
Рано, рано, ранесенько.

Слала Маруся до Юрочка:
Рано, рано, ранесенько!
Мій Юрасеньку, мій друже вирный!
Не сидай же ты наперед мене:
Рано, рано, ранесенько!
Та сядемо й обое разом,
Та звеселымо отця й неньку,
Усю родыноньку!
Рано, рано ранесенько!

(Остер.)

*

З Освитымо звиря в поли,
Щуку-рыбу в мори,
Чумака у дорози.

(Гадяч.)

* * *

Не мисяць свитыть, не зора,
Выижжае парубок из двора.
Чы чуете, вороныи кони, да на ногы,
Що перебиглы чотыри мыли дорогы,
А пьятую да зализнымы мостамы,
Щоб дивочку в свого батенька засталы.

(Остер.)

* * *

Ой на зятя та метиль мете,
На сванечок дрибенъ дощ иде:
Крыйся, зятю, та куныцямы,
Куныцямы та лысыцямы,
Братикамы та сестрыцямы!

(Лубн.)

* *
*

Що у гордого тестя
Стій, зятю, за воротамы!
Що на зятя та метиль мете,
Дрибен дощык идé.
Крыйся, зятеньку, крыйся,
Да кунамы та бобрамы,
Чорненькымы та соболямы.
Ой де-ж мини соболив набраты,
Свое військо та покрываты?
Та пустить нас до хаты!

(Конотоп.)

*

Пусты, свате, в хату:
Мы-ж тоби не докучымо,
Сюю ничку заночуемо,
И бочечкы попорожнымо,
И дивочку соби возьмемо.

(Черниг.)

* *
*

Не гнивайся, тестю!
Не у-мнози зять йде,
Не багато бояр везе:
Да сто коней верховых,

А симдесят возовых,
И чотыри сванечкы,
Ридныи сестрычкы.
Сестрыци вы порадныци,
Порадьте-ж вы мене:
Чым тестя да даруваты?
Да даруй, братко, дары,
Соби дивочку беры!

(Остер.)

* * *

Дары йдуть, дары йдуть
Од Юрася молоденького,
Од його ненькы да старенькои,
Дары йдуть!

(Радомысль.)

* * *

Нашіи чоботы, нашіи чоботы
Шевськои роботы;
З Кыева прывезены,
Шовком помережены.

(Радомысль.)

*

Молодый дружыну сбирае да й идуть по молоду. И свитылка буде коло молодого в стричках убрана, и свичка в еи в руках, обвыняна хусткою, и коло свичкы хрест держыть деревъяный и хлиба, зризанного з цилушкы, цила бухынка, а дали туды, на Полисьея,—свитылка держыть хрест, выризанный из хлиба, прыидуть пид двир молодои, а коло ворит стоять старыкы яки два, чы чотыри з палыцямы, и буде мыж нымы ныначе война: кіямы махають, да не пускають тых. Сват, що

з яым (одын з двох старост його) дае кварту горилкы и верчя (невелычка булочка, да шышечка посередыни), да й идуть у двир. (Радомысль.)

Примѣч. пѣвицы.

Поизд п ыижджа до ворит, а сваты (парубкы, що на свадьби молодои) не пускають; то боярын визьме горилкы пляшку дасть им через ворота,—а воны выпьють на воротях нахылкы и пидкынуть пляшку в гору. Повъижджають в двир, кони поставляють и стануть вси так у ряд и спивають свитылкы: *Пусты, свате, в хату* . . . (Лубн.)

Примѣч. пѣвицы.

Як вже впустять в двир поизд молодого, а там и в хати зайде весильля.

*

Ой на хати зильля,
А в хати весильля;
На двори бояре,
Як мак процвитае.

(Гадяч.)

* *
*

Пусты, свате, в хату,
Тут нам не стояты,
Травыци не топтаты
Чорвонымы чобиткамы,
Золотымы пидкивкамы.

(Лубн.)

* *
*

Дружкы з хаты на одвит:

Просым, бояре, до хаты,
Годи травыци топтаты

Червонымы чобиткамы,
Золотымы пидкивкамы.

(Лубн.)

* * *

Як дружко и пиддружжже увійдуть у хату:

Чы вы, бояре, коней позычалы,
Чы вы, бояре, жупанив добувалы,
Що нерано до нас найхалы? —
„Наши коныкы по станях стоялы,
Наши жупаны у скрынях лежалы, —
А в нашего Юрася да ласкавая ненька:
Наповала нас солодкымы медамы,
Годувала пшенышнымы калачамы,
Да просыла прозьбою и грозьбою,
Щоб мы не довго гостылы,
Не в порожни попрыиздылы, —
Щоб мы прывезлы скрыню й перыну
И Марьечку княгыню.

(Золотонош.)

* * *

Ой ты, душенько, наша Марійко!
З-пид похылои вышни
Два друженькы выйшлы;
Не вмилы говорыты,
Ни шапочкы зняты,
Ни рученькы даты:
Шапочкы прышыти,
Рученькы прыбыти!
Дай же им сыру йисты,
Щоб умилы у нас систы;

Дай же им пыва пыты,
Щоб умилы говорыты!

(Гадяч.)

* * *

Як дають дружкам йисты:

Крамаре, крамарочку,
Прочыны комирочку:
Сып перець на паперець.
Нам перець тепер треба —
Пересыпать печеню
Дружбонькам на вечерю.

(Овруч.)

* * *

Край, дружку,
Козыную нижку
Да по чорному кружку.

(Овруч.)

* * *

Йилы дружкы, йилы,
Цилого барана зйилы!
На столи а ни кришечкы,
Пид столом а ни кисточкы.

(Овруч.)

* * *

Як мыють рукы:

Мылы дружкы ручкы,
Поглядалы на колочкы:

Чы не высять рушнычкы
Нам потерты ручкы?

(Овруч.)

* * *

Потруть рукы рушныкамы та й поперевишують через плечи и впьять выходять дружко и подружъе з хаты до своих. А маты вынесе решето хусток и рушныкив; на тарилку положыть рушнык, й дадуть дружкови, пиддружому и старостам. Свитылкам хусткы шыти й свашкам; боярам перетыкани заполоччю та голубцею. Музыкам подають хусткы. «А що вы, сваты, доволни?» — Ни, ще недоволни! — Тепер уже выне-суть молодому хустку червону и горщя хмелю; возьмуть хмиль там у ногах высыплють з горщяты йому, молодому; старшый боярын перекыне горщя через хату; хустку перегорнуть и втруть молодого, трычи по-пид рукамы обведуть и перевьяжуть праву руку. Тут же зараз йдуть и дары брату молодои *на кони.* (Лубн.) *Примѣч. пѣвицы.*

Як дають рушныкы.

Оце тоби, дружку,
За твою послужку
Тоби рушнык дано.
Що в Кыеви ткано.
З Кыева прывезено,
Шовком помережено.

(Овруч.)

* * *

Не дывуйтеся маршалкы [1].
Що коротеньки подаркы:
Ненька старенька, а сестра маленька,
А я, молодая, гуляты раденька.

(1) Бояре.

(Радомысль.)

* * *

Стришкы, оришкы котяться;
Чогось наши бояре смутяться,—
Що коротки подарочкы . . .
Конопелькы не вродылы,
Подарочкы вкорот.лы!

(Гадяч.)

* *
*

Та спасыби, моя ненько,
Що будыла мене раненько,
Та я слухала, вставала,
Старости рушнычок напряла.

(Хорол.)

* *
*

Як молодый стоить пид дверыма и просыть впустыть у хату:

———

Пышна сваха, пышна,
Протыв зятя не выйшла:
Чы сорочкы немае,
Чы чобит добувае, —
Чы в постолы озуваеться,—
На зятьовы сподиваеться?

(Овруч.)

* *

Як маты ляка зятя:

Вубралась теща у вовчынкы
Для зятньои прычынкы;
Да хотила зятя злякаты—
Не хотила дочкы оддаты.

Да зять того не боиться,
Блызько кгля дочкы сядовыться.

(Чернигов.)

* * *

Як маты обсыпае молодого:

Ой сып, матинко, овесець,
Щоб наш овесець рясен був,
Щоб наш Юрасько красен був!
Ой сып, матинко, пшенычку,
Щоб наша пшенычка рясна була,
Щоб наша Маруся красна була!

(Хорол.)

* * *

Ой сыру-ж, мій, сыру,
Да билій же ты снигу;
Ой зятю-ж мій, зятю,
Да мылій же ты сыну [1].
Я-ж тебе змовляла,
Да вироньку не ймала;
Тепер вироньку йму,
Що за зятенька прыйму.

(1) Сына.

(Чернигов.)

* * *

Як ввійде у хату молодый:

Шовкова трава по полю полягла,
Молода Маруся до столу прылягла.
Ой устань, Марусю, клыче тебе батенько!
Не встану, не гляну й не прывитаю!

Есть у мене служечка,
Старшая дружечка —
Вона встане й гляне, й прывитае.
Ой устань, Марусю, клыче тебе матинка!
Не встану, не гляну й не прывитаю,
Есть у мене служечка,
Старшая дружечка—
Вона встане, й гляне, й прывитае.
Ой устань Марусю, клыче тебе Юрасьо!
— Ой устану и гляну, и прывитаю,
И Юрася на здоровья спытаю!

(Лубн.)

* * *

Ой имла, имла
По полю лягла;
Молода Маруся
К столу прылягла.

(Гадяч.)

*

Ой имла, имла
Да по полю лягла,
А нашая молодая
К скамьи прылягла.
Ой устань, Марусю, не лежы,
Он батько идé, гостынци несе
Я не встану, не прывитаю,
Гостынци не прынимаю.
Ой устань, Марусю, не лежы,
Он Юрасько идé и гостынци несе.
Ой я встану и прывитаю
И гостынци прынимаю.

(Чернигов.)

* * *

Котыться хмиль из-миж горóда,
Та пидкотывся пид ворота.
Стелысь, стелысь, хмиленьку, по тыну!
Грайте музыкы по двору!
Сыпте золото по столу!
— Мы вашого золота не беремо!
И своеи дивочкы не дамо!

(Луби.)

***

Як зкупають шурына з покутя, щоб молодому систы коло молодои:

Не стiй, зятю, за плечыма,
Не свиты очыма:
Треба, зятю, треба зятю.
Сим день молотыты,
Щоб шурына, щоб шурына
З покутя зкупыты.

(Радомисль.)

***

Як с покутя шурына зкупылы:

Не у правди братко кохався,
Що за сестрыцю змагався, —
Да побачыв чарку на тарилци,
Пропыв сестрыцю на горилци.
От тепер я козак,
Що на мыни червоный ковпак!
Не смiете, не вмiете
Ко мни прыступыть.

Зо мною говорыть,
Мед, горилочку пыть!

(Черниг.)

* * *

Татарын, братко, татарын!
Продав сестрыцю за тарель,[1]
Русу косу за шостак,—
А билее лыченько пишло так!

(1) Талир.

(Черниг.)

* * *

Заводять молодого за стил:

Ой вывся рій, вывся,
Да хотив полетиты
На Юрасеву сосну;
А Юрасева сосна
Тонкая да высокая,
Тонкая да кудрявая,
На пчолы прыдалая!

(Овруч.)

* * *

Як за столом сыдять:

Бояре шляхетськыи,
Вы, сыны отецькыи!
Меж вамы женышыще,
Як горилее дныще!
Боярам свыни пасты,
Молодому заганяты,—
Що не вміе цилуваты!

(Овруч.)

* * *

Як скыне шапку и цилуе молоду:

У саду соловейко защебетав,
Юрко Марусю поциловав!

(Овруч.)

* * *

Дружкы спивають:

Сванечкы, наши голубочкы,
Заспивайте нам писенькы —
Весильнои, прыизжои!

Сванечкы:

Дружечкы, наши голубочкы!
Не вміемо, не сміемо . . .
Се чужа сторона,
Доведе сорома.
Пишкы ишлы,
Шышкы неслы:
Пидбылыся, потомылыся;
Улыци тисни, погубылы писни —
Просымо вас!

(Лубн.)

* * *

Дружкы:

Сванечкы наши, голубочкы!
Заспивайте нам прежнюю хорошую писеньку!

Сванечкы:

Дружечкы, дружечкы, наши голубочкы!
Не сокил перенис по дубнычкам, по березнычкам:

Потомылыся, писенькы поспивалы —
Спивайте вы самы, то й мы будем з вамы!

(Гадяч.)

* * *

Як прышывають молодому квитку до шапкы, а дали вин ii выкупае, и танцюють весильни гости.

Я з Кыева швачка;
Я з Кыева Кыяночка,
А з города городяночка,
Я по торгу ходыла,
За копу шовку купыла,
За таляра голку—
Прышыты зятеви квиточку
Ик билому лычку.

(Луби.)

* * *

Я шваля з Вильбова,
Прыихала до свого двора—
Квиток прышываты
Да по таляру даваты.
А в мене ручкы биленьки,
А в мене голкы тоненьки:
Не шкода мыни даты,
Квиток прышываты!

Сю спивають и на заручынах, де есть обычай прышывать до шапкы молодого и в той час квитку. *Примѣч пѣвицы.*

(Радомысл.)

* * *

Ой дай, маты, йголку
И ныточку шовку—

Прышыты квиточку
К зеленому барвиночку,
Червоній кытайци,
К Юрасевій шапци.

(Остер.)

* * *

Як схопыть сестра молодои шапку молодого на себе и не оддае йому:

Ой глянь, зятеньку, на мене,
Меншая свистонька од тебе!
Чы не сором тоби, зятеньку,
Що в поле йдеш без шлычка,
А в тестя стоиш без лучка,
Без сестрыного виночка?

(Хорол)

*

Чы тоби, зятеньку, не сором,
Що ты идеш полем без лучка,
Сидаеш за столом без шлычка,
Без сестрыного виночка?
Зять на те не погляне,
Що свисть винок каляе—
Об стелю, об стелыночку,
Об билую паперыночку.
Глянь, зятеньку, на мене:
Кращая свистонька одъ тебе,
В зятьиому шлычку,
В сестрыному виночку.
Маните, не маните,

Шлычка не выманете, —
Шостака не кладите!
Як купкою брязнеш—
Тоди шлычок возьмеш.
Не боюся, зятю, отамана—
Клады, зятю, пив-таляра;
Не боюсь я усих намиснычкив—
Клады, зятю, пидкиснычкы!
Не боюсь я усих людей—
Клады, зятю, симсот рублей.

(Гадяч.)

* * *

Скаче, свистонька, скаче,
Чого-сь вона хоче—
Срибного золотого
Од зятя молодого!

(Гадяч.)

* * *

Як мало грошей.

Ой казалы люды—зять багатый,
Ой казалы люды грошей мих . . .
Кладе копійку як на смих!

(Хорол.)

* * *

Линыви, бояре, линыви,
Сим день молотылы—
Шостака заробылы,
Шлычок выкупылы!

(Гадяч.)

* * *

Ой на хати зильля,
А в хати весильля;
На двори бояре,
Як мак процвитае.
Ой на порози панычи стоять,
А за столом панночки сыдять.
Просымо до столу,
У свою господоньку.
Посаджаем на ослононьку
Та будемо шановаты,
Щоб повелы танцьоваты—
Боярив оглядаты:
Чы не крыви, чы на горбати,
Чы вміють танцьоваты?

(Лубн.)

* * *

Любо-мыло дывытыся,
Де бояре танцьовалы:
Наробылы хмарно жупанками,
Испустылы дощык стрилочкамы,
Наробылы ясно шабелькамы.
Любо-мыло дывытыся,
Де дивочкы танцьовалы:
Наробылы хмарно юпочкамы,
Испустылы дощык кисонькамы,
Наробылы ясно перстенькамы.

(Острогожск.)

* * *

Як старша дружка частуе молоду:

Маруся трискы брала,
Гусята заганяла:

Гиля́, гиля́, сыв селезень,
Который на вечерю!
Который сызокрылый, —
Юрась чорнобрывый!

(Овруч.)

* * *

Як матир частують:

Матинко, повная роже,
Дывытыся на тебе гоже!
Прошу тебе на почасточку,
На цюю чарочку:
Чарочка повне́сенька,
Горилочка солодесенька.

(Овруч.)

* * *

Як сваху частують:

Сванечко, пышная пани,
Поговорым — ты з намы!
Прошу тебе на почасточку
На цюю чарочку.
Чарочка повнесенька,
Горилочка солодесенька;
Не знаю, як тебе зваты —
Мушу тебе частоваты.

(Овруч.)

* * *

Як сваха не хоче брать:

Не кпыся, сванечко, не кпыся,
Возьмы чарочку, напыйся —

У нас горилка не вода,
Частуе дружечка молода.

(Овруч.)

* * *

Бояр частують:

Боярыну, красный панычу,
Доброго здоровья жычу!
Прошу тебе на почасточку
На цюю чарочку;
Чарочка повнесенька,
Горилочка солодесенька.

(Овруч.)

* * *

Свитылку:

Свитылочко, повная роже,
Дывытыся на тебе гоже —
Прошу тебе на почасточку
На цюю чарочку, —
Чарочка повнесенька,
Горилочка сододесенька.

(Овруч.)

* * *

Як коровай дилють:

Благословы, Боже,
Пречыстая — згоже
Коровай подилыты,
Сей дом звеселыты!

(Овруч.)

* * *

Тогди вже старшый дружко крае коровай и дилыты буде зараз; пориже на шматочкы, визьме на тарилку чарку горилкы и кусок короваю, и клыче: «гей, чы є, чы нема» (нехай там буде) «Наталка, Марусына маты? як нема, то на запорозцив оддам!» та обзывается, що есть вона и пидходыть; дае ій коровай и каже: «просыть сват и сваха, князь и княгынька на цей дар и на горилку», а вона подякуе гарненько: — дай им, Боже, и счастя и здоровье и вик довгый и розум добрый, — и дарую,» каже, «им телычку,» або що небудь даруе им. Дружко ій скаже: «спасыби» и пидходыть до стола: «Даровала Марусына маты телыцю и жычыть молодым счастя, здоровья, и вик довгый и розум добрый;» а там вже йде до батька, свата и свахы, и всих, хоть и чужых, так выклыкае.

(Овруч.) *Примѣч. пѣвицы.*

Дружко коровай крае,
Семеро дитей мае,
Та вси з кошелямы,
Увесь коровай забралы.

(Хорол.)

* * *

Чы бачыш ты, дружко,
Що бояре коровай крадуть
То в мих, то в кишеню,
Батькови на вечерю, —
То в мих, то в рукавыци,
Дивчатам на вечерныци.

(Золотонош.)

* * *

Десь у тебе, Марусе,
Камьяне сердечко —
Вечор сыдыш, не заплачеш,
Матинкы не розжалыш!

Нащо маю плакаты,
Свое лыченько тыряты?
Мое лыченько як яблучко,
Сама я як ягодка.

(Овруч.)

* *
*

А де теи дивчыны маты,
Що велила стричкы зняты —
Из такои молоденькои,
Як ягоды, червоненькои.

(Овруч.)

* *
*

Як косу росплитають:

Кувала зозуля в садочку,
Прыклавшы головку к лысточку;
Плакала Маруся у свитлыци,
Прыклавшы головку ик скамныци:
Хто-ж мою русу косу росплете?
Хто-ж мои упльоты побере?
Росплете русу косу братичок,
А сестрыця упльоты побере.

(Шклов.)

* *
*

Ой брат сестру за стил веде та й пытае:
Сестра моя! коса твоя — краса моя!

(Черниг.)

* *
*

Ой брат сестрыцю та росплитае,
Все рожу помынае:

Та не йды, сестрыце, молода за-миж!
Вже рожа процвитае,
А хрещатенький та барвиночок
Устылае садочок,
А запашненький та васыльочок
Из тыном ривняеться.

(Васильков.)

* * *

Ой брат сестрыцю росплитав;
Де-ж тыи упльоты подивав?
Да на мисто пишов — не продав,
Меншій сестрыци отдав:
От тоби, сестрыце, сестрыцын упльот,
Да суды Боже й тоби так.

(Остер.)

* * *

Брат косу росплита;
Де вин та выплиткы подива?
Понис на торжок — не продав,
Меншій сестрыци дурно дав.
„Оце-ж тоби, сестрыце, за тое:
Не плеты кисонькы у-трое!
Заплеты кисоньку в дрибушкы,
Вже-ж тоби не ходыть у дружкы!„
— Ой косо, косо кохана!
Сим лит я тебе кохала,
Що суботонькы чесала,
Що недиленькы вбирала,
За 'дын вечер я тебе збросала.

(Хорол.)

*

Ой на гори жыто,
А в долыни просо;
Ой жаль мени тебе,
Моя русявая косо!
Ой просо, просо — волотьтя,
Ой косо, косо — золотьтя!
Да не рик я тебе кохала,
Що суботонькы чесала,
Що недиленькы вмывала, —
За одын ранок зтыряла!
Ой седилы лебеди на води,
Та й полетилы на рикы —
Роспустылы русу косу на викы.
От тоби, Маруню, за тое:
Не плеты кисоньку у-трое;
Завтра заплеты кисоньку в дрибушкы,
Та вже-ж тоби не ходыты в дружкы!

(Васильков.)

* * *

Росплитала дядына,
Да не жалослывая,
А сестрыця прынялася,
Так слизкамы облылася!

(Остер.)

* * *

Я завывають у памятку:

Догадайся, Марусю,
Чого маты у комору пишла:
Чы по рутвяный винок,
Чы по биле завывайлечко?

Билее та биленькее,
До папиру ривненькее,
Що з билого цвиту
Та по всьому свиту.

(Радомысль.)

* * *

Ой де пишла, де подилася
Да Марусына маты ?
Да нехай идé из-пид пысу,
Да нехай несе мальовану мысу
И билее завывалечко.
Ой билее та биленькее,
Як дым да тоненькее,
Ой билее да завывайло.
Да вичнее покрывайло.

(Золотонош.)

*

Ой ты душечко наша, Марусенько,
Ой глянь на пориг: дыво !
Несуть твое дило,
Я биль билесеньке,
Як папир тонесеньке;
Биле билуваньня,
Вичне покрываньня !

(Хорол.)

*

Поглянь, Марусю, на пориг;
То йде дружбонько, вориг твій,
Та несе коровай на вици,
Билее завывало на тарильци.
Як биль биленькее,
Як папир тоненькее;

Та ни витер його не звіе,
Ни сонце його не спале,
Ни дрибен дощык не змоче:
Молода Маруся износе!

(Острогожск.)

* * *

Бережыся, сестрыце, бережыся:
Он твій братець из виком идé,
И биле завиваньнє у вици несе.
Мени сее завываньнє да не на нич;
Мени сее завиваньнє на увесь вик,
Пійде славонька на увесь свит!

(Чернигов.)

* * *

Я-ж тебе, сестрыце, напынаю,
Щастьем, здоровьем надиляю:
Будь здорова, як вода,
А будь богата, як земля,
А прыгожа, як рожа [1].

([1]) То спивають дви свахы и пидносять намитку на голови, так, раз у раз. Беруть трошкы льону и завывають ій разом с косою, щоб бильше було косы; хоть и велыки косы, то завше треба той льон, и то называється зачиска-та *кичка*. По кичци накладають каптур, як у другых, серпанок, чи очипок. Тилько що накладуть молоду, то дружкы ій спивають: *Ой погано, Марусю, погано* ... (Овруч.) *Прим. пѣвицы.*

*

1 А я тебе, сестрыце, накрываю.
Щастьем, здоровьем надиляю:
Та будь здорова, як вода,

4 Прыгожа, як ягода,
А богата як земля.

(Радомысль.)

* * *

1 Мы-ж тебе, сестрыце, скрываем . . .

4 Богатая, як земля,
А погожа, як-бы рожа!

(Васильков.)

* * *

Ой погано, Марусю, погано!
Скынь чепець пид столець,
Латку поганку
Скынь пид лавку!
Рутвяненький виночок
Склады на головку!

(Овруч.)

* * *

Це-ж тоби, Марусю, не сподоба —
Не прыстав чепець до лоба [1].

(1) То княгыня схватуе хутенько з головы и кыне пид стил, до трьох раз; которых же батько, чы маты, мають пчолы, то просять ии щоб вона не скыдала. *Примѣч. пѣвицы.*

(Овруч.)

* * *

Захимлылы химлушечку,
Як у поли грушечку;
Свому, тому химлушечка,
А Юрасю, як душечка.

(Овруч.)

* * *

Тепер нарядылы,
Як самы схотилы:
З кныша паляныцю,
З дивкы молодыцю.

(Овруч.)

* * *

Колы-б мы схотилы,
Мы-б ій розвертилы,
Повелы-б у лискы,
Заплелы-б у кискы.

(Радомысль.)

*

Колы-б мы схотилы,
Мы-б ій розвертилы,
Повелы у садочок,
Извылы виночок,
Дивкою нарядылы,
Из собою посадылы,
Да склалысь по грошу,
Купылы стричку хорошу.

(Овруч.)

* * *

Як вильце зрывають:

И де-ж наше ёлечко,
Що в пьятныцю вылы,
В суботоньку да повывалы,
В недиленьку да потерялы!

(Чернигов.)

* * *

Тилькы що молодій стричкы познимають, да будуть намитку напынать, до зараз дружкы и буяре ухватять вильце и порвуть; тилько кажуть: «Уже тобѣ вильця не треба!» (Овруч.) *Примѣч. пѣвицы.*

Молодыци спивають:

Перед порогом могыла,
А в тій могыли калына,
Спустылы гилечку додолу—
Час вам дивочкы додому!

Дружкы:

Ище не час, не пора,
Ще зирочка вечирня не зійшла.

(Хорол.)

* * *

Неметена улычка, не метена.
Ще старша дружечка не ведена [1].
Треба улычку проместы,
Треба дружечку провесты.

(1) Относится къ обычаю проводить старшую дружку къ ея дому.

* * *

По одходи дружок, свахы спивають:

Зажурылась перепелочка:
Бидна моя та головочка!
Що я рано из вырію вылетила—
Нигде мыни гнизда звыты,
Нигде мыни диток наплодыты,—

Що по горах снигы лежать,
По долынах воды бижать!
Озоветься соловеечко:
Не журыся, перепелочко!
Есть у мене тры сады зелени:
Що в первому та гниздо зовьем,
А в другому диток наведем,
А в третьому диток погодуем.

(Хорол.)

* * *

Боярам, як намисто дружок сидають коло молодых:

Здвыгнулыся сины,
Як бояре силы,—
А ще не так здвыгнуться,
Як пыва напьються.

(Лубн.)

* * *

Матери, як дружкы одійдуть.

Давай, маты, вечеряты:
По вечери, подилымося.
Ходим, маты, у комору.
Подилым добро з тобою:
Тоби, маты, ныты й бердечко,
Мини давай полотенечко;
Мини, маты, скрыни та перыны,
Тоби, маты, горох-горохвыны;
Тоби, маты, новыи дойныци,
Мини давай рябыи телыци;

Тоби, маты, новыи оборы,
Мини давай рябыи коровы;
Тоби, маты, порожніи бодни,
Мини давай тилько довезты!

(Овруч.)

* * *

Тоби, мамко, да навыйчыкы,
Мини мамко, да сувыйчыкы;
Тоби, маты, ныты й бердечко,
Мини, мамо, полотенечко;
Тоби, маты, та стина нима;
Мини, мамо, постиль била.

(Радомысль.)

* * *

Ой далы-ж нам дивку:
Дайте ще постильку, —
Зкрыню и перыну,
И в двир господыню.

(Радомысль.)

* * *

Як дуже бидна постиль:

Да чого ты, Марусе, без кубла?
Да чы ты кудельки не скубла,
Да чы тоби матинка не давала,
Да чы тебе охота не брала?

(Радомысль.)

* * *

Перед вечерею:

Синечкы мои яворови!
Будете не метени:
Ненька старенька, а сестра маленька.
Я пиду вид батенька.

(Гадяч.)

* *
*

Через гору гуска летила,
З перцем юшка кыпила;
Хоть з перцем, не з перцем.
Просымо з щырым серцем!

(Луби.)

* *
*

За вечерею молодым:

Де-ж був селезень,
Де-ж була утинка?
Селезень на ставу,
Утинка на плаву;
Тепер на одному
Воны сыдять плаву,
Вкупи на плавочку,
Та йидять рясочку;
Пьють воны водыцю
З одныи крыныци.
Де-ж був Юрасенько,
Де-ж була Марьечка?
Юрасько у батечка,
Маруся у матинкы.
Тепер у купоньци

У одній свитлоньци;
Йидять паляныци
З ярои пшеныци,
Пьють воны мед-выно
Из кубка одного.

(Черномор.)

* * *

Ты душечко наша, Марусе!
Забарныи гости забарылыся в хати;
А на двори коня взято,
За Дунай завдато —
За мед, за горилку,
За Марусю дивку.

(Лубн.)

* * *

Ой не находь, Лытва:
Буде з намы бытва;
Будем воюваты,
Марьечкы не даваты!

(Гадяч.)

*

Не наступай, Лытва;
Будем тебе быты!
Будем быты, войоваты,
Марусенькы не даваты!

(Лубн.)

* * *

Йилы бояре, йилы,
Цилого вола зьилы;

По столу качаючы,
У попел вмочаючы.
На столи ни кришечкы,
Пид столом ни кисточкы.
Наша капуста родыла,
Наша Маруся садыла,
Раненько вставала,
Частенько полывала,

(Черномор.)

* * *

Писля вечери:

Жаль мини, мій батеньку за тебе,
Остається мое зильлячко у тебе!
Уставай раненько,
Да полывай зильля частенько:
Раннимы и пизнимы рисонькамы,
Дрибнымы своимы слизонькамы.

(Гадяч.)

* * *

Як молодый выбирается до-дому, а там и молоду за ным повезуть.

Що в синечках голубець гуде,
А в свитлоньку голосок идé.
Ой то-ж бо то не голуб гудé,
То-ж тестенько з зятеньком говорыть:
Ой тестеньку, ты мій батеньку,
Не гай мене, выряжай мене!
Тепер ничка да темненькая,

Дороженька да далекая . . .
— Не бійсь, зятю, ничкы темненькои,
Дориженькы да далекои;
Я дам тоби проводныченька,
Вороного да коныченька,
И шабельку для охотонькы,
И дивчыну для розмовонькы:
Шабелькою коня погоняты,
З дивчыною будеш розмовляты!

(Конотоп.)

*

А в синечках голубець гуде,
А в свитлоньку голосок идé;
Мы-ж думалы—голубець гуде,
Аж Юрасько тестя просыть:
Тестеньку, мій батеньку!
Пусты мене да до-домоньку:
Тепер ничкы да темненькыи,
Дориженькы да непевныи:
Кони наши потомылыся,
По колина поодбывалыся! . .

(Черниговъ.)

* * *

Ой кони, кони-медведи!
Чы чуетеся на сылу?
Чы довезете княгыню—
Через тіи ричкы быстріи,
Через тіи горы крутіи,
Та в тіи коморы новіи?

(Гадяч.)

*

Ой кони наши сываши,
Чы булы вы на паши?
Чы чуетесь на сылу?
Чы довезете княгыню
Да на тую гироньку крутую,
Да у тую свитлоньку новую:
У тій свитлонци мед-выно пьють,
Там тебе, Марусю, давно ждуть.

(Золотонош.)

* *
*

На гори Юрасько ходыть,
Шаблею кійло косыть,
Та пид коныченька носыть,
Да коныченька просыть:
Йиж, коню, билее кійло,
Що-бы здужав та Дунай плысты,
Нашу Марусеньку везты!

(Радомысль.)

* *
*

Старшая дружечко,
Одчыны да оконечко,
Погляды да на сонечко:
Да колы же рано,
То ще й погуляймо:
Колы же пизно,
Розійдимося ризно!
Ище рано,
Ище погуляймо:
Ще зирочка од мисяця не одыйшла, —
Ще Марьечка од свого батенька не одыйшла.

(Остер.)

* *
*

Ой Юрасько у тестенька мед-выно пье,
Попереду соколонька до батенька шле:
Леты, леты, соколоньку, до батенька в двир!
Нехай дворы-частоколы повымитають.
Нехай кубкы срибра-злота наповняють,
Нехай свичи до пивночи не стухають —
Нехай мене з Марусею дожыдають!

(Золотоношск.)

* *
*

Ну́те, ну́те, бояре, до коней!
Не бійтеся темнои ночы,
Бог вам та до помочы,
А Пречыстая Маты
Буде вас зостричаты!
Марусенька догадалася
Да помостыла мосты
З калыновои трощы;
Да погатыла гаткы
То з руткы, то з мьяткы.
Юрко до-дому радыться,
А Маруся догадуеться;
Вывела и коня з стани,
И вынесла и сиделечко:
„Юрасю, мое сердечко!
Переночуй хоця ниченьку!„
— Ой Марусю, моя душечко,
Попытайся своеи матинкы:
Чы буде частуваты?
Як буде частуваты,
Дак будемо дви ночоваты;

Як не буде частоваты,
То пойдем о-пивночы.
Йилы кони гречку,
Як йхалы по дивочку;
Тепер йижте солому,
Бо пойдем до-дому!—

(Овруч.)

* * *

Чого, свитлонька та новесенька,
Чого стоиш темнесенька?
Чого, Маруся молодéсенька,
Чого сыдыш смутнéсенька?
Ой як же мини молодéсенькій,
Не сыдиты смутнéсенькій,
Що обсила мене чужа чужына,
Юрасева вся родыночка.
Що з правого боку усе зовыци—
Юрасевы все сестрыци,
А з ливои рукы все диверкы—
Юрасевы все братикы.

(Золотонош.)

* * *

Говорыла куна из куною,
Сидячы над водою:
А чы-ж добре тоби, моя куночко,
Сидячы над водою?
Поты добре, покы дожчив немае;
Дожчи пійдуть, бережечкы зальють,
И мене зженуть.
Говорыла сестра из сестрою,

Сидячы за скамною:
Да чы добре тоби, моя сестро,
Да сидячы за скамною?
Поты мини добре, покы бояр немае:
А бояре прыйдуть,
Мед-выно попьють
И мене з собою возьмуть!

(Золотонош.)

* * *

Сироти:

Да увійды, увійды, да чужый батенько,
У новую свитлоньку;
Да стань, да послухай,
Як сыритонька плаче.
Да сырота плаче, сылненько рыдае,
Що порядку немае;
Що вси тіи що напытыся,
А никому зажурытыся;
Що вси пыты да гуляты,
Да никому порадонькы даты.

(Золотонош.)

* * *

Як тоби, да тетирько,
По пожару да не килко?
Де пожар погорыть,
Крыльцямы пидлечу;
Де травыця полягла,
Нижкамы пидбижу.
Як тоби, да Марусю,
У чужого батенька?

Я свекорку угожу,
Билу постиль постелю;
А свекруси угожу,
В головоньку погляжу;
А диверку угожу,
Коныченька запряжу;
А зовыци угожу,
Русу косу заплету!

(Радомысль.)

* * *

Та клыновый лыстоньку,
Куды тебе витер несе?
Чы з горы да в долыну,
Чы в чужу украину?
Молодая та дивчынонько,
Куды тебе батько оддае?
Чы миж Туркы, чы миж Татары,
Чы в чужую землю,
Чы в велыку семью? . . .
Чужа земля пид кориньячком,
Чужа семья пид наривьячком.

(Конотоп.)

* * *

Да вже, ненько, нераненько . . .
Навчай мене, моя матинко,
Як свекорку годыты!
А свекоркови годы:
Билу постиль стелы;

Да годы, доненько, годы!
А свекруси годы:
Головочку гляды;
Да годы, доненько, годы!
А диверку годы:
Хустыночку перы;
Да годы, доненько, годы!
А зовыци годы:
Русу косу плеты;
Да годы, доненько, годы.
А Юркови годы:
Билесенько воды;
Да годы, доненько, годы!
Да не так старому,
Да не так малому,
Як Юрасю молодому!
Щоб у синечках видерце водыци повненьке,
А на колочку рушнык биленький.

(Золотонош.)

*

Та вже-ж, ненько, нераненько . . .
Чом мене не вчыш, ненько?
Навчы мене, моя матинко,
Як свекорку годыты.
„Годы, доненько, свекорку, як батеньку:
Раненько встань, на день-добрый дай,
В ниженькы уклонысь;
Держы, доненько, свитлоньку, як у виночку —
Рушнык на колочку,
Выдеречка все новеньки,
Водыци повненьки.„

(Остер.)

*

Да вже пизненько, нераненько . . .
Научай мене, мамко! —
Дытятко мое! ты не мале—
Будь само розумне!
Раненько встань,
Свекорку добрый-день дай;
Держы хаточку, так як у виночку,
Рушнычок на колочку;
Держы видерце що-день биленьке,
Да й водыцею повненьке.

(Черниг.)

* * *

Добре було, моя матинко,
Та горилочку пыты . . .
Якогось буде, якогось буде
Да без донечкы жыты!
Пидеш, матюнко, у поле
Та зеленого жыта жаты;
Та займеш шырокую постать:
Ни з кым жыта жаты! . .
Сядеш, маты, да полуднаты,
Ни з кым розмовляты . . .

(Радомысл.)

* * *

Чи я в тебе, пани-матко,
Не дытятко,
Що ты мене протыв ничкы
Выпроважаеш причкы?
Ой дай мини провиднычка
Ридного братичка;

Дай мини провидныцю,
Хоть ридну сестрыцю!
„От-се тоби, провидныця—
Ясный мисяць,
От-се тоби провидныця—
Ясная зорыця!„

(Золотонош.)

* * *

Ой запрягайте батьковы кони,
Ой щыри, вороні;
Батьковы кони смутненько иржуть,
Та з двора княгыню не везуть.
Ой запрягайте свекровы кони,
Сири, линывіи;
Свекровы кони веселенько иржуть,
Та з двора княгыню везуть.

(Острогожск.)

* * *

Да вже кони запряжены!
Чого сыдыш Марусенько?
Чом не дякуеш батеньку?
Да вже кони запряжены,
Пид ворота пидведены!
„Я велю коням оброк дать,
Возныченькам постоять.
Як прыйде мій батенько з саду,
З саду, з выноградy,
Так Марусенька з посаду:
Ой спасыби, мій батеньку.

За твое гулянейко!
Що я в тебе гуляла,
Важкого дила не знала;
Що в недилечкы та все дивочкы, —
Там же я молодая!„
Ой чого же сыдыш, Марусенько,
Чом не дякуеш мамонци?
Да вже кони запряжены,
У двир уведены.
„Велю коням оброк дать,
Возныченькам постоять, —
Закы маты прыйде з саду,
З саду, з выноградy,
До дочкы на пораду:
Спасыби тоби, моя мамочко,
За твое гуляньечко!
Що я в тебе гуляла,
Важкого дила не знала;
Що в недилечкы та все дивочкы, —
Там же я молодая!„
Ой чого сыдыш, Марусенько,
Чом не дякуеш братику?
Да вже кони запряжены
И пид сины пидведены.
„Велю коням оброк дать,
Возныченькам постоять,
Покы братик прыйде з саду,
З саду, з выноградy,
Так Марусенька з посаду:
Спасыби тоби, мій братику,
За твое гулянейко!

Що я в тебе гуляла,
Важкого дила не знала;
Що в недилечкы та все дивочкы,—
Там же я молодая! . .

(Черниг0в.)

* *
*

Стань, моя матинко, в порози,
Вже-ж я молода в дорози.
Не жалослыва матуся!
Навпротыв ночы вон гоныш,
И проводныка не даеш!
Стань, моя матохно, в порози:
Я-ж тоби, матохно, вклонюся!
Кискою земельку устелю,
Слизкамы нижкы оболью!

(Шклов.)

* *
*

Загрибай, маты, жар, жар,—
Чы не буде дочкы жаль, жаль;
Закыдай маты дрова,
Зоставайся здорова!

(Черниг0в.)

*

Закыдай, маты, трискы,
Сподивайся невисткы.
Отто тоби, маты,
И прач у загати:
Як будеш прачом праты,
Будеш мене спомынаты.

(Овруч.)

* *
*

Витер воритечка одчыныв,
Братець сестрыцю проводыв:
От-се тоби, сестрыце, дорога —
Йидь од мене здорова!

(Золотонош.)

* * *

Ой брат сестру проводыв,
А мисяць дорогу посвитыв:
От тоби, сестрыце, дорога —
Йидь од мене здорова;
Будь здорова як вода,
Будь богата як земля,
Будь прыгожа як рожа.

(Черниров.)

*

Будь же ты красна, як весна.

(Гадяч.)

* * *

Одступйтеся ворогы
Из князевои дорогы,
Бо пидобьють коныченькы пид ногы,
Ой пидобьють коныченькы, пидобьють,
А щоб не було ворогив тут!

(Черниров.)

* * *

Ой дивчыно та Марусечко,
Позасивай свои стежечкы,
И стежечкы и дорижечкы,
То рутою, то мьятою,
Хрещатенькым та барвиночком,

Запашненькым та васылечком.
Туда йтыме твоя матинка,
Те зильлячко прогортатыме,
Марусенькы та шукатыме.
Зильля мое та охайнее,
Дытя мое та коханее!
Я-ж тебе та охаяла,
Марусеньку та угаяла;
Я садыла, я полывала,
Марусенька як не бувала!

(Конотоп.)

* *
*

Бряжчалы колокола́, бряжчалы,
Туды-ж нашу Марьечку помчалы;
Выйду я за воритечка, аж уже свит,—
Куды Марьечку помчалы, тилькы слид.

(Острогожск.)

* *
*

Ходыть кизочка по крутій гори;
Нижкою як туп, так туп!
Сирому вовку наругается:
„Я-ж тебе, сирый вовку, не боюся!„
А в недиленьку рано по-раненьку
Кизочкы як нема, так нема;
Тилько осталыся нижкы та рижкы
Та биліи копытьця.
Ходыть Марьечка по новых синях;
Нижкою як туп, так туп!
Свойму Юрасеньку наругается:
„Я-ж тебе, Юрасю, не боюся!„

А в понедилок рано по-раненьку,
Марусенькы як нема, так нема;
Тилько осталася русая коса,
Та дивоцькая краса.

(Шклов.)

* * *

Як прывезуть посаг до свекрухы:

За воротамы вышня,
Туда наша матинка выйшла;
Ягодкы зобала,
Молодои невисточкы ждала.
Выйды, матинко, огляды:
Що тоби бояре прывезлы?
И скрыню й перыну,
Й молодую княгыню!

(Гадяч.)

* * *

Понедилкови.

Ой у саду, у садочку, там голубчык гуде;
Там Юрочко парубоство здае:
„Ой на́те вам, парубочкы, парубоство мое!
А вже-ж я пиду
В чоловичу раду,
Чоловикам на пораду!„
Ой у саду, у садочку, там голубка гуде;
Ой там Маруся дивованые здае:

„На́те-ж вам, дивочкы, дивованьне мое!
А вже-ж я пиду
В жиночу раду,
Жонка́м на пораду!„

(Радомысль.)

* * *

А в понедилок рано
Маты дочкы шукала,
В саду и в горо́ди-виногради
И у сусидок пытала:
Мои сусидо́чкы, мои голубочкы,
Чы не бачылы моеи дочкы?
Да иды, моя доню, додому,
Погляды у головоньку!
Да погляжу, моя мамочко,
Да не тоби — свекрухни!

(Черниг.)

* * *

Ой тыхо, тыхо витер вie,
Аще тыхше до дочкы маты иде —
Свого дытяты одвидоваты.
Десь мое дытятко не пыло, не и́ло:
Да колы-б пыло, то-б пьяне було;
Да колы-б и́ло, то-б не змарнило.

(Черниг.)

* * *

Що-ж бо то да за зильля,
Чорнее да насиньня?

Вчора було да на стебли,
А сьогодня на земли.
Що-ж бо то за наровы
Да у нашои Маруси?
Вчора була та у батенька,
А сьогодня у свекорка . . .

(Радомысль.)

* * *

Да выведте наше!
Да нехай нам попляше. —
Червоными чоботкамы,
Золотымы пидковкамы!

(Чернигов., Остер.)

* * *

Хто в мене по синечках походыв,
А хто в мене дилечко поробыв?
Я-ж думала що чорная галка,
Аж то моя левихна коханка.

(Чернигов.)

* * *

По двору, по двору
Да пороша упала;
А на тій пороши,
Слидкы хороши.
Да свекрухна каже,
Що куна ходыла;
А свекорко каже:
Да не есть то куна,
То невистка моя!

(Чернигов.)

* * *

Да чого-ж ты, матинко, барышся,
Да несты мого сорому боишся?
Не бійся, матинко, не бійся:
В червоныи чоботкы обуйся!
Топчы ворогы пид ногы,
А супостаты пид пьяты,
Щоб пересталы брехаты!

(Радомысль.)

* * *

Да пишов дожчык краплыстый,
Да уродыв черчык черчыстый.
Да не вмила Маруся носыты,
Да не вмила красыты,
Да мусыла Юрася просыты:
Ой окрасы, Юрасю, сей черчычок мій,
Да звеселимо увесь рид свій!
Що первый рид—свекоркив,
А другый—батенькив.

(Золотонош.)

*

Розлывайтеся берегы,
Не втишайтеся ворогы!
Заробыла Маруся пырогы,
Хоч не пшенышни, да яшни—
Своему родови подячни:
Первый рид свекоркив,
А другый рид—батенькив.

(Золотонош)

* * *

Знаты, Марусю, знаты,
В которій вона хати:
И лавкы и прылавкы
З червонои кытайкы;
Калыною обтыкана,
Рожою обсыпана.

(Золотонош.)

* * *

Ой пиду я у луг по калыну,
Да выломлю калынову витку,
Да застромлю за билу намитку;
Нехай моя калынонька вьяне,
Нехай моя родына гуляе.

(Радомысль.)

* * *

Калынонька наша Маруся
Пид калыною лежала,
Калыну ломала;
Чорным шовком у пучкы вьязала,
На дорожку бросала,
До батенька слала:
От тоби, батенько,
От тоби да подарочок —
Червоная да калыночка
Од любои да дытыночкы.

(Чернигов.)

* * *

Темного лугу калына,
Доброго батька дытына;

Така вона дренька
Як рожа повненька.
Ничого дывуваты,
Така була іи й маты:
Запысать іи в лысты,
Щоб іи булы таки й сестры;
Запысать іи в квиты,
Щоб булы таки іи й диты!

(Хорол.)

* * *

А у нас овес рясен,
А у нас увесь рид красен:
Яка маты, така дочка,
Як красна калыночка.

(Новоград-Волынск.)

* * *

До пана идемо́,
Гостыньци несемо́:
Жытніи, пшенишныи, —
Мы в пана велычныи.

(Овруч.)

* * *

Ой пане, паночку!
Ведем тоби пидданочку:
Вчора була у виночку,
А сьогодня в серпаночку.

(Овруч.)

* * *

У нашого пана,
Зеленая брама;

Золоти одвиркы,
Дасть нам пан горилкы.

(Овруч.)

* *
*

Ще, колы молода зъ червоною стричкою, то довго весильля тягнеться. Ходять соби зъ хаты до хаты жинкы, свахы, колы хочуть, та спивають:

Через улыцю перезва
Нам дороженьку перейшла;
А все в злоти, в аксамыти
И в червоных чоботях.

(Овруч.)

* *
*

Казалы вражи люды,
Що Маруся недобра буде;
А вона добресенька,
Як рожа повнесенька.

(Овруч.)

* *
*

И тогди, як ходють с перезвою, одна сваха носыт на кійочку навыняный льонъ,—прядэ, йдучы, нибы-то така вже робоча, що йдучы пряде, и спивають самы собою:

Колы-б ты, прыданочко, добра;
То-б сидила у-дома,
А в тую метелыцю
Куделыла-б куделыцю.

(Овруч.)

Бо воны не вважають,—хоть якый дощъ, або метелыця,—воны ходять и танцюють по дорози. И музыка йде; там, хоть одна скрыпка, або цымбалы, а йде. (Овруч.) *Примѣч. пѣвицы.*

ПѢСНИ ЖИТЕЙСКІЯ.

СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫЯ.

— Запорожець, мамцю, запорожець
Вывив босу на морозець! —
До морозку нижкы прыкыпають,
Запорожци дивку пидмовляють:
„Не любы, доню, що в жупани;
Полюбы, доню, що з постоламы,
Що всякый день ходыть за воламы,
Хоть не за своимы, за чужымы,
Щоб нас, серце, люды не судылы„
— Уповала, мамцю, на жупаны,
Думала буты за ным пани;
И в жупанах, мамцю, не ходыла,
Доброи свыты не зносыла.
Уповала, мамцю, на керею,
Думала буты попадею;
И в киреи, мамцю, не ходыла,
Доброи свыты не зносыла.

(Радомысль.)

Ой гаю мій, гаю, густый, не прогляну;
Велять мени женытыся, да й сам я не знаю.

Велять мени браты у вдивонькы в хати,
А в тыеи да вдивонькы тры дочкы в кимнати.
— Чы ту, мамо, сватать, що головка гладка? —
„Сватай, сынку, й людей пытай, чы метена хатка.„
— Чы ту, мамо, сватать, що намыстечко высыть? —
„Сватай, сынку, й людей пытай, чы дижу замисыть.„
— Може ту, мамо, сватать, що дрибненько ходыть? —
„Сватай, сынку, й людей пытай, чы дилечко робыть.„
— Робыть вона дило, да все хорошенько:
Благословы-ж ты нас, Боже, и ты матусенько! —

(Глухов.)

Поставлю я коня у в'ограду,
А сам пиду в хату на пораду;
Аж мій батенько коло ворит ходыть,
На рученьках сиделечко носыть:
„Ой на́, сыну, сидельце, не гайся,
Щоб вид того війська не зостався:
Ой військо иде, оруженько мае,
Попереду музыка играе.„
Поставлю я коня у в'ограду,
А сам пиду в хату на пораду;
Аж мылый братик все по двору ходыть,
У рученьках гостру шаблю носыть:
„Ой на́, брате, шаблюку, не гайся,
Щоб вид того війська не зостався:
Ой військо иде, оруженько мае,
Попереду музыка играе.„
Поставлю я коня у в'ограду,
А сам пиду в хату на пораду;
Аж моя ненька по рундуку ходыть,

У рученьках сорочечку носыть:
„Ой на́, сыну, сорочку, не гайся,
Щоб вид того вiйська не зостався:
Ой вiйсько иде, оруженько мае,
Попереду музыка играе.„
Поставлю я коня у в'ограду,
А сам пиду в хату на пораду;
Аж моя сестра все по хати ходыть,
У рученьках хустыночку носыть:
„Ой на́, брате, хустыну, не гайся,
Щоб од того вiйська не зостався:
Ой вiйсько иде, оруженко мае,
Попереду музыка играе.„
Поставлю я коня у в'ограду,
А сам пиду в хату на пораду:
Аж моя мыла по свитлыци ходыть,
На рученьках дытыночку носыть:
„Ой на́, мылый, дытыну, не гайся,
Та зо мною ще раз попрощайся!
Ой мылый друже, люблю тебе дуже!
Серденько мое, покыдаеш мене:
Ой як мени забуваты тебе?
Як итымеш мымо того жыта,
Згадай тоди про мое ты жытьтя . . .
Ой милый друже, люблю тебе дуже!
Серденько мое, покыдаеш мене:
Ой як мени забуваты тебе!„

(Екатеринослав.)

— Ой хмелю-ж мiй, хмелю, а хмелю зелененький!
Де-ж ты, хмелю, зимувався, що не розвывався? —

„Зимувався я, хмелю, в зеленій лисчыни,
Ночував я, моя маты, в молодои дивчыны!„
— Ой сыну-ж мій, сыну! негаразд ты робыш;
Жаліються молодыци, що ты шкоду робыш! —
„Такы буду ходыты, такы буду робыты;
Ой що-б тоби, моя маты, молодым оженыты!„
— Оженыся, сыночок, оженыся, небоже!
Та не беры удивонькы, та не дай тоби Боже!
А в удивонькы серце, як зимнее сонце:
А хоть воно як ни гріе, та холодный витер віе.
А возьмы-ж ты дивчыну, бидну сыротыну;
Будеть тебе шануваты, як маты дытыну.
А в дивчыны серце, як литнее сонце:
Хоть воно хмарнесенько, та такы теплесенько.

(Гадяч.)

Ой хмелю, мій хмелю, да де ты зиму зимував же?
Ой зимував я у темному лузи, да й не розвывався.
Ох и сыну, мій сыну, де ты ничку ночував же?
Ох и ночував я в своеи дивчыны, да й не розбувався.
Ох и сыну мій, сыну, не гаразд же ты робыш;
Хвалылыся чужи молодыци, що ты шкоду робыш.
Буду, маты, ходыты, буду шкоду робыты;
Ой було-б мене, моя матусенько, да молодым оженыты.
Ой женыся, сыну, да женыся, небоже,
Да не беры вдовы молодои, не суды тоби Боже!
Ой женыся, сынку, ой женыся, небоже,
Ой беры, сыну, молоду дивчыну, поможы тоби Боже!
Що у вдовы серце да як зимнее сонце:
Ой хоть воно яснесенько гріе, да холодный витер віе.

А в дивчыны серце, да як литнее сонце:
Ой хоть воно хмарнесенько гріе, да тепленький витер віе.
Що у вдовы диты, да нигде их подиты,
А в дивчыны да дитей нема, люба-мыла розмова.

(Конотоп.)

Наступыла чорная хмара, наступыла й сыня.
„Навчы, навчы, бидная вдова, да свойого сына.
Як не будеш научаты, будем кароваты:
Окаруем рукы й ногы и чорніи бровы,
Щоб не ходыв до дивчыны молодои.
Окаруем рукы й ногы, и карыи очи,
Щоб не ходыв до дивчыны о-пивночи.„

(Глухов.)

Ой у недилю рано по-раненьку ясна зора зыходыла;
Збиралася кревная родына, мене в військо выпроводыла.
„Провожай, провожай, моя матусенько, чы не жаль тоби буде,
Ой як пойду в чужу сторононьку да помеж чужіи люды!
Спогадай, спогадай, моя матусенько, ой як сядеш хлиба исты:
Ой десь мій сын, десь моя дытына, да немае йому висты!
Спогадай, спогадай, моя матусенько, ой як сядеш обидаты:
Ой десь мій сын, десь моя дытына, що никому одвидаты.
Ой як буду, моя матусенько, да я в війську помираты,
Прыймай мою вирную дружыну да за ридну дытыну!„
Не такый же свит, не така годына да тепера настала,
Щоб чужая, чужая дытына да за ридную стала!

(Борзн.)

Дорижка, дорижка, та шырока,—
Та шырока, и далека;

Як по тій дорижци да жовтіи писочкы,
А на тых писочках стоять тры садочкы:
Що в первому садочку соловейкы свыщуть,
Що в другому садочку зозуленька куе,
А в третьому садочку маты з сыном стояла,
Маты з сыном стояла, маты сына пытала:
Ой сыну, мій сыну! хто-ж тоби вирнишый —
Чи жинка, чи теща, чи маты ридная?
„Маты моя, маты, на що се й пытаты,
На що се й пытаты? можно самій знаты,
Що теща для прывиту, жинка для совиту,
А ты, стара маты, порадныця в хати;
Родыла й болила, страждала, вмирала,
Кров пролывала — смертонькы бажала!„

(Прилук.)

В чыстим поли бил камень лежыть.
Ой на тим каменю сыз орел сыдыть,
Ой сыдыть орел да й размышляе;
Иде козак дорогою, орла пытае:
— Ой чы був, орле, в моій сторони?
Ой чы тужыть моя мыла по мени?
„Ой тужыть—тужыть, на лижку лежыть,
Правою рученькою за серце держыть.„
Ой уставай мыла, скажу тоби висть:
Ой прійде твій миленькый, буде в тебе гисть.
Ой устала мыла, як не лежала,
Усю челядоньку порозбужала:
Ой уставай, челядь, засвиты свичи,
Нехай-же я подывлюся мыленькому в вичи.
— Ой чого-ж, мій мыленькый, з лыченька знав?—

„Через тебе, моя мыла, що тебе не выдав.
Ой чого-ж, моя мыла, з лыченька знала?„
—Через тебе, мій мыленький, що тебе не выдала.

(Глухов. Радомыслъ.)

Ой выйду я за воритечка, да рыне вода, рыне;
Не сылуйте менѣ за нелюба, да нехай же вин згыне!
Ой колы-ж вы мене сылуете, дак вы-ж мене 'тдайте;
Ой колы-ж мени а горе йметься, то на мене и дбайте!
Ой хожу, блужу я по улоньци, як прыблудная овця,
Да ни до кого мени промовыты да вирненького словця.
Ой туман, туман да по дорози, ой туман качается;
Ой десь мене пры лыхій годыни увесь рид цурается.
Ой не цурайсь мене, родыноньку, не цурайся ты мене,
А пры лыхій да годыноньци прызнавайся до мене.
Да нема-ж цвиту найповнишого над ту макивочку;
А нема роду найвирнишого над ту матиночку.
Да нема цвиту найсынишого над ту ожыноньку,
А нема слова найвирнишого над ту дружыноньку.
Ой туман, туман да по дорози а туман по облози . . .

(Переяслав)

Искладу я дило, — нехай на петривку!
Заберу дитей я та пиду в мандривку.
Ой зайду я на могылу, та розвьяжу я торбыну:
Роспущу я свои диты на всю украину.
Ой зайду я у долыну, — стану, погадаю, —
Як возьму я своих диток вмисто позбираю!
Ой ходыла та блудыла, диток понудыла —
На що-ж мени чужи люде, з мене своих буде!
Ой два сыны оре, чотыри молоте,

А дванадцять дочок за постать заходе,
А два сыны годую — у військо готую . . .

(Изюм.)

Ой повинь, витроньку, з горы в долыноньку,
А з горы в долыну, де маю родыну.
И витер не віе, и сонце не гріе;
Тилько степом — полем трава зеленіе.
Пусты, мій мыленький, голубчык сывенький.
До броду по воду — одвидаю роду.
Я й сам не пиду, и тебе не пушу,
Бо ты скажеш роду об свою прыгоду.
Не буду казаты, а ни спомынаты,
Як обильлють сльозы, то я выйду з хаты;
Выйду за ворота, стану як сырота —
Хто йде, то мынае, бо роду немае.

(Житомир.)

Ой гаю мій, гаю, гаю зелененький!
Чом на тебе, гаю, ни витер не віе?
Ой витер не віе, гильля не колыше;
Тылько брат до сестры часто лысты пыше.
Пыше на вкраину, туды их шле швыдко:
— Сестро моя, сестро, сестро украинко!
Що мени на свити з тобою робыты?
Чы прывыкла, сестро, на чужыни жыты? —
„Хоча не прывыкла, треба прывыкаты,
Колы уродыла без доленькы маты.„

Крый тыхого броду, пье сывый кинь воду.
Просылася мыла да до свого роду:
— Пусты мене, мылый, голубонько сывый,

Да до мого роду, хоть по шыю в воду.
Хоть я замочуся, в роду просушуся,
Такы з родыною да й наговорюся. —
„Ой не пущу, мыла, да до твого роду;
Бо ты свойму роду скажеш всю прыгоду.„
— Ой не буду, мылый, прыгоды казаты;
Тилько буде знаты отець старый, маты. —

(Глухов.)

Не спивайте пивни, бо ще я не спала:
Ще своему роду правды не сказала.
Выйду за ворота, стану як сырота —
Хто йде, то й мынае, бо роду немае.
Ой повій, витроньку, з горы на долыну;
Ой прынесы, Боже, здалека родыну!
И витер не віе, гильля не колыше,—
Тилько брат до сестры да лыстонькы пыше:
Сестра-ж наша мала! чи прывыкла сама?
Ой хоч не прывыкла, треба прывыкаты,
Колы породыла безсчасную маты!

(Остер.)

Ой ты соловей, пташечко мыла!
Ой не щебечы садом летючы,
Ой не оббывай ранньои росы:
Нехай обибье матюнка моя,
До мене йдучы, одвидуючы,
Моего жытьтя роспытуючы!
Матюнко моя, ридная моя!
Прійды до мене, одвидай мене:
Ой як я жыву, як я горюю —
Я своих диточок не погодую!

(Глухов.)

Ой ты, соловей, раньня пташечка,
Ты не щебечы рано на-зори,
Да не обтрусы раньньои росы:
Нехай обтрусыть моя матюнка,
До мене йдучы, одвидуючы,
Мого жытьтя розвидуючы!
Чоловиче мій, дружыно моя!
Завиз ты мене, де роду нема,
Де роду нема, да все чужына:
Никуды пійты, поговорыты,
В серци печали да роздилыты!
„Ой, жынко моя! пійды до кумы,
Пійды до кумы, огню наберы,
Из серця печаль з кумою роздилы!„
— Ой, я й ходыла, и говорыла,
С кумою печали не роздилыла. —
На дубочку два голубочкы
И цилуються и мылуються,
Моему жытьтю дывуються.
Ой вы, голубы, вы сызенькіи,
Вы цылуйтеся, вы мылуйтеся,
Моему жытьтю не дывуйтеся!„

(Глухов.)

Ой як я жыву, як я горюю.
Не так живеться, як горюеться:
Богатого роду все цурается,
И ридна сестра не прызнается;
Як стала жыты, розжыватыся,
Стала родына прызнаватыся,
А и ридна сестра у гости прыйшла,
У гости прыйшла, ще й мову найшла.

Никуды питты, огню добуты,
Ни с кым статы, поговорыты,
Тугы-печали та й розважыты.
Жиночко моя, дружыно моя!
Пиды до кумы, огню наберы,
Сядь з кумасею да й поговоры!

(Конотоп.)

В чыстому поли стоять два дубы,
Да схылылыся верхы до купы.

(Харьков.)

Чоловиче мій, дружыно моя!
Та завиз ты мене в чужу сторону,
В чужу сторону без родыночкы;
Никуды питты поговорыты,
Та на серцю печаль розвеселыты.
Й ой жинко моя, дружыно моя!
Ой есть у поли та дви тополи,
Третя былына—то вся родына:
Туды пійдемо та поговорымо,
Тогди печаль на серцю розвеселымо!
Чоловиче мій, дружыно моя!
Вже-ж я ходыла и говорыла—
До мене тополя не промовыла,
Та на серцю печаль та й не розвеселыла.

(Васильков.)

Посію я руту да мъяту
В зеленому саду да саду;
Рута та мъята та не прынялася,
Родынонька да й одреклася.

Перечула через люды,
Що мій батько в гости буде:
Ждала я, ждала, ждала, дожыдала,
Воритечок не зачыняла.
Аж мій батько йде да йде,
Вин до мене да й не зайде:
Нич моя темна а зиронька ясна,
Доленька моя несчасна!
Перечула через люды,
Що матинка в гости буде:
Ждала я, ждала, ждала, дожыдала,
Воритечок не зачыняла;
Аж матинка йде, да йде,
Да до мене не зайде:
Нич моя темна, а зирочка ясна,
Доленько моя несчасна!
Перечула через люды,
Що братичок в гости буде:
Ждала я, ждала, ждала, дожыдала,
Воритечок не зачыняла.
Аж мій братичок йде, да йде,
Да й до мене не зайде:
Нич моя темна а зиронька ясна,
Доленько моя несчасна!
Перечула через люды,
Що сестрыця в гости буде:
Ждала я, ждала, ждала, дожыдала,
Воритечок не зачыняла;
Аж сестрыця йде да йде,
Вона до мене да й не зайде:
Нич моя темна, а зирочка ясна,

Доленько моя несчасна!
Перечула через люды,
Що мій мылый в гости буде:
Ждала я, ждала, ждала, дожыдала.
Воритечок не зачыняла.
Аж мій мылый йде, да йде,
Да й до мене вин зайде;
Нич моя темна, а зирпька ясна,
Доленько моя прекрасна!

(Конотоп.)

Да вылитала галка з зеленого гайка,
Да вылитала друга из темного луга;
Сила на дубочку в вышневим садочку:
Да не хылыся, дубе, бо жытьтя не буде;
Да не хылыся, сосно, бо й так мени тошно;
Да не хылысь, береза, не пьяна — твереза;
Да не хылыся, гилько, бо й так мени гирько,
Не хылыся нызько, нема роду блызько;
Тилько в мене й роду — два братики зроду;
А третя, сестрыця, пишла в сад гуляты,
Пишла в сад гуляты братикив шукаты:
Ой прыйдить, братикы, в недиленьку вранци,
Намочым горилкы — в зеленій пляшци,
Намочым горилкы з перцем, из инберцем,
Выпьем, братикы, з своим щырым серцем.
Да чого-сь мени, братикы, горилка не пьеться,
Коло мого серденька як гадына вьеться.
Есть мени, братикы, из хмелю похмильля —
Коло мого серденька велыке журиньня.

(Золотонош.)

Та й ти прибувають десятого году.

(Изюм.)

— Ой мылый мій, мылый, мылый соловейку,
Прибудь-же до мене в недилю раненько;
Прибудь же, мій мылый, в недилю у-ранци, —
Заправлю горилкы в крышталевій пляшци,
Из перцем, з инберцем, з моим щырым серцем! —
„Чомусь мени, мыла, горилка не пьеться:
Коло мого серденька, як гадына вьеться.„
— Ой то-ж не гадына — то лыха годына
Коло твого серденька соби гниздо звыла. —
Вылетила галка, чужа, подолянка,
Сила-пала галка на зеленим дуби:
„Не хылыся, дубе, бо й так мени буде,
В чужій сторононьци бидній головонци.„
Вылетила галка, чужа, подолянка,
Сила-пала галка на зеленій сосни.
„Да не хылыся, сосно, бо й так мени тошно,
В чужій сторононьци бидній головонци.„
Вылетила галка, чужа, подолянка,
Сила-пала галка на зеленій гильци.
„Не хылыся, гилько, бо й так мени гирко —
В чужій сторононьци бидній головонци!

(Золотонош.)

Вылитала галка, з зеленого гайка,
Сила, пала галка на зеленим жыти:
Не хылыся, жыто, бо й так мене быто!
Сила, пала галка на зеленій сосни:
Та не хылыся, сосно, бо й так мени тошно!
Сила, пала галка на зеленій вильси:

Не хылыся, вильхо, бо й так мени гирько!
В недиленьку вранци збирайтеся, братци!
Та намочим горилкы у зеленій пляшци,
Та выпьемо, братци, горилкы по чарци!
Та чомусь мени, братци, горилка не пьеться,
Край мого серденька гадыпонька вьеться,
Извела гниздечко, де мое сердечко;
Извела кубельце, там де мое сердце.

(Гадяч.)

А то не гадына — то лыхая годына:
Изсушыла, извъялыла невирна дружына!

(Золотонош.)

Не хылыся сосно, бо й так мени тошно;
Не хылыся гилько, бо й так мени гирько.
Сыва зозуленько, не куй жалибненько,
Та не збуды мого гостя дорогого,
Гостя дорогого братика ридного!
Ой я сама знаю, колы избудыты —
Як ясне сонечко стане изходыты:
Ой встань, мій братыку, ой встань, пробудыся!
Ой там у садочку водыця в кубочку,
А в новій свитлоньци рушнык на килочку.
Водыцею вмыйся, рушнычком утрыся,
Тогди, мій братику, на скамью садыся!
Будем говорыты, будем розмовляты,
Як маленькых диток та й догодоваты.

(Гадяч.)

Грушыце моя! чом-же ты не зеленая?
Везена—не вкрывана, посажена—не полывана,

Сырою землею не осыпана!
Мылая моя! чом-же ты не веселая,
Як ты в своеи матинкы росла,
В ридного батенька жыла? —
„Мыленький, мылесенький мій!
Дай мени воленьку таку,
Як в своеи матинкы росла,
В ридного батенька жыла!„
— Мылая, мыленька моя!
Зроды мени девьять сынив,
А десяту дочку хорошу,
Тоди дам тоби воленьку таку,
Як ты в своеи матинкы росла,
В ридного батенька жыла. —
„Мыленький, мылесенький мій!
Збудуй мени девьять домив,
А десятый терем высокый:
В тим теремн будемо жыть,
Жыть, жыть, да Бога хвалыть,
Сынив женыть, а дочок давать,
Родычив на весильля звать! . .„

(Гадяч.)

Що поузъ мій двир, воритечка, голубка летила:
Не дав мене мій батенько за кого хотила.
Отдав мене мій батенько та за воеводу,
У чужый край, стороноиьку, далеко од роду.
Ой вырву я з рожи квитку та пущу на воду:
Плывы, плывы, з рожи квитко, аж до мого роду.
Плыла, плыла з рожи квитка та й стала крутыться:
Выйшла маты водн браты, та й стала дывыться:

Чого сяя з рожи квитка на води зовьяла?
Ой десь моя да донечка в недузи лежала!
Не лежала, моя маты, ни дня, ни годыны;
Попалася в лыхи рукы невирній дружыни.
13 Запрягайте, слугы мои, кони вороніи;
Наздогоньте, слугы мои, лита молодіи.
Як нагналы слугы мои на рубленим мости:
Вернитеся, лита мои, хочь до мене в гости.
Хочь вернемось, не вернемось, да вже не до тебе;
Шановаты було-б тогди, як мы булы в тебе.

(Конотоп.)

7 Плыла, плыла з рожи квитка аж до м'еи хаты;
Аж там выйшла стара ненька теи воды браты,
Стала тую з рожи квитку в води познаваты:
Ой десь же ты, моя доню, цилый рик лежала,
Ой що твоя з рожи квитка на води зовъяла.

(Житомир.)

1 Тече вода холодная з-пид кореня дуба;
Нема мени одрадонькы од мого нелюба.
Нема мени одрадонькы ни д отця ни д ненькы;
Сушять мене, въялять мене мои вороженькы.
Изсушылы, извъялылы, як витер былыну:
Було лычко як яблучко, стало як ожына!
Изсушыла, извъялыла невирна дружына!
13 Ой запряжу сири волы, вороныи кони;
Да пойду доганяты счаслывои доли.
Як нагнала счастя й долю на калыновим мости:
Вернысь, вернысь, щастя й доле, та до мене в гости!
„Не вернуся я до тебе, була я у тебе:
Було тоби шановаты, було поважаты.

Було тоби що-вечора билу постиль слаты.„
Бодай же ты, гирка доле, сього не лождала,
Щоб я тоби що-вечора билу постиль слала!

(Золотонош.)

7 Ой прыплыла квитка до баткового двора:
Чого сяя квиточка на води зовъяла?
Десь моя донечка сим лит лежала!—
„Не лежала, таточку, ни дня, ни годыны,
Ни дня, ни годыны, й часу, ни часыны:
Дэлы мени мужа—певирного друга—
Що його не зминять, що його й не продать:
Тилько за нелюбым свій вик каратать!

(Остер.)

Ой по горах, по долынах пташечкы литають;
Не знала я роскоши, вже лита мынають.
Чы я спыла, чы я зъила, чы гарно сходыла?
Тилько мои вси роскоши, що гирко робыла.
Ой запряжу сири волы, кони воронін,
Та пойду здоганяты лита молодіи.
Наздожену молодости в калыновим мости:
„Вернитеся, лита мои, хоч до мене в гости!„
— Не вернемось, не вернемось, не маем до кого:
Не вмила ты шановаты здоровъечка свого! —
Ой вырву я з рожи квитку, та пущу на воду:
Плывы, плывы, з рожи квитка, аж до мого роду!
Плыла, плыла з рожи квитка, на берези стала,
Выйшла маты воды браты, квиточку піймала.
„Десь ты, моя дытынонько, тры лити лежала,
Ой що твоя з рожи квитка на води зовъяла.„
— Не лежала, моя маты, ни дня, ни годыны,

Попалася в лыхи рукы невирній дружыни.
Тече вода з-пид горóда, з-пид кореня дуба;
Нема мени обрадонькы од мого нелюба!

(Борзн.)

Ой давно, давно я в роду була,
А вже-ж тая дориженька терном заросла,
Терном заросла, лыстом прыпала,
Червоною калыною понавысала.
Ой як я схочу, терен высичу,
Червоную калыноньку в пучкы повьяжу,
Такы свою родыноньку хоч в рик побачу;
Червоную калыноньку у пень выломлю,
Да до своеи матюнкы в гости полену.
Буду литаты, буду коваты,
Чы не выйде моя маты з новои хаты.
Моя маты спыть, — спыть да й не чуе;
Невисточка, голубочка, тее-ж учула:
— Устань, матюнко, устань, утюнко!
Що-сь у нашому садочку за пташка куе!
„То-ж не пташечка, то-ж моя донечка,
То-ж моя безчасная, безталанная;
Тут родылася тут хрестылася
У чужую сторононьку да й одбылася.„

(Глухов.)

Ой терном, терном, ще й шепшыною,
Як була у батенька ще й дывчыною.
Ой сяду-впаду у батенька в саду,
Травоньку зелену слизамы зильлю,
Своею сухотою весь сад высушу!

(Гадяч.)

„То-ж не пташечка сыва зозулька . . .
Колы-ж ты зозулька, леты в щырый бир;
Колы-ж ты моя донечка, ходы ко мни в двир.
Ходы ко мни в двир за тысовый стил!„

(Чернигов.)

Ой маты дочку мала, та ии за-муж дала;
Як давала, то прыказувала, щоб у гости не бувала.
А дочка не втерпила, в рик прылетила,
Скынулася сывой зызулькою, у вышньовим саду сила.
Ой сила-ж вона, сила, да стала коваты:
Ой чы не выйде моя ридна маты, да чы не выйде з хаты!
Аж матусенька выйшла, да стала на порози:
Ой изгадала свою ридну дочку, да облялы ии сльозы.
„Колы ты зызуля, то леты в луг коваты;
А колы моя ридная дочка, то прошу я до хаты.„
А зузуля стрепенула, в темный луг полынула,
Сила соби на высоким древи, отця й матку спомынула!

(Житомир.)

Оддала мене моя матинка
У чужую сторононьку меж чужіи люде.
Ой як отдавала да й прыказовала:
Щоб ты, доню, писля не бувала!
Пожыла я годок, пожыла я другый,
А на третій стала искучаты . . .
„Ой колы-б же я зузуленька, та крылечка мала,
Полынула-б до матинкы в гости . . .„
Лугамы летила, лугы потопыла;
Садамы летила, сады звеселыла;

Сила, пала в матинкы в садочку
На тоненькому бересточку.
Старшый брат конычeнька сидлае,
А пидстаршый ружьжьо заправляе:
Хотять тую зузуленьку вбыты,
Хотять тую зузуленьку з свита изгубыты.
А матинка сыдыть край виконця,
Гирко плаче, не промовыть словця . .
Ой не быйте, сыночкы, теи зузуленькы!
Та посыпте жемчужного проса,
Та меду вкубочку:
Хай вона та й найдается,
Солодкого меду та й напывается!
— Та я наймся у поли пшеныци,
А напьюся водыци з крыныци;
Та годи сыдиты да пора летиты,
Доси плачуть та маленькiи диты;
Та уже насыдилась, та уже накувалась,
З своею матинкою нарорювалась[1]!—

(1) В спискѣ: наговорылась.

(Копотоп.)

4 Щоб ты, доню, сим лит не бувала!

7 Обернувшысь зозулею та й в год прилетила.
Як сила-ж я в батька в сади,—
Ой як же я закувала, ввесь сад поламала!
Ой як же я затужыла, ввесь сад заглушыла!
Идé-ж моя маты калыны ламаты,
А за нею мiй братичок зозули стриляты.
Ой не стриляй, сынку, сiеи зозуленькы:

Як же отсій зозуленьци, то так моій донци.
То так моій доньци на чужій стороньци.

(Харьков.)

6 А червоную калыну в прынил выломлю,
Та до своеи матинкы в гости полыну!
Ой як летила, луг поламала;
А где спочывала — кырныця стала!
Ой сяду я, впаду, в матинкы у саду,
На цій черешоньци, що расно родыть:
Аж моя маты по двору ходыть . . .
Ой буду коваты и промовляты:
Чы не выйде матинка з хаты!
Матинка выходыть, невисток будыть:
„Невисточкы, голубочкы! згляньте, зачуйте —
Щось в нашим саду за пташка куе!„
— Ой це не пташка, се ваша дочка,
Що вродылася без таланочка!
Ой що без счастя та без доли вродылася,
У чужій сторононьци жыты забылася!
Чужая сторононька без витру шумыть,—
А чужый батенько не бье, та болыть,—
З чужою матирью горе в свити жыть —
Пиде до сусиды та ще й осудыть:
„Чужая дытына не хоче робыть,
Выйде за ворота — ляже та й спыть . . .„

(Васильков.)

Ой у хати у комнáти сыдыть стара маты.
Порадь, порадь, моя маты, як нелюба называты?
Ой сядь, моя доню, за тесовым столом,
Да назовы нелюбого ты сывенькым соколом.

Лучче-ж мыни, маты, важкый камень зняты,
А ниж мыни нелюбого сывым соколом назваты.
Ой лучче-ж мыни, маты, гиркый полынь йсты,
А ниж мыни из нелюбом а вечеряты систы.
Ой загремы да громыку над моею кимнатою,
Да побый-же нелюбого у кимнати на кровати.
Ой летила зозуля через сад куючы;
Да вже-ж мыни докучыло на сим свити горуючы.
Ой летила зозуля да сказала: куку!
Да вже-ж мыни докучыло сюю терплячы муку.
Ой летила зозуля через деловання;
Верны, верны, мылый Боже, мое дивованьня!
Покы свита сонця дивкою не буду,
Поты свого горованьня я повик не избуду!

(Переяслав.)

Ой у лузи калына увесь луг изкрасыла:
Невирная дружынонька извялыла, изсушыла.
Ой я тую калыну зтопчу, зломлю да й покыну;
З невирною дружыною куды пійду, то загыну.
— Порадь мене, моя маты, як нелюба называты?—
„Ой сядь же ты, донько моя, за тесовым столочком,
Ой назовы нелюбого да ясным соколочком.„
— Лучче-ж мини, моя маты, гиркый полынь йсты,
А ниж мини из нелюбым за тесовым столом систы;
Лучче-ж мини, моя маты, круту гору роскопаты,
А ниж мини нелюбого соколоньком называты:
Круту гору роскопаю, сяду, одпочыну;
Як пійду я за нелюба, то й навикы загыну.
Не сыловав мене батько, не давала мене й маты:
Сама стыда полюбыла, ни на кого жалковаты.

(Глухов.)

Ой у лузи калына увесь луг закрасыла;
Невирная дружына звьялыла, зсушыла.
Ой я тую калыну зтопчу та й покыну;
З невирною дружыною куды пиду, то й загыну!
Ой маты, маты, порадныця в хати!
Порадь мене, моя маты, як з нелюбом горюваты!
— Ой доню моя, доню, порадь-же ты мою волю,
Та посады нелюбого вечерять з собою.
— Ой лучче мени, маты, гиркый полынь йсты,
А ниж мени з нелюбом вечеряты систы;
Лучче мени, маты, гиронькы копаты,
А ниж мени з нелюбом та спаты лягаты.
Лежыть мылый у постели, як печына у попели;
Ой пожалься, мылый Боже, дивчыноньку молодои!

(Изюм.)

Ой за гаем, гаем зелененькым,
Та йде Дунай не тыхый — быстренькый,
Над Дунаем явир зелененькый,
Пид явором коныk вороненькый,
А на кони козак молоденькый,
Та все стыха у гуслонькы грае,
Струна струни тыхо промовляе:
Нема впыну вдовыному сыну!
Як бье, так бье що-дня свою мылу!
Лежыть мыла як буз сыпесенька,
Стоить нелюб як нич темнесенька:
— Ой чы будеш по щыросты жыты?
То не буду повик тебе быты! —
„Ой хоть буду в сырій земли гныты,
А не буду по щыросты жыты.„

— То-ж-бо й горе, що не по любосты
Загубыв я лита свои з молодосты!
Сидай, мыла, вечерять зо мною;
Любы, мыла, розмову з тобою!—
„Лучче-ж мени гиркый полынь йсты,
А ниж з тобою вечеряты систы.„
— То-ж-бо й горе, що не по любосты
Загубыв я лита з молодосты!
Лягай, мыла, спатонькы зо мною;
Любы, мыла, розмову з тобою!—
„Лучче-ж мени у дверей стояты,
А ниж мени з тобою лягаты.„
— То-ж-бо й горе, що не по любосты
Загубыв я лита свои з молодосты!—
Подай, мыла, свою билу ручку,
Прыложыты до мого сердечка.—
„Лучче-ж буду над жаром держаты,
А ниж тоби билу ручку даты!„

(Изюм.)

Ой у поли пшеныченька,
Ой там поле дивчынонька;
Вона поле, вона поле,
На сонечко поглядае:
Чы высоко, чы нызенько
Сыв голуб литае?
Вин литае, буркутае,
Соби паронькы шукае:
Як буркýку, так буркýку,
Подай, мыла, билу руку!
— Ой рада-б я, мій мыленькый,

Обыдви тоби податы:
Положыла мене маты
Из нелюбом спаты.
Ой нелюбый, нелюбочку!
Не бый мене в головочку:
Мене маты годувала,
В головочку не вбывала;
Ой як будеш мене быты,
То не будем вкупи жыты,
То я пиду прич од тебе,
Нехай тебе орда визьме.
Нехай тебе изрубае!

(Гадяч.)

Ой не сама, не сама та былыночка в поли,
Да не дав мини Бог да ни щастья ни доли.
Тилько дав мини Бог чоловика не до любовы,
Що вин пье да гуляе и мене розоряе,
А як прыйде додому, не говорыть зо мною . . .
Хыба-ж мини, серце мое, розыйтыся с тобою?
Не я тебе полюбыла, полюбыла моя маты:
Жывы, жывы, моя доню, ой така твоя доля.
Ой пійду я молодая та до броду по воду,
Поставлю я видеречка пид крутою горою.
Поставлю я видеречка пид крутою горою;
Не бачыла дивчынонька перевизчыка з роду:
Перевизчык, перевизчык, перевезы до роду;
Нехай же я побачуся хочь четвертого году!
Озоветься моя маты та по тим боци моря:
Жывы, жывы, моя доню, ой така твоя доля!
Чы я в тебе, моя маты, увесь хлиб пойла,

Що ты мене моя маты та на вик зайла?
Чы я в тебе, моя маты, усе платья поносыла,
Що ты мене, моя маты, та навикы затопыла?
Ой завьяжы, моя маты, та билым платком очи;
Веды мене, моя маты, та темненькои ночи;
Веды мене, моя маты, та де вода холоднійша;
Топы мене, моя маты, а що я найкращійша.
Бижыть вода с-пид каминя, да не холодна,—тепла;
Моя маты ридненькая, вызволяй мене з пекла!

(Конотоп.)

Ой гости мои зазвани,
Ой очи мои заспани!
Ой маты моя старая,
Нащо ты мене скарала:
За ланця мене отдала!
Ланцюга щодня дуже пье,
Прійде додому та й не бье,
Вин не бье мене, не лае,
Вин мене словом карае.
„Урикай, доню, урикай,
Та й у садочок утикай!„
А у садочку калына,
А на калыни зозуля,
Вона не куе, воркуе —
Нихто зозули не чуе;
Тилько зачула невихна,
По воду рано идучы,
Повни видерця несучы.
Прыходе мыла додому,
Ходе миленькый по двору:

21 Чого ты, мыла, такая,
Як водыченька мутная?
— Я правду тоби всю скажу:
Я твоій неньци не вгожу;
Постелю постéлю, не ляже;
Прыпичок помажу, невгоже;
Чобиткы помыю, не вбуе;
Ой вона багато гордуе!

(Изюм.)

21 Чого ты, мыла, плачеш?
Чому ты мени не скажеш?
— Того-ж-бо я й тужу,
Твоій матери не вгожу!
Помыю ногы у лузи —
Вона помаже в калюжи;
Помыю ногы у мыли,
Вона помаже у глыни;
Постелю пóстиль, не ляже . . .
Моему серденьку докаже!

(Житомир.)

„Ой ты, багачу, я-ж тебе давно знаю!
Не сватай мене, бо я корив не маю!
У мене коровы—тилько чорни бровы,
У мене телыци—карыи очыци.„
— Ой ты, дивчыно, дивчыно небого!
Не скажу тоби за коровы ничого.—
„Хоч ты не скажеш, скаже твоя маты:
Да встань, невистко, час до череды гнаты;
Да встань, невистко, щоб здорова не встала!
Подій тіи коровы, що од батька нагнала,

Попрогонь овечкы, що родына здаровала.„
—Ой годи, маты, сым очи выбываты:
Я з твоим сыном тры вечоры стояла,
Я твоему сыну всю правду сказала.—
„Я-ж тебе брала, да й не хотила браты;
Ты сама знала, чым сына чароваты.„
— Бодай же ты не знала од синей до хаты,
Ой як я знала, чым сына чароваты.

(Глухов.)

Галочко-ж, галочко моя чорненька!
Скажы галочко: де моя мыленька?
— Твоя мылая в лузи над водою,
Умывается гарячею слизою,
Утырается зильячком крушыною,
Утишается малою дытыною,
Выхваляется вирною дружыною. —
Прыйшла свекруха невихну побужаты:
— Вставай, невихно, вставай ты молодая!
Подій коровы, що вид батька нагнала,
И ти овечкы, що маты дарувала! —
„Ой на що-б маты, сым очи выбываты?
Я твого сына не сылувала браты,
Я з твоим сыном ввесь вечир проходыла,
Я з твоим сыном си речи говорыла:
Не сватай мене, в мене коров немае;
В мене коровы — чорненькіи бровы,
В мене овечкы — ласкавіи словечкы!„

(Изюм.)

— Ой умру я, мій мыленькый, умру;
Зробы мени з клын-дерева труну!

— Ой де-ж, мыла, клын-дерева взяты?
Будеш, мыла, в дубовій лежаты!
— Ой надинь, мылый, лянную сорочку,
Зховай мене в вышневим садочку,
Насып, мылый, высоку могылу,
Та й посады червону калыну;
На калыни будуть зозули куваты,
Воны мени будуть правдоньку казаты.—
Мій мыленький по садочку ходыть,
Одно дытя за рученьку водыть,
А другее на рученьках носыть:
Разхылиться, калынови виты;
Пріймы, мыла, хоть малій диты!
— Ой не хочу я дитей прыйматы,
Будеш, мылый, и сам годуваты!
— Ой чи велыш, мыла, женытыся,
А чи велыш журытыся!
— Ой не велю-ж я, мылый, журытыся,
А велю-ж я женытыся;
Та не велю удивонькы браты,
Бо не буде дитей годуваты! —
Обизветься вдова по тим боци моря:
— Беры-ж мене козаченьку;
Та я буду калыну ламаты,
Буду твоих дитей годуваты! —
Обизветься мыла, мыла й чорноброва:
— Бодай-же ты, вдово, вдово, й не диждала,
Щоб ты сюю калыну ламала,
Щоб ты моих дитей годувала!
Продай, мылый, з скрыни тканку,
Та наймеш мамку й няньку:

Бо ти-ж будуть дитей годуваты,
Тебе-ж, мылый, будуть зодягаты.

(Гадяч.)

Ой умру, мій мыленький, умру,
Зробы мини кедровую труну.
— Ой де-ж, мыла, кедрыны достаты?
Будеш, мыла, и в сосновій лежаты! —
„Высып, мылый, высоку могылу,
Да посады червону калыну;
Як калына буде процвитаты,
Мини буде легенько лежаты.
Продай, мылый, рябую корову,
Годуй дитей, чыны мою волю;
Продай, мылый, червону запаску,
Родуй дитей, чыны мою ласку!„

Ой в недилю раяным-пораненьку,
Я-ж думала що сонечко сходыть,
Я-ж думала, що яснее сходыть:
Аж мій мылый по садочку ходыть,
Двоих диток за собою водыть,
Маленькее на рученьках носыть,
Жалибненько свою мылу просыть:
Устань, мыла, устань, дорогая!
Росплакалась дытына малая.
— Нехай плаче, вона перестане —
Вже-ж матюнка до вику не встане.
Нехай плаче, воно перебуде;
Вже-ж матюнкы до вику не буде!

(Глухов.)

Ой по-пид гайом, гайом зелененькым,
Ой там ходыла мылая з мыленькым.
„Ой мій мылый, ой мій мылый друже,
Болыть в мене головонька дуже;
Ой болыть, болыть, подобно я умру:
Гей, зробы мени з цыдрыны трумну.„
— Где-ж тоби, мыла, цыдрыны взяты?
Будеш, моя мыла, в дубовій лежаты.—
„Гей продай, мылый, коня вороного,
Та купы мени полотна тонкого,
Гей скажы вышыты тонкую сорочку
И поховаты в вышньовим садочку.
Скажы высыпаты высоку могылу
И посадыты в головках калыну;
А ты будеш по саду ходыты
И другую мылу за руку водыты:
— Ой що то, мылый, що це за могыла,
Що я свои били нижкы об еи побыла?
— Ой моя мыла! то тая могыла,
Що в неи лежыть перша моя мыла.
— Ей було, Петре, в саду не ховаты,
Гей було ій сорочкы не даты,
Було обвертиты в подрану рядныну,
Було ій вывезты у степ на долыну.
— А щоб-же ты, жинко, того не дождала,
Щобы моя перша на степу лежала!—
Ей там у садочку по могыли хожу
И мале дытя на рученьках ношу:
„Гей устань, мыла, першая дружына,
Бо за тобою вся худоба гыне!„
— Ой нехай гыне, нехай пропадае:

Ой маеш ты жинку, нехай помагае! —
„Гей устань, мыла, першая дружына,
Бо за тобою маліи диткы плачуть.„
— Ой нехай плачуть, — воны перестануть,
Бо вже мои били ручкы да до ных не встануть:
Ой рада-б же я их та на рукы взяты —
Сыра земля навернула, не могусь пидняты. —

(Васильков.)

О мій мылый друже, не бый мене дуже,
Бо я буду слаба лежаты в недузи.
Ой як я буду в недузи лежаты,
То прошу, мій мылый, мене одвидаты.
Ой умру-ж бо я, мій мыленькый, умру;
Зробы мени с кедрыноньку труну . . .
Де-ж тоби, мыла, с кедрыны набраты?
Будеш, моя мыла, в сосновій лежаты.
Дасте на мене шытую сорочку,
Поховаете мене в вышньовим садочку.
Де-ж тоби, мыла, шытои узяты?
Будеш, моя мыла, в плоскинній лежаты.
Высыпте-ж на мене высоку могылу,
Посадить в головках чирвону калыну;
Як будеш, мылый, другу жинку браты,
То прыйды до мене калыны ламаты.
А в недилю рано, ще й сонце не сходыть,
А вже мій мыленькый по садочку ходыть.
Ой устань, мыла, устань, чорнобрыва,
Бо вже за тобою вся худоба гыне.
Нехай гыне, нехай пропадае;
Побачать люде як друга надбае.

Устань, мыла, устань, чорнобрыва,
Плаче за тобою малая дытына.
Нехай плаче, нехай перестане—
Вже моя головка до його не встане! . . .

(Житомир.)

Як прыйхав мій мыленький с поля,
Та й заплакав крый коника стоя:
Десь ты, мыла, лежала недужа,
Що не выйшла до своего мужа?
Ой умру я, мій мыленький, умру,
Зробы мыни тисовую труну,
Высып на ій высоку могылу,
Сады на ій червону калыну:
Як калына буде процвитаты—
Мыни буде легепько лежаты.
Ой у саду дрибен дощык имжыть,
Мылесенькый до мылои бижыть:
Ой розступысь ты, сырая земле,
Прыймы мене, мылая, до себе!
Ой рада-б я до себе прыняты,
Дак хто-ж буде диток годуваты?
— Ой є в мене старенькая маты—
Вона буде диток годуваты,
Ой хоть буде вона годуваты,
Да все не так, як ридная маты . . !
Продай, мылый, червону запаску—
Годуй дитей, чыны мою ласку;
Продай, мылый, рябую корову—
Годуй дитей, чыны мою волю!

(Глухов.)

Ой прійхав козаченько з поля,
Прывязав коня беля порога,
Сам став й задумався край коня.
— Ой ты-ж, моя головонько, бидна!
Чогось моя мыленька поблидла!
Чи я ій по лыченьку вдарыв,
Чи я ій здоровья умалыв? —
„Ни, мій мылый, ни, мій мылесенькый!
Ой ты-ж мене по лычку не вдарыв,
Ой ты-ж мени здоровья не вмалыв!
Ой умру я, мій мыленькый, умру;
Зробы мени тесовую труну,
Зховай мене в вышневим садочку,
На своему, мыленькый, слидочку.
Будеш, мылый, по садку ходыты,
Мылых диток на руках носыты,
Будеш, мылый, мыленьку будыты:
Ой встань, мыла, моя господыня;
Зацвила твоя червона калына,
Зхылылыся калынови виты,
Розплакалысь маленькій диты . . . .
Було-б мылый, давно шануваты,
Ниж тепера из гроба вертаты.„

(Харьков.)

Зробы мени ялынову труну.

Высып, мылый, высоку могылу,
Та посады червону, калыну:
Уродються велыкій виты
Забавляты маленькій диты.
Озвалася неридная маты:

— Ой хто мае диток доглядаты,
До той буде си виты ламаты —
Малых диток буде забавляты. . .—
Будеш, мылый, по садочку ходыты,
Одно дытя на руках носыты,
А другее за ручку водыты,
Буде третєе слидом ходыты;
Будеш, мылый, серденько, просыты:
Устань, мыла, устань, дорогая;
Уже плаче дытына малая.
— Ой не встану, мій мылый, не встану,
Твоих диток малых не догляну.

(Канев.)

Ой гай, маты, гай,
Або мене за-миж оддай!
Та не давай мене за пьяныченька.
Оддай мене, мамо, за козаченька,
Оддай за козаченька до добрых людей.
Поважай-же, доненько, свою воленьку,
Та не попадайся в неволеньку,
В такую, як я.
Поважала' свою воленьку,
Та попалась у неволеньку
Ще гирш, а-ниж ты.
Колы-б-же вин, матинко, пыв, —
Прійдучы додому та не быв,
Та я-б була, матинко, молоденька,
Як у садку дерево зелененьке,
На дереви ягидка червоненька!
А то-ж вин, матинко, усе пье,

Прыйде додому, мене бье:
Того-ж я, матинко, зажурылася,
Та в таким гори изнурылася,
Та стала стара, як маты моя.

(1) Въ спискѣ: подала.

(Изюм.)

Головонько моя бидная!
В мене маты та неридная:
Посылае рано по воду
Незобуту, незодягнуту,
Головочку не обьязану, —
Тилько лычком пидперезану.
Итты мени через батькивский двир;
Побачыла ридна матинка:
„Не плач, доню, ни на батька свого,
Не плач, доню, ни на матинку, —
Заплач, доню, та на свою волю:
Вона пидвела тебе в неволю.„

(Изюм.)

1 Да кохав мене батько, як билу тополю,
Оддала мене маты в тяжкую неволю.
Ой же, маты, що ты гадала,
Що за нелюба замиж давала[1]!
Було не рубаты у поли тополи,
Було не свататы мене молодои.
Ой же, маты, що ты гадала,
Що за нелюба замиж давала!
Було не рубаты в садоньку вышни [2],
Було не свататы, колы не пид мысли [3].

11 Ой же, маты, калыновый цвит,
Що завъязала за нелюба свит!

Варіанты: (1) Ой маты, маты! що ты гадала . . .
(2) У садочку вышни . . . зеленои вышни . . .
(3) Колы не до мысли . . .

(Глухов.)

1 Десь ты мене, маты, на мисти купыла,
Що ты мене, маты, навикы втопыла!
Ой маты, маты, що ты гадала,
Що за нелюба свит завъязала!
Та було-б не рубаты зеленого дуба;
На що було браты, колы я нелюба.

11 Та було-б не рубаты зеленого гаю:
На що-ж було браты из иншого краю!
Ой маты моя, калыновый цвит,
Що завъязала за нелюба свит;
Лучче мени, маты, гаряч писок исты,
Ниж из нелюбом вечеряты систы!
Ох маты моя, що ты гадала,
Що за нелюба свит завъязала.
Лучче-ж мени, маты, тяжкый каминь зняты,
Ниж за нелюбом та вик карататы!

(Харьков.)

„Горе мое, горе, нещасная доля!„
Выорала дивчынонька мысленькамы поле,
Карымы очыма та й заволочыла,
Дрибненькымы слизонькамы все поле зросыла:
„Десь ты мене, моя маты, в церкву не носыла,
Що ты мыни, моя маты, доли не спросыла.
Десь ты мене, моя маты, в барвинку купала,
Купаючы заклынала, щоб доли не мала.„

— В церкву я ходыла, Богу молылася;
Така тоби, моя доню, доля судылася. —

(Черниг.)

Десь ты мене, маты, в барвинку купала,
Купаючы проклынала, щоб доли не мала.
„Проклынала, доню, тогди твою долю, —
На гору йшла, тебе несла, ще й воды набрала.„
— Було-б тоби, маты, водыци не браты,
И моеи щастя-доли да й не проклынаты. —
„Ще я тогди, доню, долю проклынала,
Як у степу пры дорози пшеныченьку жала,
Пшеныченьку жала, снопа заробляла,
А ты мини, моя доню, спаты не давала.„
— Було-б тоби, маты, пшеныци не жаты,
И моеи щастя-доли да й не проклынаты. —
„Ище тогди, доню, долю проклынала,
Мала ничка — петривочка, я всю нич не спала,
Всю ничку не спала, тебе колыхала,
Тогди твою, моя доню, долю проклынала.

(Глухов.)

Було-б тоби, маты, та й не колыхаты,
И моеи счастя-доли да й не проклынаты.

(Золотонош.)

„Чы ты чула, матусенько, як я в тебе була,
Пид напильным виконечком як голубка гула?„
— Ой хоч чула, хоч не чула, не озывалася;
Я на тебе, дытя мое, не сподивалася. —
„Десь ты мене, моя маты, в барвинку купала, —
Купаючы прымовляла, щоб доли не мала.„
— А я тебе, дытя мое, в любыстку купала, —
Купаючы прымовляла, щастья даровала.

Тоди-ж тебе, дытя мое, дуже проклынала,—
У поли йшла, тебе несла, ще й водыцю брала.—
„Було-б тоби, моя маты, в поле не носыты;
Исповывшы, положывшы лягай, доню, спаты!

(Конотоп.)

„Пусты мене, маты, в поле жыта жаты:
Буду жаты и въязаты, доленьку шукаты.„
— Ой не пущу, доню, щоб ты не заблудыла;
Бо ты, доню, свою долю на вик загубыла.—
„Пусты-ж мене, маты, у луг погуляты:
Буду бигать и гуляты, доленьку шукаты.„
— Ой не пущу, доню, щоб ты не заблудыла;
Бо ты, доню, свою долю давно загубыла.—
„Пусты-ж мене, моя маты, на ричку купатысь:
Буду плавать, пурынаты, доленьку шукаты.„
— Ой не пущу, доню, щоб ты не втонула;
Бо вже, доню, твоя доля давно потонула.—
„Пусты-ж мене, маты, у гай за грыбамы:
Буду шукать и збыраты, доленьку шукаты.„
— Ой не пущу, доню, щоб ты не заблудыла;
Бо ты, доню, свою долю давно загубыла . . .

(Кролевец.)

Котылася зоря з неба та впала додолу;
Ой хто мене молодую проведе додому? 2.
Проводь, проводь, козаченьку, проводь, не барыся,
Щоб за мною молодою ввесь мыр не журывся; 2.
Не так же мыр, не так же й рид, як ридная маты.
Пусты мене моя маты, в поле жыта жаты! 2.
Ой не пущу, моя доню, щоб не заблудыла:
Вже-ж ты, доню, свою долю давно загубыла. 2.

Пусты мене, моя маты, в лис орихив рваты:
Буду рваты, прорываты, доленькы шукаты. 2.
Пусты мене, моя маты, на море купаться:
Буду плавать, пурынаты, доленькы шукаты, 2.
Вже я тебе, моя доню, в купели купала;
Тогди, доню, твою долю дуже проклынала.

(Харьков.)

Налетилы голубы из чужои стороны,
Силы, палы голубы у вдивонькы у двори,
У вдивонькы у двори, та жалибно загулы.
Не гудите, голубы, не клопочить головы,
Бо я вдова молода, наклопочу я й сама.
Ходе удивонька по полю та збирае родыну,
Та не найшла родыны, найшла в поли былыну.
Найшла в поли былыну, матусыну могылу;
До могылы прыпала, матусенькы гукала.
Ой куды ты, доню, йшла, що ты мене тут найшла —
Чы чорною хмарою, чы дрибненькым дощыком,
Чы тыхою водою? жывы-ж, доню, з бидою:
Жывы, доню, як жывеш, бо ты мене не зведеш!..

(Ромен.)

1 Ой загуду, загуду, у сим сели не буду!
Бо в сим сели ворогы кругом мене обляглы:
Куда пиду — не люблять, из кым стану — осудять.
Наленулы голубы из чужои стороны . . . .

(Гадяч.)

Лае мене матусенька,
Та хвалыться мене быты,
Посылае на Вкраину жыты.
На Вкраини все чужіи люды.

Ой там мени родыны не буде,
Та не буде й ридного никого.
Ой у поли стоить два дубочкы,
Схылылыся верхы до купочкы;
То то-ж мои ридніи браточкы.
Ой у лузи зеленая груша;
То-ж мій отець, то-ж моя матуся.
Ой у лиси зацвилы кошыци;
То-ж мои ридніи сестрыци.
Ой у лиси билый цвит ожына;
То-ж моя вирна дружына.

(Острогожск.)

Сама не знаю, чом доленькы не маю!
Прокляла маты малою дытыною;
З кым вирно любылась, не стала дружыною.
Ох пойду я не берегом, лугом
Чы не зострынуся з несуженым другом:
„Здоров був, луже, мій несуженый друже!„
Здорова, дивчыно, мы любылыся дуже:
Ты-ж мене любыв, я в тебе кохалася;
Ты-ж мене покынув, я сама зосталася,
З малымы диткамы горенька набралася . . .
Диточкы-ж мои! горенько мени з вамы,
Що не маеться батенька над вамы.
Матинко наша! не журыся ты намы;
Як поростемо, пійдемо у наймы.
Буде нас, маты, по горах, по долынах;
Буде нас, матинко, по чужых украинах;
Будем мы, матинко, по чужым людям годыты, —
Будуть нас, матинко, чужи люди судыты.

Сама не знаю, як ворогам годыты:
Чи у билому, чи у чорному ходыты.
Ходыла-б у билому, дак скажуть: чепуриться!
Ходыла-б у чорному, дак скажуть: ледащыця!

(Конотоп.)

Ой березо, березо, 2.
Не стій край дорогы, 3.
Ой не шумы по дуброви.
Бо я тудою йтыму 2.
До батенька у гостыну, 3.
До матинкы на пораду:
Ой порадь мене, маты, 2.
Як мени на свити жыты, 3.
Як нелюбому годыты:
Ой годы, доню, годы, 2.
Та добре тоби буде, 2.
Завыдоватымуть люде.
Ой пойду-ж я до братка,
Ой пойду я до братка —
Аж у братка нова хатка,
Нова хатка на помости; 2.
Йде до братка сестра в гости.
Сестра воритця одчыняе, 2.
Брат до жинкы промовляе;
Ховай, жинко, хлиб из стола,
Бо йде в гости сестра моя;
Ховай, жинко, тарилкы;
Бо схоче сестра горилкы.
Ой стій, братко, не лякайся, 2
Хлибом-сильлю не ховайся,
Бо я в-дома обидала,

Абы братка одвидала.
Не так братка, диток твоих, —
Що не мала зроду своих . . .

(Житомир.)

„Ой ты братику, зайвороночку, пусты мене у сосиды!„
— Ой ты сестрыце, перепылыце, колы маеш диток много [1].—
„Ой ты братику, зайвороночку! я истыму—гадаю—
Як ты сядеш обидаты, я диток порозсылаю.
Идить, диточкы, идить, маленьки, в садок ягодок рваты,
Бо вже мій братко зайвороночок сидае обидаты.
Ище диточкы, ище маленьки ягодок не нарвалы, —
Вже мого братка зайвороночка за столом не засталы.„
— Чого сестрыце, перепелыце, слизкамы умываешся? —
„Того братику, зайвороночку . . . диток цураешся!
Ты-ж мій братику, зайвороночку, не цурайся мене!
Хоць сывою зызуленькою то накажы до мене,
Хоть сывою зызуленькою, або соловейком —
То вин мени розвеселыть мое бидне серденько!„

(1) Т. е. какъ мнѣ это сдѣлать, когда у тебя много дѣтей, некуда их дѣвать.

(Житомир.)

Що брат из сестрою по садочку ходыть;
По садочку ходыть, стыхенька говорыть:
Отдай мене, брате, в чужую деревню,—
В чужую деревню, миж велыку сéмью,
Де багато дила, щоб я поробыла,
Свекру и свекруси дилом угодыла,
И до тебе, брате, у гости ходыла.
Жде брат недиленьку, жде брат и другую;
На третюю сам брат до сестрыци йде . . .
А сестра не пышна протыв брата выйшла,

Ворита дчыняе, стыха промовляе:
„Ой пойдьмо, брате, свичок куповаты:
Щоб перва горила, як я заболила;
А друга палала, як я умирала.„
— Оце тоби, сестро, чужая деревня,—
Чужая деревня, велыкая сéмья,—
И багато дила, ты й не поробыла . . .
Свекрови, свекруси дилом не вгодыла! . .

(Конотоп.)

А в недилю рано во вси дзвоны дзвонять:
Там брат из сестрою по рыночку ходять,
По рыночку ходять та радоньку радять:
Сестро-ж моя, сестро, час тя замуж даты!
„Отдай мене, брате, не за селянына,
Отдай мене, брате, та за мищанына;
Бо у мищанына новая деревня,—
Новая деревня, велыкая сéмья.
У новій деревни люблю прохожаты,
У велыкій семьи люблю розмовляты.„
Ой у мисти, в мисти, на новим помости,
Ой там прыижжае брат до сестры в гости:
Сестро-ж, моя сестро, чи дуже здорова?
„Не пытайся, брате, чи дуже здорова;
Запытайся, брате, яка моя доля:
Шовковая хусточка в ручках моих стлила,
Нагайка-дротянка кровъю обкыпила!„
— Ото-ж тоби, сестро, новая деревня,—
Новая деревня, велыкая сéмъя! . .
У новій деревни любыш проходжаты,
У велыкій семьи любыш розмовляты!

(Бердичев.)

— Що ты, мылый, думаеш-гадаеш,
Лыбонь мене покынуты маеш? —
„По чим мене мыла прымичаеш?„
— По тим, мылый, тебе прымичаю:
Рано встаеш, коня наповаеш,
Зеленого синьця пидкладаеш,
Жовтенького вивса пидсыпаеш;
В синечкы йдеш — сидѣльця пытаеш,
В свитлычку йдеш — важенько здыхаеш. —
Ой у порога ревнула корова . . .
„Зоставайся, мылая, здорова!„
Ой ревнуло ще й мале телятко . . .
„Зоставайся ще й мале дытятко!„
Ой ревнула корова из череды йдучы;
Наскучыло мыленького ждучы:
Мылая з хаты выбигала,
Свого мылого за стремено хватала:
— Ой верныся, мій мылый, верныся!
Варенои горилкы напыйся . . .
„Не вернуся мыла, не вернуся, —
Я в дорози сырои напьюся.„
— Ой не идь же, мій мыленькый, нызом,
Закыдана дориженька хмызом. —
„Есть у мене коник вороненькый, —
Перескочыть той хмызок дрибненькый.„
— Ой у поли вовкы та лысыци . . . —
„Ой то-ж мои браття та сестрыци!„
— Ой у поли чорный ворон кряче . . . —
„То-ж вин мою голову бачe . . .„

(Сообщилъ Н. В. Гоголь.)

Ой не пу́гай, пугаченьку,
В зеленому байраченьку!
—Ой як мини не пу́гаты,
Що нигде мини прожываты,
Що все горы да долыны?—
Да йшла вдова долыною
Из малою дытыною,
Сила вдова отдыхаты.
Плаче вдова и рыдае,
Що пана [1] в ии немае.
Сыдыть орел над водою,
Розмовляе з удовою:
Не плач, удово, не журыся;
Ой я твого пана знаю,
Трейчы на день попас маю,
А снидаю й обидаю,
Полудную й вечеряю,
Биле тило выщыпую,
Жовти кости розношую
Ой по горах, по долынах,
По шырокых байраченьках.

(1) Мужа, хозяина.

(Глухов.)

Стала вдова спочываты
И дытыну годуваты,
Ох из дытыною розмовляты:
Дытя мое маленькее!
Де мы будем спочываты,
Твого батенька шукаты?
Ты вдовонько прекрасная!
Доля твоя нещасная!

Чом ты мене не пытаеш?
Що я твого мужа знаю:
Трычы на день налитаю,
На кучери наступаю,
Й очи з лоба выбираю,
Червону кров выпываю,
Жовтеньку кисть розкыдаю!

(Золотоноша)

Жовтеньку кисть розношаю
Да по горах, по долынах,
Все по чужых украинах.

(Лебедин.)

Да пыла, пыла Лемерыха на меду,
Да пропыла свою дочку молоду:
— Ой хто купыть цебер меду и вына,
Того буде Лемеривна молода.
Обизвався Шпандыбенко на меду:
— Ох и я куплю да Лемеривну молоду!
Ох и я куплю цебер меду и вына,
Да нехай буде Лемеривна вже моя!—
У недиленьку да ранесенько до сонця
Ой плакала да Лемеривна в виконця.
— Ой загыну, моя матинко, загыну!
Я-ж не люблю Шкандыбенка, покыну.
Наступае, моя матинко, темна нич,
Ой покыну Шкандыбенка, пійду прич.—
„Колы любыш, моя доненько, винчайся,
А не любыш, дытя мое, цурайся.„
Ой як пишла да Лемеривна горою,
А за нею Шкандыбенко в погоню.

Ой догнав вин Лемеривну да й не бъе,
Тилько-ж ін вин словечкамы картае:
— Ой чого-ж ты, Лемеривно, пишкы йдеш?
Да чи ты в мене вороных коней не маеш?—
„Ой хоч-же есть вороныи кони, то твои,
Да и сам молод не до мыслонькы ты мини.„
Ой чого-ж ты, Лемеривно, боса йдеш?
Десь у тебе черевычкив не маеш?—
„Ой хоч-же есть черевычкы, то твои,
Да и сам молод не до мыслонькы ты мини.„
— Ой чого-ж ты, Лемеривно, в свыти йдеш?
Да чи в мене дорогых суконь не маеш?—
„Ой хоч-же есть дорогіи сукни, то твои,
Да и сам молод не до мыслонькы ты мини.„
— Ой чого-ж ты, Лемеривно, сама йдеш?
Да чи ты в мене молодых слуг не маеш?—
„Ой хоч же й есть молодіи слугы, то твои,
Да и сам молод не до мыслонькы ты мини.„
Ой побигла Лемеривна тернамы,
А за нею Шкандыбенко конямы.
„Ой дай мини, Шкандыбенку, гострый ниж,
Повыйматы чорный терен з билых ниг.„
Не влучыла Лемеривна в ниженьку,
Да влучыла Лемеривна в серденько:
„Кыпы, кыпы, мое серденько, на ножи,
А ниж в того Шкандыбенка на двори!„
Ой як узяв тую Лемеривну до двора:
— Ой одчыняй, моя матинко, ворота,
Я везу тоби невисточку пьяненьку.—
„Ой од чого, мій сыночку, впылася?
Ой од чого, дытя мое, впылася?„

— Ой упылась, моя матинко, од ножа,
А заснула, моя матинко, крый коня. —
„Ой не везы у двир іи, не везы,
Да везы-ж іи, мій сыночку, до тещи.„
— Ой одчыняй, моя тещенько, ворота,
Я везу тоби дочку твою пьяненьку. —
„Ой од чого, мій зятеньку, впылася?
Ой од чого, дытя мое, впылася?
— Ой упылась, моя тещенько, од ножа,
А заснула, моя тещенько, край коня. —

(Прав. и лѣв. стор. Днѣпра.)

Оженыла маты неволею сына,
Да взяла невистку да й не до любови: 2.
Не билее лыченько, не чорныи бровы!
Ой послала сына у путь у дорогу,
Молоду невистку в поле браты льону;
Ой як посылала, да ще й прыказала:
Не выбереш льону, то не йды додому! —
Не выбрала льону, не пишла додому,
У чыстому поли да й заночувала, 2.
До билого свита тополею стала.
Як прыйхав сыне з пути, из дорогы,
Вклонывся матуси нызенько й у ногы:
Маты-ж моя, маты! щось маю казаты;
Ой выиздыв, маты, усю украину, — 2.
Не бачыв тополи, як на своим поли!
Тонка та высока, та лыстьйом шырока;
Без витроньку мае, без сонечка сяе . . .
Ой выгостры, сыну, гострую сокыру,
Да пойдь у поле — изрубай тополю, 2.

Тонку та высоку та лыстьйом шыроку.
Як прыихав сыне до тіи тополи:
Як цюкнув же раз, вона зашаталась;
Як цюкнув у-друге, вона похылылась;
Як цюкнув у-третє, — та й заговорыла: 2.
Ой не рубай мене, бо я твоя мыла . . . 2.
Се-ж твоя матуся нам так поробыла!
Що тебе послала у путь, у дорогу,
А мене послала в поле браты льону;
Ой як посылала, да ще й прыказала:
Не выбереш льону, то не йды додому!
Не выбрала льону — не пишла додому:
У чыстому поли да й заночувала,
До билого свита тополею стала!

(Золотонош.)

Ой я молодая сюю ничку не спала,
Ой я свого мыленького из гуляньнячка ждала.
А вже-ж свит бленький, идé додому мій мыленький:
Головонька змыта и кошуленька била.
Да не йде у свитлоньку, да йде просто у станеньку;
Не говорыть зо мною, да говорыть з конькамы.
„Ой коню-ж мій, коню, да порадь-же ты й мене!
Хочу йхать тобою прич из чужою жоною.„
— Ой пане-ж мій, пане, ты-ж молодый розум маеш,
Що свою жону покыдаеш, а з чужою прич гадаеш.
Маеш свою жону, ох и дрибныи диткы,
А чужіи зряжаеш як рожови квиткы! —
А вин коня не послухав, осидлав коня да поихав.
Да йдуть воны поле, да йдуть другее;
На третьому поли сталы воны спочываты; 2.
Ой став чужый муж у чужои жоны пытаты:

Ой послухай, чужа жоно! чы дубривонька гуде,
Чы дубривонька гуде, чы мылая в погонь йде?
Чы соловьи щебечуть, чы то-ж мои диткы плачуть?
Не дубривонька гуде, то мылая в поли йде;
Не соловьи щебечуть — ой то-ж мои диткы плачуть!
Бижы, чужа жоно, по полю купою!
А ты, кинь вороный, стань зелененькым явором!
А я ляжу молод козак да билесенькым каменем!„
Да бигла жона, бигла, да на камени сыла . . .
Да на камени сила, жалосненько заплакала! . .
— Ой щоб сим каменю тут тяжко-важко лежаты, —
А ще-ж мени тяжче й важче из диткамы гореваты! . .

(Радомысль.)

Ище сонце не зыходыло,
Щось до мене да прыходыло.
Прыходыла моя матюнка,
Прыходыла моя ридная,
Порадонька моя вирная.
Вона в мене не обидала,
Тилько мене да одвидала;
Вона в мене не полуднала ',
Тилько мене прыголубыла;
Вона в мене не барылася,
Тилько сила, пожурылася!
Проведу я свою матюнку,
Проведу я свою утюнку,
За тры шляхы за шырокiи,
За тры лисы за высокiи,
Сама стану пид калыною
Из маленькою дытыною.
Озырнеться моя матюнка,

Озырнеться моя ридная,
Порадонька моя вирная:
„Чого стоиш, моя доненько?
Чому не йдеш да до-домоньку?
Чы травыця ногы спутала,
Або роса очи выбыла?„
— Не травыця ногы спутала,
И не роса очи выбыла;
Зпутало мене замужьечко,
Невирнее мое подружьечко.

(') Полудновала.

(Глухов.)

Вона в мене не вечеряла,
Вона в мене не обидала,
Тилько мене да одвидала.

За тры лисы за высокіи,
За тры степы за шырокіи,
За тры ричкы за глыбокіи . . .

Оглянеться моя матинка,
Оглянеться моя ридная:
„Чого стоиш, моя доненько?
Чи попалася в неволеньку?
Чи хмелына нижкы спутала,
Чи тонкая паутыночка?„
— Ни хмелына, ни хмелыночка,
Лыш невирная дружыночка. —

(Гадяч.)

За гиронькы за крутенькіи,
За лисонькы за густенькіи;
Сама сяду пид калыною
Из маленькою дытыною.

— Чого-ж, доню, ты осталася?
Чы хмиль, доню, головоньку клоныть,
Чы дытына билы рукы ломыть? —
„Хмиль, маты, головкы не клоныть,
И дытына билых рук не ломыть,
А мини мылого словечко доходыть.„

(Конотоп.)

18 Моя маты оглядается,
Слизонькамы облывается . . .

(Глухов.)

6 Вона в мене не вечеряла,
Тилько мене запечалыла;
Вона в мене не обидала,
Тилько мене да одвидала;
Вона в мене не полуднала,
Тилько мени та занудыла;
Вона в мене и не снидала —
Головонько моя бидная!
Изпощу я сюю пьятинку,
Проведу я свою матинку,
За дви горы та высокіи,
За два яры та глыбокіи . . . .

(Радомысль.)

Жона мужа выряжала,
Выряжаючы проклынала:
— Бодай йхав, не дойхав,
Щоб йому кинь горою став,
А шабелька дорогою,
А шапочка купыною.

Сыни сукни чыстым полем,
А сам молод яворонькомъ! —
Пишла вдова в поле жаты;
Стала хмара набигаты,
Да й став дощык накрапаты . . .
Пишла вдова пид явора:
— Яворонъку зелененькый!
Прыкрый диты сыритонькы! —
„Ой и я-ж не яворонько,
Я-ж тым дитям да батенько:
Згадай, як мене выряжала,
Выряжаючы проклынала!

(Глухов.)

Ой не литай, сира утко, до озера воды пыты:
Засидають два стрельчыкы, хочуть тебе вбыты.
— Ой як мыни не литаты до озера воды пыты?
Есть у мене на озери маленькiи диты,
В мене диты малолиты, не здужають в степ летиты.

Ой не ходы, удивонько, на цвынтарь тужыты:
Засидають два диверкы, хочуть тебе вбыты!
— Ой як мыни не ходыты на цвынтарь тужыты?
Положыла мыленького, зосталыся мали диты,
Мали диты, малолиты, ни з кым мыни в свити жыты!...

ПѢСНИ ЖИТЕЙСКІЯ.

ПОМИНАЛЬНЫЯ ПЛАЧИ И ПРИЧИТАНІЯ.

Плач матери над дытыною.

Дытынко мое, галочко мое,
Яблучко мое, сахарнее мое,
Откотылося, отщепылося
Ты од мене!

(Остер.)

Плач дитей над матерью.

Моя матинко ридненька!
Ой на що-ж ты нас покыдаеш, сыриток?
Ой видкиль нам тебе дожыдать, из якои стороны?
Ой колы нам тебе сподиваться,
Шоб нам ик тоби прыбраться?
Чи к Риздву, чи к Великодню, чи к Святій недили?
Ик Риздву стежкы позамитае,
К Великодню воды порозлывае,
А к Святій недили травою позаростае,
И николы тебе не сподиваться!

(Гадяч.)

Плач дочкы над могылою матери.

Ой ненько моя ридненька, зозуленька, сывая голубонько! На-що ты мене нещасну бросыла, на-що-ж ты мене, моя

ненько, безщасну покынула? Чи я свое щастя в недилю проснидала, чи я свое щастя в пьятныцю проспивала! . .

Моя доля безщасна, моя доля безталанна; мынулася моя доля и воля без моеи ненькы ридненькои; не стало моеи зозуленькы! Никому мене тепер пожаловаты, никому тепер зо мною ласкового слова казаты!

Встань, моя матинко! встань, моя риднесенька! Прыкажы мыни, мамочко, що робыты? мов слова ласкови, мов слова прывитлыви!

Не чуеш, моя родытелько, не чуеш ты мене, моя риднесенька! Одходылы твои ниженькы, одробылы твои рученькы, оддывылысь твои оченькы. Не чуеш, моя ненько, прогнивалась? занимилы твои губочкы, заплющылысь твои оченькы, закрипылысь твои реченькы!

Що-ж ты так крипко розгнивалась на мене, моя ненько, що и не хочеш зо мною слова казаты? Що-ж ты мыни, моя ненько, не казала, як мыни горе гореваты? Що-ж ты, моя ненько, не казала, видкиль нам тебе выглядаты? Из якои стороны и колы нам тебе в гости ждаты? Чи к Ризду? снигом занесе! Чи к Велыкодню? водою залье! Чи к Святій недилоньци? травою заросте! Як не будеш к Мыколи, то не будеш николы! так вси твои тропкы и дороженькы заростуть . . .

Колы буде зозуля коваты, я буду еи пытаты: чи не бачыла моеи ненькы ридненькои? Скажы ій, зозуленько, як мни тошно, як мни гирко без ненькы жыты! Хто завыдыть, той мене, сыротоньку, зобыдыть, — а зозуленька не буде правды казаты!..

Ой ненько моя риднесенька! На-шо ты, моя ненько, безщасну мене покынула? Де-ж, моя ненько, тепер мыни щастя шукаты? Чи мое щастя в огни згорило, чи в води потонуло, чи мое щастя витром роздуло? —

(Записано въ Саратовской губерніи.)

ПѢСНИ ГОДОВЫЯ.

ВЕСНЯНКИ.

Первая встрѣча весны.

Зрынулася водыця з Дунаю,
З Дунаю тыхого, бережку крутого.

(Черниг.)

* * *

В танку.

Поставлю я хыжку,
Там, на вырижку.
Выступцем тыхо йду,
А вода по каменю, а вода по билому
Ище й тыхше.
Засвичу я свичку,
Пиду через ричку;
Выступцем тыхо йду,
А вода по каменю, а вода по билому
Ище й тыхше.
Ой у тій хыжци парубочкы сыдять,
Постольци мостють;
Выступцем тыхо йду,
А вода по каменю, а вода по билому
Ище й тыхше.
А в комирци дивочкы сыдилы,
Хусточкы шылы;
Выступцем тыхо йду.

А вода по каменю, а вода по билому
Та й ще тыхше.
Пане Вышневецькій,
Воевода крецькій;
Та выведу танчык
Сама молоденька, сама молоденька,
По-нимецькый.

(Острогожск.)

* * *

Въ хороводъ въ день Благовѣщенія.

Дѣвушки берутся за руки:

Корогод велык, улыця мала.
Люлюшкы-люли, улыця мала!
Никуды витру проходыты!
Люлюшкы-люли, проходыты!
Все за бабамы, все за старымы.
Люлюшкы-люли, все за старымы!

Сплетаются вокругъ шей руками.

Заплитайся, плетинь, заплитайся,
Завывайся, труба золотая,
Заверныся, кума косатая . . . .

Расплетаются:

Росплитайся, плетинь, росплитайся,
Розвывайся, труба золотая,
Розверныся, кума косатая! . . .

Берутъ другъ друга за платье и растягиваются гусемъ:

Утка йшла по бережку,
Сирая по крутому,
Вела дитей за собою,

И старого и малого,
Середнього с-пид бильшого.
Пиды, утыця, додому,
Пиды, сирая, додому:
В тебе семеро дитей,
Осьмый селезень,
Девьятая утка;
Ворочайся хутко!

(Черниг.)

* * *

„Ой мы поле оремо, оремо,
Зеленая моя рутонька, жовтый цвит[1]!
Ой мы жыто сіемо, сіемо.„
— А мы кони пустымо, пустымо.—
„А мы кони займемо, займемо.„
— А мы кони выкупым, выкупым.—
„Ой що-ж вы нам додасте, додасте?„
— Ой мы дамо сто рублив, сто рублив.—
„Мы сто рублив не визьмем, не визьмем.„
— А дамо тысячу, тысячу.—
„Мы тысячи не визьмем не визьмем.„
— А мы дамо дивочку, дивочку.—
„За дивочку ни слова, ни слова;
За коныченькы да й з двора, да й з двора!„
— Пустите нас, пустите нас у двир погуляты.—
„Не пустымо, не пустымо, мосты поломыте!„
— А мы мосты поломымо, а мы Лумлю[2] построимо,
„Построимо, прич пойдемо . . . . . .»

(1) Повторяется послѣ каждаго стиха.

(2) Деревня, откуда происхожденіемъ пѣвица.

(Овруч.)

*

Ой мы нивку выйорем, выйорем;
Та й у лад ладом выйорем, выйорем.
Й а мы просом засiем, засiем;
Та й у лад ладом засiем, засiем.
Й а мы стадом запустым, запустым;
Та й у лад ладом запустым, запустым.
Й а мы стадо займемо, займемо . . . .

. . . Дамо мы вам дивочку, дивочку.
Та й у лад ладом дивочку, дивочку;
В золотому виночку, виночку,
Та й у лад ладом виночку, виночку.

(Лубн.)

* *
*

Ой пиду я в зеленый лис,
Выщыплю, выломлю кленовый лыст:
Ой напышу я грамотку,
Пошлю пислонькы до батенька:
Ой чи звелыть мыни гуляты,
Чи додому ступаты?
Гуляй, доненько, скилькы хоч:
Двичи молода не будеш!
Як замиж пидеш, забудеш;
Як стара станеш, згадаеш!

(Острогожск.)

* *
*

Дубовая дощечка, дощечка;
Там ходыла Галечка, Галечка.
Цебром воду носыла, носыла;
Дибривоньку гасыла, гасыла.

Килько в цебри водыци, водыци,
Тилько хлопцям правдыци, правдыци;
Килько в решети дирочок, дирочок,
Тилько хлопцям дивочок, дивочок!

(Житомир.)

* *
*

На провесни.

Ой городе, городе!
Куды ты стоиш воритьмы?
Чи на Дин, чи в подил,
Чи на улыцю шыроку,
Чи на долыну глыбоку?
А в Дону рожа стояла,
Пид тою рожею дивочка
Русую косу чесала,
Соби мылого бажала:
До мене, мыленький, до мене!
Завью я тоби квиточку,
Из рожевого цвиточку!

(Гадяч.)

Ой на подоли рожа стояла.

* *
*

Малая зиронька, малая;
С кым ты, Галочко, стояла?
С тобою, Васыльку, с тобою,
Пид зеленою вербою;
С тобою, Васыльку, молодцем,
Пид вышываным рукавцем.

(Радомысль.)

* *
*

Дунай танчок водыла.
Веде, веде та й стане,
На дивочок погляне:
Уси дивочкы в таночку,
Рожы-спажы немае.
Маты рожу чесала,
А чешучы навчала:
Донько моя рожонько!
Не становысь край Дунаечку!
Дунай зведе из ума;
За рученьку визьме,
Золот перстень издйме.

(Радомысль.)

*

Тума танчок водыла.
Що выведе, та й стане,
На дивочок погляне:
Чи вси дивочкы в таночку? –
Лыш роженькы немае!
Маты рожу чесала,
А чешучы навчала:
Доню моя роженько!
Як ты пидеш в таночок,
Не становысь край тумы:
Тума зведе з розума;
На пиженьку наступыть,
Червоный чобит покаля;
За рученьку издавыть,
Золотый перстень издйметь.

(Гадяч.)

*

1 Шума танчок водыла.
4 Чи вси дивкы в таночку?
6 Рожа дочку чесала.
Як чесала та й навчала:
Дочко моя роживно!
Не становысь протыв шумы!
Шума зведе из ума;
Били ручкы покаля,
Сырую кисть полама,
Перстеныкы познима.

(Гадяч.)

* * *

Весняночка-паняночка
Десь у садочку, шые сорочку;
Шые-ж вона, вышывае,
Свому мылому посылае;
Шые вона шовком, билью,
Свому мылому про недилю.

(Луби.)

* * *

С-пид билого да каменю руда вода капле,
А нашому Васылечку мандривочка пахне.
Мандруй, мандруй, да Васылечку од Лукы до Прылукы!
За им идé да Галочка, ламле били рукы.
— Вернысь, вернысь, да Васылечку, батенько вмирае . . .
. . . . . .
Що Васыльку колосочок купыв поясочок;
Пидперезав да Галочку, глядыть на станочок.
Ой и десь-же ты, да Галочко, с кудрявои мьяты!
С ким стояла, говорыла, пидкивонькы знаты . . .

(Черниг.)

*

Да вже весна, да вже красна, из стрих вода капле;
А вже тоби, вдовын сыну, мандривкою пахне.
Мандруй, мандруй, вдовын сыну, у чыстее поле!
За ным идé дивчынонька: верныся, сокóле!
Не вернуся, не вернуся, гордуеш ты мною;
Буде твое гордованья все перед тобою.

(Лубн.)

* * *

Не стій, дубе, пры дорози;
Там тоби, дубе, горе буде,
Як тій невистьци у свекрухы:
З ночи до ночи на роботи,
Прыйде до-дому у скорботи!
Стань соби, дубе, у садочку,
У хрещатому барвиночку!
Там тоби, дубе, добре буде,
Як тій донечци у матинкы:
З ночи до ночи у таночку;
Прійде до-дому у виночку,
У хрещатому барвиночку,
У запашному васылечку.

(Рядомысль).

* * *

Летила сорока з-высока,
Попускала пирья додолу:
Час вам дивочкы до дому!
А ты, дивонько, останься:
Прыйде козаченько винчаться!

(Остер)

* * *

Спивалы дивкы, спивалы,
В решето письни складалы,
Да й поставылы на верби.
Да де ся взялыся горобъи,
Да й скынулы письни до долу:
Час вам дивочкы до дому;
А ты Галочко, зостанься,
Да з Ивасем звинчайся!

(Остер.)

* * *

По-пид мостом, мостом, трава зеленіе,
А за хорошым мужем жона молодіе;
Да по-пид мостом, мостом, трава посыхае,
За ледачым мужем жена погыбае;
По-пид мостом, мостом, трепле рыба хвостом,
А я в тебе, моя маты, невелыка ростом.
Пусты мене, моя маты, на юлыци погуляты;
Пусты мене, моя маты, — я не забарюся,
Тилько хлопцив подражню, да й назад вернуся.

(Остер.)

* * *

Ой пид вербою не метено,
Пид зеленою не прометено.
Та устань, Галочко, ранесенько,
Обместы вербу чыстесенько!
Ой там Павлусь з крамом стане,
З хорошым крамом, обидцямы!
Всим дивочкам роспродае,
Дивци Галочци даром дае.

(Острогож.)

* * *

Що зирочка по хмарочци як бродыть, дак бродыть;
Що Васылько до Галочкы, як ходыть, дак ходыть.
Вже зирочци по хмарочци да не набродыться;
Васылечку до Галочкы да не находыться.
Що Галочка воду несе, коромысел гнеться,
А Васылець в оконечко як береза льеться . . .
Гныся, гныся, коромысел, да не переломыся;
Васылечку, серце мое, не плач, не журыся!

(Черниг.)

* *
*

Ой веселая весна да звеселыла уси гирочкы;
Да не так гирочкы, як долыночкы,—
Де парубочкы збиралыся,
Да на мед-горилку складалыся.
Да клады Васыльку бильше всих,
Бо твоя Наталка краща за всих . . .

(Черниг.)

* *
*

А в городи шафран, шафран;
Стоить Васылько як пан, як пан!
А коло його петрушечка,—
Стоить Галюся як душечка!

(Радомысл.)

* *
*

Ой вербо, вербо, вербыце!
Ты на распутьтячку стояла,
Ты далеко чула-бачыла:
Куда мій нелюбый пойихав?
Ой туды трава полегла',

И клен-дерево завьяло,
И мое серденько застряло!

Ой вербо, вербо, вербыце!
Ты на распутьтячку стояла,
Ты далеко чула-бачыла:
Куды мій мыленький пойхав?
Ой туды трава вже шовкова,
И клен-дерево зелено,
И мое серденько весело.

(') Або: вылегла. Примѣч. пѣвицы.

(Остер.)

* * *

Калыно-малыно!
Чы пры лузи стояла,
Чы пры лузи стояла,
Що ты чула-выдала?
Ой я чула-выдала,
Що зозуля ковала! . .

(Радомысль.)

*

Та летиды гусы рядком, рядком,
Та крыкнулы-ж воны разком, разком.
Та выйшлы люды дывыться,
Иде Петрусь женыться.
Сам же вин сыдыть на коныку,
Посадыв панночку у возыку;
Бье по коныку нагайкою,
А накрыв панночку серпанкою.

(Остер.)

* * *

Та дубривная та зозуленька;
Да не куй же рано у дуброви,
Да не збуды мене молодои:
Да избудять мене ранній тебе!
Що у мене свекир да не батенько,
Що у мене свекруха та не матинка,
Що у мене диверко та не братичок,
Що у мене зовыця та не сестрыця.
Та избудять мене ранній тебе:
Уставай, невистко, неробитныце,
Та нашому добру некукибныце,
Та нашому роду непрывитныце!

(Конотоп.)

* *
*

Сызенькы голубчыку
Та седыть на дубчыку;
Очы його кары,
Бровы його чорны,
Лыченько биленьке.
Прылетила пава,
На дворыку пала,
Вона про те знала,
Вона про те мныла,
Що мыленькы робыть.
Мыленькы-ж те робыть:
Коныка сидлае,
За двир выйжжае
До мылой в гости.
Вин про тее знае,
Вин про те видае,
Що мыленька робыть,

Що мыленька його
Седыть у викопця,
Та все выглядае
Свого мыленького:
Шые, вышывае
Золоти узоры,
Тонкый рукава....
Плаче и рыдае,
Сльозы утырае
Правою рукою,
Лентой голубою,
Русою косою....

(Козелск.)

* * *

Йде мылый у дорози, волы поганяе;
За им мыла у погоню, волыв здоганяе.
Ой став мылый серед поля, волы выпрягае:
Мыла-ж йому у погоню с плачем вымовляе:
„Вернысь, мылый, голубчыку, вернысь додому....
— Не вернуся, моя мыла, горечко с тобою! —
„Чом не хочеш ты робыты и дома седиты,
Чом не хочеш жыть зо мною на билому свити?„
— Ой ты-ж мыла, мое серце, ой де-ж ты бувала:
Чы у поли льон ты брала, чы пшеныцю жала? —
„Ой я в поли льон не брала, пшеныци не жала;
Я не здужала робыты, з похмильля лежала.„
— Ой колы-б ты добра жинка, ты-б седила дома,
Та пьятюнку испостыла, — послужыла-б доля! —
„Ох выйду-ж я на городы, та гляну в провальля:
Усим людям щасце, доля, мини-ж безталанье!
Ой колы-б же я дознала свою гирку долю. —

Не пишла-б же я и замиж, не пишла-б николы.
Пишла-б лучче я в черныци с чорною косою;
На терпила-б я горечка оттак молодою.

(Козелец.)

* *
*

Да летыть стрила та удовж села,
Ох гей-лею! да удовж села [1].
Да убыла стрила вдовыного сына;
Ох гей-лею! вдовыного сына [1].
Ой лежыть тило, як папир биле,
Ой нихто к тилу не прыступыться,—
Прыступылыся аж тры пташечкы,
Аж тры пташечкы щебеташечкы.
Ой одна сила у головоньках,
А другая сила в билых ниженьках,
А третяя сила протыв серденька.
Що в голивоньках, то сестра його;
В билых ниженьках, то жона його;
Протыв серденька, то маты його.
Ой сестра плаче од року до року,
А маты плаче од вику до вику,
А жона плаче до недиленькы,
А в неділеньку извыла виночок,
Извыла виночок, побигла в таночок,—
Ой пишла-ж вона да гукаючы,
Соби мыленького да шукаючы,
Ох гей-лею! да шукаючы [1].

(1) Такъ повторятся Ох-гей-лею съ послѣднею половиною стиха за каждымъ стихомъ.

(Радомысль.)

* *
*

Да клыкала невихна зовыцю на нич:
Гей, рано моя! зовыцю на нич!
Да ходы до мене да зовыце на нич;
Гей, рано моя! да зовыце на нич!
Прыйшла зовыця до невихны на нич,
Темнои ночи да й о-пивночи;
Полягалы спать в новій комиронци.
Стукотыть, грукотыть коло комиронькы . . .
— Да невихно моя, да голубко моя,
Стукотыть, грукотыть коло комиронькы.
— Да не бійся-ж ты, да зовыця моя;
То не гайдамакы, то поночлежнычкы[2]. . .
Що у сыньому двери одбывае.
А у зеленому замкы одрывае,
А у голубому положок пидняв,
А у червоному да зовыцю узяв.
— Да невихно моя, да изгубныця!
Изгубыла мене темнои ночи,
Темнои ночи да й о-пивночи!
Гей рано моя! да й опивночы!

(1) Гей-рано-моя съ послѣдними словами стиха повторяется за каждымъ стихомъ.

(2) То-б-то ти, що скоту в ночи глядять. *Примѣч. пѣвицы.*

(Радомыслъ.)

* * *

РУСАЛЬНЫЯ.

Сыдила русалка
На крывій берези,
Просыла русалка
У жиночок намиток.

У дивочок сорочок.
Жиночкы-подружкы,
Дайте мни намитку!
Хоть вона худенька,
Да абы-б биленька!

(Мглин.)

* *
*

На гряній недили, на гряній недили,
Русалкы сыдилы, сорочок просылы,
Сорочок просылы: да й дайте, дивочкы.
Молодіи молодкы, дайте рубашку.
Старенькый дидько по городу ходе,
Вин оре, скороде, конопелькы сіе;
Молодая молодка по двору ходыла,
Голубив маныла:
Шугы, шугы, голубы,
На дидовы конопли,
Да щоб мни их не брать—
Билых рук не драть!

(Мглин.)

* *
*

Як проводють русалок.

Проведу я русалочкы до бору,
Сама я вернуся додому!
Ой колы-ж мы русалочкы проводылы,
Щоб до нас часто не ходылы,
Да нашого жытечка не ламалы;
Бо наше жытечко в колосочку,
А нашіи дивочкы у віночку.

(Остер.)

* *
*

КУПАЛЬСКІЯ.

Иване, Ивашечку!
Не переходь-же да дорижечкы;
Иване-Ивашечку, Иване-Ивашечку!
Як перейдеш, выноват будеш;
Выноват будеш — и коныка збудеш!
Як поймаем, порубаем,
На дрибен мак, на капусточку.
Та посіем тебе в трьох городочках;
В трьох городочках та на трьох грядочках!
Та выросте з тебе тры зилыны;
Тры зилыны любыстыны;
Перва зилына—любысточок,
Друга зилына—барвинына,
Треття зилына—васылечок.
Любысточок для любощив,
Барвиночок для дивочок,
Васылечок для запаху!

(') Повторяется послѣ каждаго стиха.

(Конотоп.)

*

Иване, Ивашечку!
Посичем мы тебе на дрибен мак,
Иване, Ивашечку'!
Да й посіем тебе на тры города!
Да й зійдеш ты трой-зильлечком:
Первое зильле—любысточок,
А другее зильле—васылечкы
А третее зильле—мьята;
Любысточок для дивочок,

Васылечкы для пахочей,
А мьяточка для любощей.

(') Повторяется послѣ каждаго стиха.

(Остер.)

* * *

Купала на Йвана!
Пидем дивкы та в ягидкы.
Купала на Йвана '!
А вси дивкы понабралы,
Одна дивка не набрала.
Пидем дивкы та ричку брысты.
А уси-ж дивкы перебрылы.
Одна-ж дивка та потонула.
Дорогіи шаты помочыла,
Серебрани ключи упустыла:
Рыбакы-ж мои, рыболовнычкы!
Не ловить-же вы моій падчеркы,
А вловите мыни дороги шаты,
Переймите мыни срибрани ключи.

(') Повторяется послѣ каждаго стиха.

(Шклов.)

* * *

Купала на Йвана!
В купалочкы тры дочкы,
Купала на Йвана '!
Перва дочка товста, горбата:
Друга дочка слипа, косоока;
Третя дочка тонка, высока.
Не беры-ж тоси тонкои, высокои:
Не беры-ж тоси слипои, косоокои:

Возьмы-ж тую товсту, горбату:
Товста, горбата буде богата.
Тонка былынка переломыться;
Слипа, косоока слиду не бачыть;
Товста, горбата буде богата!

(') Повторяется послѣ каждаго стиха.

(Шклов.)

* *
*

Купалочка с купа выйшла,
Та й кропом очи завишала,
Та тому люды дывовалыся . . .
Не дывуйтеся-ж вы сьому, люды!
Бо я бачыла ще и дывнишшее:
Що щука рыба сукно ткала,
А рак неборак цивкы сукав,
Муха горюха йсты варыла,
А комар пыщыть,
Та й в воду тащыть.

(Гадяч., Радомысль.)

*

Летила сова из чужого села,
Окропом очы завишала,
Соломою ушы позатыкала,
Та тому люды дывовалыся . . .

(Радомысль.)

* *
*

ПЕТРИВОЧНЫЯ.

Мала ничка Петривочка,
Що не выспалась наша дивочка.

Всю нич не спала, биль сукала;
По гори ходыла, биль билыла,
А до тоеи били говорыла:
Биле моя, биле, тонка, била,
Як я тебе убилыла!
Як пиду я, биле, за нелюба,
То я тебе, биле, у свято зношу;
Як пиду я, биле, за мылого,
То я тебе, биле, у будень зношу,—
То я тебе, биле, шановатыму,
И в будень и в свято надиватыму.

(Лубн.)

* * *

Да малая ничка Петривочка,
Да не выспалася наша дивочка;
Да й усю ниченьку не спала,
Да усе хусточкы вышывала;
Та шыла шовком, шыла й билью
Свойму мылому про недилю.

(Конотоп.)

* * *

У моего батька двир велык;
Я мала-маленька, невелычка!
А на тим двори троснык велык;
В тим тросныку вовчок вые,
Вовчок вые, йсты просыть.
Ой не йж, вовчок, мого батенька,
А изъиж, вовчок, мого свекорка!
У моего батенька двир велык;
А на тим двори троснык велык,

В тим тросныку вовчок выє,
Вовчок выє, йсты просыть.
Ой не йж, вовчок, мою матинку,
А изъиж, вовчок, мою свекровку!
У моего батенька двир велык;
А на тим двори тросныk велык;
В тим тросныку вовчок выє,
Вовчок выє, йсты просыть.
Не йж, вовчок, мого братнейка,
А изъиж, вовчок, мого диверка!
У моего батенька двир велык;
А на тим двори тросныk велык;
В тим тросныку вовчок выє,
Вовчок выє, йсты просыть,
Ой не йж, вовчок, мою сестрыцю,
А изъиж, вовчок, мою золовку!
Я мала-маленька, невелычка!

(*) Повторяется послѣ каждаго стиха.

(Шклов.)

* * *

КОСАРСКІЯ.

Выйшлы в поле косари
Косыть ранком на зори.
Эй нуте, косари, бо нерано почалы;
Хоть нерано почалы, так багато утялы!
До обида покосылы,
Гостри косы прытупылы!
По обиди отдыхалы.
Потим косы поклепалы.

О полудни греблы сино,
И в валочкы клалы щыльно.
А в вечери холодком
Клалы в копычкы рядком.
Завтра треба рано встаты,
У стижечкы щоб покласты
Як стижечкы покиньчаем,
По-козацкый погуляем!
Эй путе, косари, бо нерано почалы;
Хоть нерано почалы, так багато утялы!

(') Послѣднее двустишіе повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

(Черниг.)

* * *

А вже ворон кряче,
Пан по хлибу плаче.
Ой не плач, пане,
Ще хлиба стане;
Не плач, не журысь,
Хоч иды подывысь!
Уже ворон злетив,
Обидаты зхотив;
Ой паночку наш,
Обидаты час!

(Острогожск.)

* * *

Косарыкы косять, а вдывочка походжае,
Дрибнымы сльозамы покосы полывае:
— Поривняй, Боже, и горы й долыны, —
Немае мыни вирнои дружыны! . . . . . .

(Борзн.)

* * *

ГРЕБЕЦКІЯ.

У чужых селах дощи йдуть,
А на наши села ричкы течуть.
Загорожу я тыном ричку,
Та зажену лебидя и лебидочку:
Лебидь буде купатыся,
А лебидочка вмыватыся.
То-ж не лебидь купается,
Не лебидочка вмывается, —
То козаченько купается,
Молода дивчына вмывается.

(Гадяч.)

* * *

Ой зійду я на шпыль гору, на лебедив крыкну!
У сим сели родылася, нигде не прывыкну.
Ой там моя прывыченька пид тыном на травци;
Ой там-же я спаты ляжу у темненькій нычци.

(Гадяч.)

* * *

Збирайтеся, подруженькы, де вчора булы;
Уже-ж наши васылечкы од сонця повьялы.
Нехай вьянуть, прывьявають;
Як мы прыйдем, воны й повставають.

(Гадяч.)

* * *

Закотылось сонычко за зеленый гай,
Пидемо вечеряты за тыхый Дунай.
За тыхым Дунаем сухарыкы на столи,
И рыба печена—то-ж наша вечеря!

Закотылось сонычко за зеленый сад,—
Цилуються, мылуються а хто кому рад;
Закотылось сонычко за новенький млын,—
Цилуються, мылуются а хто кому мыл.

(Лубн.)

* * *

Ой сив орел на маку, ввесь мак поламав.
Козаченько за дивчыну та тры копы дав,
Та щоб ii нихто не займав,
Нихто не займав, за ручку не взяв,
Перстеня не зняв и доганы не дав.

(Гадяч.)

* * *

Ой пиду я бором, говорячы з Богом:
Ой дай Боже, дай, Боже помагай!!
Ой дай мини, Боже, багатого свекра,
Ой дай мини, Боже, ласкаву свекруху,
Щоб не посылала в поле жыта жаты,
А щоб посадыла крамом крамоваты, медом шынкуваты!
Ой дай Боже, дай, Боже помагай!

(!) Повторяется за каждымъ стихомъ.

(Гадяч.)

* * *

Та вже не багато,
Та вже не далеко,
Та вже видно край:
Боже помагай!
Ой нумо, ой нумо,
Та прыпыльнуймо;
Як не будемо пылновать,
То тут будем ночувать—

Пид зеленым дубом,
З козаком голубом.

(Гадяч.)

* *
*

Ой час и пора
Нам до свого куриня,
А в курини панотця
Вечеряты вариться.

(Гадяч.)

* *
*

Наша пани домуе,
Нам вечерять готуе:
А мы не йдемо,
Прыказу ждемо.
Наша пани бджилочка [1].
Есть у еи горилочка:
Сама не пье
И нам не дае.
Мы своему пану
Изробылы славу:
Сино погреблы и покопылы:
Такы мы вечеряты та заробылы!
Одчиняй, пане, ворота,
Идé твоя робота;
Одчыняй, не бары,
Идять комари!
Одчиняй, пане, комору.
Давай гребцям червону;
Одчыняй, не бары,
Бо идять комари!

(1) Наша пани ягидочка . . . (Гадяч.)

(Конотоп.)

* *
*

Уже сонечко в рози,
А мы на дорози.
Пускай, пани, нас—
Нам додому час!
Ой дай, Боже, дай,
Боже помагай!

(Гадяч.)

* *
*

Одчыняй, пане, ворота,
Идé твоя робота,
Ой дай Боже, дай, Боже помагай'!
Чы рад-же ты ій,
Роботи своій?
Як-же я нерад,
Що мій виноград!
Одчыняй, пане, сины,
Щоб вже гребчыкы силы;
Одчыняй, пане, комору,
Давай гребцям червону;
Одчыняй, пане, хату,
Давай гребцям плату!
Ой дай Боже, дай, Боже помагай!

(') Повторяется послѣ каждаго двустишія.

(Гадяч.)

* *
*

Закотылось сонечко за зеленый бир;
Мы пидемо вечеряты у богатый двир.
А в богатому двори
Горилочка на столи;
Горилочка в плясци,
Варенычкы в масли.

Закотылось сонычко за сад-виноград;
Цилуйтеся, милуйтеся ой хто кому рад!
Наталка Мыколи раденька була.
Взяла його за рученьку та й спать повела.
Вже сонечко кружком, кружком:
Нам до-дому лужком, лужком.
Лужком, бережком,
Жовтенькым писком,
Калыновым мостом
Нам до-дому просто.
Вже сонечко на лану,
Я до-дому полыну;
Полынула-б я,
Неволя моя,
Неволя моя,
Чужа сторона!
Вже сонечко котыться,
Нам до-дому хочеться;
Хочеться давно, а мы не йдемо,
А мы не йдемо, прыказу ждемо.
Покы прыйде пан,
Та прикаже нам.
Вже сонечко над ланком,
Прыпылнуйте холодком;
Ой нумо, нумо,
Та й прыпылнуймо!
Як не будемо пылноваты,
То будемо ночоваты;
А як прыпылнуем,
Та й не заночуем.

(Лубн.)

* * *

Ой чыи си гребци,
Дивкы та молодци?
Самы молодыи.
Грабли золотыи;
Греблы, пыльновалы.
Грабли поламалы.
Ой як було рано,
Серце въяло:
Як повечерило.
Та й повеселило:
Наш пан молодый.
Пид ным кинь вороный:
Коня осидлае,
Та нас посажае;
А як запряже,
Та й нас повезе.
Пан, пан, копытан, не нашои виры;
Чужи люды полуднують, мы й доси не йлы.
Уже сонце котыться,
Нам до-дому хочеться;
Хочеться й давно, —
Так мы не йдимо.
Прыказу ждимо
Од пана свого,
Од молодого . . . .[1]

(1) Дальше слѣдуютъ стихи, встрѣчающіеся въ предъидущихъ варіантахъ (Лубн.)

* *
*

Ой на гори свитлонька та новая;
Горе мыни на чужыни, що сама я.
Ой чужая сторинонька без витру шумыть:

Чужый батько, чужа маты не бье, то болыть;
Тилькы ходыть по свитлонци та все гомоныть:
Ой ледащо невисточка, не хоче робыть,
Тилько спыты, та згуляты, хороше ходыть.

(Гадяч.)

* * *

ЗАЖНИВНЫЯ.

Ой добра-нич, шырокее поле,
Жыто ядрянее!
Добра-нич, на здоровья,
Жніи молодіи, серпы золотіи!
Приходьте завтра раненько,
Як солнійко зійде, росыця опаде;
Та прыносьте по бохону хлиба,
По билому сыру.
Вже солнійко зійшло, росыця опала,
А мои жнійкы не бувалы.
Чы повтомылыся, чы поморылыся,
Чы на мене, нывку, забулыся?
Мы не позморылыся, не повтомлялыся,
И на тебе, нывку, не забувалыся.

(Шклов.)

* * *

Розгорыся, вечерняя зоря, перед раньньою стоя;
Прыберыся, наша господынька, перед намы жніямы:
Одинь тыи куни, собóли, та били горностои.
Не гріють мене тыи куни, собóли, ни биліи горностои;
А тилько гріе мое здоровье,
Мужыкове[1] пидворье.

(1) Або: мужыне.

(Шклов.)

* * *

Ой чыи-ж то женци —
Дивкы та молодци?
Ой паночку наш,
Обжыночкы в нас!
Самы молодыи,
Серпы золотыи.
Ой паночку наш,
Обжыночкы в нас!

(Борзн.)

* * *

Чужи паны, як пугачи,
Держять людей до пивночи,
А наш соловейко
Пускае раненько.
Пускай пораній,
Зъидять комари:
Кусають и тнуть,
Робыть не дають!
Наш пан добродію,
Пускай про недилю—
Головкы чесать,
Свита повыдать!

(Борзн.)

* * *

Наша пани хупава[1],
Роспустыла рукава,
И сама не робыть,
И нас не прыгоныть.
Наша пани пышна,
Як у саду вышня,

И ногы помыла,
Й сама чорнобрыва;
Вышня зелененька,
Сама молоденька.

(') Хупава—чепурна, а чепурна—опрятная, красивая.

(Борзн.)

* * *

А в недилоньку рано-пораненьку
Збирае женьци коваленко,
Збирае женьци а все прыбирныи—
Дивкы, парубкы а все молодыи.
Та повив же их на долыну.
На пшеныченьку на озыму:
— Ой жните, женьци, розжынайтесь.
А назад себе не оглядайтесь!—
Аж з-за горы Орда идé.
За собою коваля веде:
Йому рукы позавьязовани,
Йому очи позаглажовани.
Отто-ж будеш, ковалю, знаты.
Як недилоньку шановаты.
— Ой дай, Боже, такую годыну,
Щоб зобачыты свит хоч на часыну:
То буду вже знаты,
Як недилоньку шановаты!—

(Волынь.)

* * *

Ой чые-ж то поле
Заспивало стоя'?
Заспивало нам,
Хорошым женцям.

А чые-ж то поле
Задримало стоя?
Задримало там,
Нашым ворогам. 2.
Ой чыя-ж то борода[2]
Сриблом злотом обвыта?
Любои пани жыто
Сриблом, злотом обвыто,
А чужои пани жыто
Коноплямы обвыто:
Ой обвыто там
Нашым ворогам. 2.

(Глухов.)

* *
*

(1) Выраженіе «поле заспивало стоя» означаетъ, что жито уже созрѣло, поспило,—созрѣвшее—спивае, шумыть, подъ серпом; «поле задримало стоя» означаетъ, что жито переспѣло, *задримало* — склонило головки, колосья, полегло, — какъ это бываетъ съ перезрѣвшимъ житомъ.—

(2) Когда пожнутъ жито, то на послѣдней нивѣ оставляютъ жменю, (горсть) несжатаго, и скручиваютъ, что и называется борода. (Глухов.)

Когда полютъ бороду:

Ой чыя то борода
Чорным шовком облыта?
Иванова борода
Чорным шовком облыта.
Сыдыть пивень на копи,
Дывуеться бороди:
Ой дыво-ж мыни
Об сій бороди!
Ой чый же то челядын

Обжыночкы нарядыв?
Ой Иванив челядын
Обжыночкы нарядыв.
Ой наш пане, наш,
Обжыночкы в нас!
Сыдыть пивень на маковци,
Та маковку пье; 2.
Сыдыть наш пан на покути.
Горилочку пье, — 2.
А мы будем дывытыся,
Коло його жывытыся.
Ой дай, пане, дай,
Горилочкы нам!
З велыкои праци
Горилкы по чарци:
З велыкои мукы
По дви чаркы в рукы.

(Борзен.)

* * *

Сыдыть ведьмидь[1] на копи.
Дывуеться бороди:
Ой дыво мыни
Об тій бороди!
Ой чія-ж то борода
Чорным шовком увыта?
Чорным шовком увыта,
Сриблом-злотом улыта?
Иванова борода
Чорным шовком увыта,
Сриблом-злотом улыта!
Васылева борода

Мачуламы увыта,
А смолою улыта.

(Сосниц.)

* *
*

(¹) Въ отдаленныхъ отъ лѣса селеніяхъ, вмѣсто *ведьмидь*, поютъ—воронъ.

Когда кончаютъ дожинать:

Нуте, нуте, до межи,—
Варенычкы у дежи.
Ой нуте, робить,
Себе не барить!
Нуте, нуте, по пьять,—
Варенычкы кыплять.
Ой нуте, робить,
Себе не барить!
Не будете пилновать,—
Тут будете ночувать.

(Борзн.)

* *
*

Борода.

Когда сжинаютъ жито, то на послѣдней нивѣ хозяина оставляютъ *жменю* жита, которое связываютъ красною или бѣлою ниткою, и это называется—*борода.*—Траву въ бородѣ выполиваютъ, въ срединѣ бороды, на землѣ, оставляютъ окраецъ изъ цѣлаго, никѣмъ нетронутаго хлѣба, дрибокъ (кусочекъ) соли, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и *цурку*, которою вяжутъ снопы, и усѣвшись вокругъ бороды, женцы поютъ особенныя, приличныя этому случаю, пѣсни, въ которыхъ главный предметъ—*борода.*—Изъ обжиночныхъ пѣсень видно, что *бороду обвивали* краснымъ или чорнымъ шолкомъ, и *обшивали*, или *накрывали*, *краснымъ шовкомъ*, т. е., вѣроятно, судя по другому куплету пѣсни (гдѣ сказано, хотя и въ ироническомъ смыслѣ, борода чорнымъ *рядномъ* покрыта) кускомъ шолковой матеріи.—Все это дѣлается, вѣроятно, для того, чтобъ и на будущій годъ былъ урожай хлѣба.

Винокъ.

Когда снимутъ рожь у извѣстнаго хозяина, то, вечеромъ, по снятіи ржи, женцы, обыкновенно женщины, съ особыми обрядными пѣснями, идутъ къ дому хозяина или хозяйки. Одна изъ женщинъ, старшая, идетъ впереди и несетъ на рукахъ винокъ изъ жита. Такимъ образомъ, они подходятъ къ самому дому хозяина или хозяйки, которыя, услышавъ пѣсни, выходятъ къ женщинамъ съ испеченнымъ хлѣбомъ, на которомъ положенъ дрибокъ соли. Старшая жница подходитъ къ хозяину или хозяйкѣ, и кладетъ житяный вѣнокъ на хлибъ, приговаривая: «Дай Боже, щобъ и на той годъ родывъ хлибъ,» и проч. Хозяинъ съ хлѣбомъ, накрытымъ винкомъ, идетъ въ хату, и кладетъ ношу, съ почетомъ, *на покути*, подъ иконами. Винокъ, на Спаса (6 Августа), снимаютъ съ хлѣба и несутъ въ церковь, съ почетомъ, — гдѣ его святятъ съ яблоками и проч. Хозяинъ угощаетъ женцовъ, принесшихъ къ нему винокъ, вечерею и горилкою.

(Этотъ обрядъ записанъ очевидцемъ его, Н. М. Бѣлозерскимъ, въ Борзенскимъ уѣздѣ.)

ОСЕННІЕ.

Вже мынулы суныченькы й полуныченькы,
Вже наспилы осинни та вечерныченькы.

(Гадяч.)

* *
*

Чы було лито, чы не було лита,
Що воно мыни не докучыло?
Бо в мене ненька неридненька,
Мене на вулыцю не пускае,
Та в комирочку запирае,
А в комирочци виконечко,
А в виконечку кватырочка!

(Гадяч.)

* *
*

Зійдймося, подруженькы, де вчора гулялы,—
Бо вже наши васылечкы без сонця зовьялы.
Нехай вьянуть, нехай вьянуть, нехай повьявають:
Як зійдемось до-купочкы, воны повставають.

(Гадяч.)

* * *

У чужых селах дощи йдуть,
А на наши села рикы течуть.
Загорожу я тыном ричку,
Зажену лебедя й лебидочку.
Там буде лебидь купатыся,
Лебидочка вмыватыся.

(Гадяч.)

* * *

Зійшов мисяць из зорьою, та й обгородывся;
Счаслывои годынонькы козак уродывся:
Куды вин подумае, то й Богъ помагае,
Чераз тую дивчыноньку що свататы мае.
Сватай, сватай, козаченьку, сватай, не варуйся,—
За твоеи головонькы роботы навчуся.

(Гадяч.)

* * *

Во время уборки конопель.

Ти вси мои звиздочкы,
Ти вси изо мною,—
Ти вси мои ясныи
Передо мною,—
А однои моій звиздочкы
Нема изо мною,—
А однои моій яснои
Нема предо мною.

(Чернигов.)

* * *

КОЛЯДКИ.

Над морем глыбокым
Стояв явор высокый;
Грай, море, радуйся, земле,
Вик до вику [1]!
А на тим явори сыз орел сыдыть,
Сыз орел сыдыть да в воду гледыть,
У воду гледыть, з рыбою говорыть:
Ой буть нам, рыбо, у одного пана,
Пана в Ивана —
Тобою, рыбо, гости витаты,
А моим пером лысты пысаты!

(1) Послѣднее двустишіе повторяется за каждыми двумя стихами. (Остер.)

*

Ой рыбо-ж, рыбо, ты моя пара!
И буть нам, рыбо, в одного пана,
В одного пана, пана Ивана:
Що тобою рыбо, гостей витаты,
А моим пером лысты пысаты.
Да бувай же здоров и в вику довгый,
Не сам собою, с своею жоною,
З усим родом, з Господом Богом.
З Іисусом Хрыстом, з святым Рожеством.

(Остер.)

* * *

Ой ясна, красна у лузи калына,
Святый вечер [1].

А ще красниша у пана дочка Орына;
Вына стерегла, крипко заснула:
Налетилы райськiи пташкы—
Выно попылы, чашкы побылы.
Ой шугы в лугы, райськiи пташкы:
Чашок не бьйте й вына не пыйте;
Нам сього вына багато треба—
Брата женыты, сестру тдаваты!
Пане господарю,
С празныком поздоровляю!

(') Припѣвъ за каждымъ стихомъ.

(Луби.)

* * *

А в пана Ивана, на його двори.
Святый вечер!!
На його двори стоить свитлыця,
А в тiй свитлыци стоить Орышечка.
Убиралася, то-ж и наряжалася;
До церквы пишла, як зоря зiйшла,
У церков вiйшла, и засiяла!
Там паны стоялы да iи пыталы:
Чы ты царивна, чы колоривна?
Я не царивна, ни колоривна—
Батькова дочка, славная панна!
Да бувай здорова, красная панна,
Красная панна, панна Орыся!
Не сама собою, с отцем, матирью,
Из родом, с плимьем, с ким тоби Бог дав!

(') Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

(Остер.)

* * *

А в лиску, лиску, на жовтим писку.
Святый вечер!
Там пава ходыла, пирье роныла;
Святый вечер'!
За ею ишла панна Марьечка,
Пирье збирала, да в рукав клала;
З рукава брала, на скамьи клала,
А с скамьи брала, да винок плела;
Извыла винець, да пишла в танець.
Ой де взялыся да буйни витры,
Искынулы винок да в тыхый Дунай.
Ой пишла-ж вона лужком, бережком,
Да й стрила вона тры рыбалочкы:
Вы рыбалочкы молодіи!
Закыньте мыни шовковый невод,
Шовковый невод да в тыхый Дунай?
Поймайте мыни перловый винок!
Я вам, молода, даром не схочу:
Первому рыбалци перловый винок;
Другому рыбалци щырозлотный перстень;
Третьому рыбалци сама молода!
Да бувай здорова, красная панна!

(') Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

(Остер.)

* *
*

У нашого пана хороша пани;
Бог йому дав славную жону у його дому'!
По двору ходыть, як мисяць сходыть;
По синьцях ходыть, як зоря сходыть;
Садыла сынкы в чотыри рядкы,
Садыла дочкы в тры рядочкы.

Сыночкы зрослы—у школу пишлы,
А дочкы зрослы—у швачкы пишлы;
Сыночкы идуть, книжечкы несуть,—
А донечкы йдуть, хусточкы несуть:
Книжечкы на стил, батеньку до ниг,—
А донечкы хусткы на пил, матюнци до ниг.

(') Припѣвается и такъ: Богъ йому дав, Бог йому послав—умную жону у його дому.

(Остер.)

* * *

Дивка Орыночка перевиз держала;
Святый вечер!
Перевозыла царив, та панив, та отецькых сынив.
Наихало до неи симсот молодцив:
Перевезы-ж нас, дивко Орышечко!
— Колы-ж мыни вас та перевозыть?
Прыихав до мене братик з вийська дорогы;
Вин прывиз мыни та тры радости:
Первая радисть— зелена сукня,
Другая радисть—золотый перстень;
Третяя радисть—перлова камка . . .
Зелена сукня слид замитае;
Золотый перстень на руци сяе;
Перлова камка голову клоныть!
Та бувай здорова, дивко Орынко,
Не сама собою, з отцем, з ненькою,
Из мылым Богом, из усим родом.
Боже, дай вечир добрый!
Та давайте дохид довгый!

(') Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

(Гадяч.)

* * *

А у поли, поли, да край дорогы.
Ой там ходыть вороная стада!
Помиж тый стади сывый кинь ходыть,
Нихто того коня да не поймае,
Да ни поймае, ни осидлае,—
Тилько поймае, да осидлае Иванко:
Я-ж того коня маю — поймаю,
Маю — поймаю, да й осидлаю,
Да и пойду я к тестеньку в гости —
Ой люды скажуть, що сокол летыть;
Тестенько скаже: се мій зять йде . . .
„Одчыняй, тестенько, тесови ворота;
Стелы мойму коню да просту солому,
Да дай мойму коню сина да овса,
Мини молодому пухови подушкы,
Дай мини молодому меда да вына.„
Да бувай здоров, злышный панычу,
З своею мамкою да з сестрыцею.

(Черниг.)

* * *

Ой в поли, в поли, да й в выноколи,
Святый вечер[1]!
Грай, коню, пид молоденькым Йвасем!
Ой там Ивась полем играе, копье выхае,
Да пидьизджае пид Выжгорода;
Вышлы к йому вси городяне;
Вывелы йому коня в наряди:
Вин тее прыняв, шапочкы не зняв,
Шапочкы не зняв, не подяковав.
У Вильбови[2] на оболони,
Грай, коню, пид молоденькым Йвасем!

Ой там Ивась конем играе, копье выхае.
Да пидьизджае пид Выжгорода;
Вышлы к йому вси городяне.
Да вынеслы йому мысу червонцив:
Вин тее приняв, шапочкы не зняв.
Шапочкы не зняв, не подяковав.
У Вильбови на оболони,
Грай, коню, пид молоденькым Ивасем!
Ой там Ивась конем играе. копье выхае.
Да пидьизджае пид Выжгорода;
Вышлы к йому вси городяне,
Вывелы йому панну в наради:
Вин тее прыняв, шапочку знав,
Шапочку зняв, да й подяковав.

(¹) Повторяется. (²) Во Львовѣ.

(Остер.)

*

Там військо пшло и ладу не найшло;
Святый вечор¹!
Иванко ишов, лад війську найшов;
Велив гарматы порыхтоваты,
На Вырвин-город стрилы спускаты.
Вси мищаночкы полякалыся;
По рынку ходять, рученькы ломять,
Рученькы ломять й радоньку радять:
Що тсьому паняти за дару даты?
Вынеслы йому мысу червонцив,
А вин на той дар и не споглянув:
Не поклонывся, не покорывся;
Шапочкы не зняв, не подяковав;

Велив гарматы порыхтоваты,
На Вырвин-город стрилы спу́скаты.
Вси мищаночкы полякалыся;
По рынку ходять, рученькы ломять,
Рученькы ломять й радоньку радять:
Що тсьому паняти за дару даты?
Вывелы йому коня в наряди,
А вин на той дар и не споглянув:
Не поклонывся, не покорывся;
Шапочкы не зняв, не подяковав;
Велив гарматы порыхтоваты,
На Вырвин-город стрилы спускаты.
Вси мищапочкы полякалыся,
По рынку ходять, рученькы ломять,
Рученькы ломять, радоньку радять:
Що тсьому паняти за дару даты?
Вывелы йому панну в наряди,
А вин на той дар да и споглянув,
Шапочку зняв и подякував,
И поклонывся и покорывся.
За сим же словом та й бувай здоров!
Не сам с собою, з отцем, з маткою,
Из мылым Богом, из усим родом.

(') Примѣч. пѣвицы.

(Овруч.)

* *
*

А в поли, в поли биленькій намет;
Прыспивують Ой-дай Боже! *або* Святый вечер!

А в том намети пышнее паня,
Пышнее паня—молодый Иванко;
В лижечку лежыть, коныка держыть,
Коныка держыть, с коныком говорыть:
Коню-ж мій, коню, я тебе продам,
Я-ж тебе продам за сто червоных.
— Пане-ж мій, пане, не продавай мене!
Не продавай мене, спогадай на тее,
Як мы з тобою з выйська втикалы:
За намы гналысь Туркы, Татары;
За нами кули землю зъоралы,
За намы стрилы як сниг литалы!

(Одруч.)

* * *

Молодый Ивасенько, чы е в тебе батенько?
Не був я дома, служыв я в пана Гетьмана[1].
Молодый Ивасенько, чы е в тебе матинка?
Молодый Ивасенько, чы е в тебе братичок?
Молодый Ивасенько, чы е в тебе сестрыця?
Молодый Ивасенько, чы е в тебе мыленька?

В мене батенько—кинь вороненькій,
Не чорне пиро по коныченьку полегло[2]!
В мене братичок—тугенькій лучок;
В мене сестрыця—ясна ручныця;
В мене мыленька—постиль биленька.

([1]) и ([2]) Повторяется за каждымъ изъ слѣдующихъ стихомъ.

(Грайворон.)

* * *

А в поли, в поли, й у выноколи,
Стоять наметы з билого шовку,
А в тих наметах все столы стоять;
Все столы стоять позастыланы,
Позастыланы все килимамы;
А на тих столах все кубки стоять,
Все кубки стоять понаповняны
По за столамы все паны сыдять;
Миж тимы панамы красный панычу,
Красный панычу, пане Иване.
Перед панычем вирныи слугы;
Просяться воны у Невир-землю:
Пусты нас, пане, у Невир-землю!
Пустымо стрилу, як грым по небу;
Пустымось киньмы, як дрибен дощык;
Блыснем шаблямы, як сонце в хмари!

(Остер.)

* * *

Да пане Иване обмуровав двир,
Святый вечер[1].
Обмуровав двир билым каменем,
А воритечка з жовтои меди.
А по тій меди стоять наметы,
Стоять наметы як биль биленькы,
А в тих наметах сыдыть пан Иван,
Стрилочкы струже да в лучок кладе,
А з лучка бере, да й заправляе.
Ой стучыть-гремыть з поля сторожа,
Да вдарыться в жовтыи ворота:
Пане Иване, чы спыш, чы не спыш?

Ой колы-ж ты спыш, Господь з тобою!
А колы не спыш, промов зо мною:
Що в наши города Туркы вступылы,
Туркы вступылы пополам с Татармы,
Пополам с Татармы, с киньмы з сто пармы,
А я-ж тих Туркив да й не боюся:
Ой я з ймы в пыл перебьюся!
Ой дайте мыни коня воронця,
Коня воронця й гострого меча!
Його матинка выпровожала,
Выпровожаючы да й найучала:
Сыну Ивасю! як пойдеш с королем на войну,
То не выхвачуйся поперед выйська,
Да зоставайся позаду выйська!
А вин матюнкы да не послухав:
Поперед выйська конем играе,
А позад выйська мечем рубае;
Хвалыться конем перед королем,
Перед панною гострою шаблею.
Ой чый то сынок, сынок Иванок,
Поперед выйська конем играе,
А позад выйська мечем рубае;
Хвалыться конем перед королем
Перед панною гострою шаблею?
Ой дам я йому половыну царства и свого панства
И свою дочку короливночку.

(') Припѣвъ, послѣ каждаго стиха.

(Остер.)

* * *

А с поля, поля, да туман устае,
Святый вечер [1],

А з-за того туману Иванко йде;
Да й пидьижжае пид царев-город,
Да й выклыкае царя з города:
Турецкій цару, выйдь на войну,
Воеваться, муштроваться! —
Як изихалысь, так и вдарылысь:
Ударыв копытамы як грым на неби,
Зассялы сабли, як сонце с хмары;
Пид ймы кони попрыпадалы,
Золотіи грывы попрылягалы.
Турецкій царь другым наказав:
Колы-б я знав — чый то сын воював,
То-б я за його свою дочер отдав,
Свою дочер отдав, царство отписав —
Половыну царства, трейтыну счастя!

(') Повторяется послѣ каждаго стиха.

(Остер.)

* *
*

ЩЕДРИВКЫ.

Подъ новый годъ.

У Кыеви та на рыночку,
Щедры вечор, щедры вечор, та й добры вечор,
Добрым людя та й на здоровье! [1]
Там дивчына сад садыла,
Сад садыла, полывала.
Полываючы промовляла:
Росты саду вышче мене,
Вышче мене, краще мене.
У тому саду трыкорысти:
Перша корысть — оришечкы.

Друга корысть — красны вышенькы,
Третя корысть — то яблучкы.
Оришкамы читоваться,
Вышенькамы забавляться,
Яблучкамы пидкыдаться.
Та бувай же здорова з отцем, матирью,
Из мылым Богом и з усим родом!

(1) Это двустишіе повторяется послѣ каждаго стиха.

(Черниг.)

* * *

Вылетила ластивочка,
Сила на виконьци;
Стала щебетаты,
Господаря выклыкаты.
Выйды, выйды, господару,
Подывыся на кошару:
Чы вси вивци покотылысь,
Чы ягныци поплодылысь?
Чы баранци крутороги,
Чы ягныци чорноброви?
Добрывечир!

(Звенигород.)

* * *

Ластивочка-перепелочка
Пидлетила пид оконечко:
Очикныся, господынечко!
И коровочкы потелылыся,
И овечкы покотылыся:
Сыр на полыци,
А масло у дойныци . . .
А мыни дай дви паленыци!

(Черниг.)

* * *

Прылытила, прыгадала,
На виконци щебетала;
Устань, устань, пане господару,
Та побуды челядь свою гарну!
Та побуды челядь молодую,
Та засвиты свичку восковую;
Та походы по дворочку,
Як пчилочка по садочку!
Добрывечир!

(Звенигород.)

* * *

Ой на рици, на госоци,
Там плывае клынов лысток;
На тым лыстку написано
Тры письмечка:
Перве письмо—ясен мисяць,
Друге письмо—ясне сонце,
Третє письмо—ясни зоры.
Ясный мисяць сам господар;
Ясне сонце—його жинка;
Ясни зиркы—його диткы.
Добрывечир!

(Звенигород.)

* * *

Ой на гори, на каминьній,
Там Волохы церкву ставлять;
Церкву ставлять, викна будують:
Одно виконце—ясне сонце,
Друге виконце—ясен мисяць,
Третє виконце—ясни зиркы.
Ясне сонце, то господыня;

Ясен мисяць, то господар;
Ясни зиркы, то його диткы.
Добрывечир!

(Звенигород.)

* * *

Щедрый вечер, пане господару!
Стережы, Боже, твого товару,
Стережы, Боже, твого спадку!
Цилуй Хрыста в ногы за отця и матку!
Гарненьку хазя́чку маеш,
Гарненько ій споряжаеш,
Як пчилочку у меду,
Як барвинок по саду.
Цилуйте Хрыста у нижкы,
А нам выносьте пырижкы,
Добрывечир!

(Звенигород.)

* * *

Ой у нашого пана Оврама
У садочку стояла свитлонька ориховая,
А в тій свитлоньци — Оксютка.
Щедры-вечор, добры-вечор,
Добрым людям на здоровье!
Шыють-вышывають дороги сукни;
Укравочкы на подарочкы,
Обризочкы на цвиточкы.
Та бувай здорова, красная панна,
Панна Оксана!
Не сама из собою,
Из своею матюнкою.
Та бувай здорова з Ісусом Хрыстом,

З святым Рожеством!
Щедры-вечор, добры-вечор,
Добрым людям на здоровье!

(Козелец.)

* *
*

НОВОГОДНІЯ.

На новый годъ при засѣваньи.

Сѝто, сѝто
На нове лито.
Зароды, Боже, жыто, пшеныцю.
Усяку пашныцю.
Сього жолаю,
Празныком поздоровляю!

(Черниг.)

* *
*

Ходе Ильля
На Васыля —
У його пуга жытяная:
Де пугою махне,
Там жыто росте.

(Черниг.)

* *
*

Ходыть Ильля
На Васыля:
Куды махне.
Жыто пахне:
С того колосочка
Жыта бочка!
Добрывечир!

(Звенигород.)

* *
*

НРАВСТВЕННО-ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ.

Дума про вдову та сынив.

У святую недилю як та бидна вдова,
Старая жона,
У своiй домивци з диточкамы маленькымы гомонида,
Та по наймах не пускала,
Чужым людям у рукы на стараніе не давала;
То вона соби пры старости лит прожыть сподивала.
Сталы сыны до розума дохожаты,
Сталы соби молоде подружжа маты,
Сталы свою матир ридненьку, вдову стареньку, зневажаты,
З домивкы зганяты:
Иды-ж ты, маты, в чужый дом прожываты,
Хай наши молодіи жоны не будуть з тебе насмихаты,
Диткы маленьки не будуть тоби докучаты.
Тоди вдова тее зачувае,
Словамы промовляе:
Ай сыны-ж вы мои, диты молодіи!
Стилькы я з вамы рик горювала,
Пучкамы та ручкамы хлиба заробляла,
Та вас годувала,—
Тепер чого я од вас диждала!
Де-ж мыни смерты диждаты,

При старости лит вику свого докинчаты? —
Тоди блызький сусида тее зачувае,
До вдовы словамы промовляе:
Ой удово, старенькая жэно! Не плач, иды в мій дом прожываты:
Будеш ты в мене хату помитаты,
Малых диток доглядаты;
Будеш ты в мене до смерты-вику хлиб-силь ужываты,
Я буду тебе за матир ридненьку почытаты.
Тоди вдова на чужому подвирью прожывае,
По всяк день дрибнымы слизамы пролывае,
А сынам усим трьом на своему подвирью уже й прожытку немае.
Сталы люды тее зачуваты,
Сталы з удовыченкив посмихаты,
Сталы вдовыченкив на смих пыдійматы.
Що змове найменшый удовыченко до своих старшых братив-козакив словамы:
Братикы мои старши, ридненьки,
Як голубонькы сывеньки!
Недобре мы, уси тры браты, почыналы,
Що свою матир ридненьку, вдову стареньку зневажалы,
Та з домивкы зигналы,
Ходимо-ж мы, уси тры браты, на чуже подвирья,
Своій матери ридненькій, удови старенькій, до ниг упадимо,
Свою матир ридненьку, удову стареньку, у свій дом прызовимо...
„Иды-ж ты, маты, у наш дом прожываты:
Лучче мы будем молодых жон научаты,
Лучче мы будем малых дитей изпыняты,
Будем тебе до смерты вику почытаты й поважаты.„
Тоди вдова тее зачувае,
Словамы промовляе:
Ой Боже, мылый Боже!

Що теперишнього часу не успив батько й маты молоде подружжа за свого сына взяты,
Стане хлибом-силью нарикаты;
Що который чоловик батькивську-матчыну молытву чтыть, шануе, поважае,
Отцевська-матчына молытва в купецьтви, в реместви на помич спомагае,
Отцевська-матчына молытва зо дна моря достягае,
Од грихив душу одкупляе,
До царства провожае.
Дай Боже мыру Гетьманьському, народу Хрыстіаньському, у сим на многи лита!

(Записано отъ кобзаря въ городѣ Ахтыркѣ.)

*

А не в бору сосна зашумила,
Не зелена диброва з буйным витром говорыла,
А та вдова старенькая в домивци з маленькымы диткамы гомонила.
Мала соби трьох сынив як соколив, вона их з-малку годовала;
Зросту, славы, памьяты, спрожытку сподивала.
Сталы ти сыны до розуму дохожаты,
Сталы соби молоди подружжя знахожаты, —
Сталы вдову стареньку зневажаты,
На чуже подвирьря зсылаты:
Иды, ты, маты, в чужый дом пробуваты;
Нехай наши не будуть молоди жоны з тебе насмихаты,
Альбо диткы маленьки тоби докучаты.
То вона тое зачувае, словамы промовляе:
Сыны мои, соколы мои!
Ще не стилькы я лит з вамы горювала,
И вас дожыдала;
Я вас хлибом-силью годувала,

По наймах не пускала, —
Славы, памьяты, спрожытка сподивала, —
Тепер од вас чого дождала!
Де мени смерты своеи дождаты,
Альбо вика свого докоротаты? —
То близькый суспда тое зачувае,
Словамы промовляе:
Иды ты до дому, старенька жопо!
Будеш ты дома пробуваты,
Будеш мини хатку вымитаты,
Будеш ты в мене хлиб-силь вкушаты,
Маленьки диткы доглядаты,
Буду я тебе за матку стареньку почытаты.
То вдова тое зачувае,
В чужый дом уижжае,
Дрибными сльозамы умываеться.
Сталы ти вдовыченькы без отця, без ненькы пробуваты,
Сталы отцеву й ненчыну молытву забуваты, —
Тогди их став Господь безневынно караты,
Тогди сталы з их близькін и дальніи сусиды насмихаты.
То найменшый вдовыченко тое зачувае,
Словамы промовляе:
Недобре мы, братця, самы почыналы,
Що матку стареньку зневажалы,
Та з своеи домивкы выслалы.
Та в недилю рано-пораненьку добре мы, братця, вчынимо,
На чуже подвирьря пійдимо,
Шапкы в рукы знимимо,
Матери старенькій на землю в ногы вклонимось:
Иды ты, маты, в свій дом пробуваты;
Лучче мы будем своих жон зопыняты,

Диткы маленьки научаты. . .
Тогди вдовыченкы в чужій двир впадалы,
Шапкы в рукы знималы,
Матери старенькій нызенько в ногы уклонялыся:
Иды ты, маты, в свій дом пробуваты;
Можем мы тебе за матку старенькую до смерти почытаты.
То вдова тое зачувае,
Словамы промовляе:
Мылый Боже! Добрый Боже!
Що тепер на свити таке становыться:
Не вспив отець и маты
За молодого сына подружжа поняты,
А зараз стане хлибом-силью нарикаты . . .
А который чоловик отцеву й матчыну молытву чтыть-поважае,
То отцева-матчына молытва зо дна моря вынимае,
Од пекла до выкупу, до царства небесного душу проважае,
В купестви, в реместви, на поли й на мори помагае!

(Записалъ А. Л. Метлинскій отъ кобзаря въ Зѣньковскомъ уѣздѣ)

*

В недилю барзо рано-пораненьо не сыва зозуля заковала:
Вдова,
Старенькая жена,
Посты постыла
И молытвы творыла,
Господа мылосердного соби на помич просыла:
Господы едыный!
Поможы мни дила сіи:
Дитей згодоваты,
И з их розума доброго дождаты!
То вже вдова Богу домолылася:
Сынив поженыла и дочок замиж пооддавала.

И з их розума доброго дождала.
Як сталы вдовыченкы в своим доми з жонамы прожываты,
Сталы старои пани-маткы пасмихатыся,
Сталы хлибом-солью докоряты:
„А йды-ж ты, стара пани-матко, из нашого дому
До чужого дому прожываты;
Нехай мы будем знаты,
Як без тебе господарство содержаты,
И будем жен своих страхаты,
И малых дитей униматы!„

То в недилю рано-пораненьо не сыва зозуля заковала:
То вдова,
Старенька жона,
Из свойого дому изхождала,
В гору рукы изнымала,
Сынив своих кляла—проклынала,
За слизамы свиту Божого не выдала,
И на воротях звалылася . . . .
Та старшый брат у кватыру поглядае,
Стару пани-матку у воротях зобачае,
До меньших братив словамы промовляе:
„Чы бачете, братця, що наша стара пани-матка горилкы напылася,
И на воротях извалылася? . .„
То блыжняя сусида,
Молодая челядына,
По воду выхождае,
Стару пани-матку до свойого дому благае:
— Иды ты, старая пани-матко, до мойго дому прожывагы,
Не будеш пры старости литях хаты пидмитаты,

И не будеш диток моих дозыраты,
И тилько будеш мене, молодую челядыну, на добрый розум наущаты.

Як сталы вдовыченкы без старои пани-маткы у свойому доми прожываты,
Не став им Господь ни в чим помагаты:
Ни в пахарстви,
Ни в бурлацтви,
Ни в третем—купечерстви,
Не сталы их люде знаты,
И в их хлиба-соли ужываты;
Тилько воны, с тоскы та с печали, идуть у корчму готоваго осьмака пропываты . . .
Сталы им люде у слух докоряты:
— Чы бачете, братця, що у нашых вдовыченкив хлиба-соли немае,
Що их стара пани-матка трынадцять лит у чужим доми прожывае?
То так, панове братця, годыться отця, матер поважаты,
До смерти шановаты!—
Теперешнього часу,
Люду царського
И народу хрыстыянського,
И всим православным хрыстыянам выслухающым
Многыи лита, многыи лита, многыи лита!

(Записалъ Н. М. Бѣлозерскій, отъ кобзаря Ивана Романенка, въ с. Британахъ, Борзенскаго у., Черниговской г.)

*

Як у недилю весьма барзде рано-порану, то не сыва зозуля заковала;
То вдова,
Старенькая жена.
Посты постыла
И молытвы творыла,
Господа мылостывого на помич просыла:
„Боже мій мылый,
Боже мій едыный!
Поможы ты мыни сіи диты згодоваты
И з их помочы дождаты„
То вже-ж то вдова Господа упросыла:
Сынив поженыла
И дочкы замиж пооддавала.
Як сталы удовыны сыны з женамы своимы у доми пробуваты,
Та сталы из старои пани-маткы насмихаться,
Хлибом-солью докоряты:
„Иды ты, маты,
До чужого дому пробуваты;
Нехай мы будем керез тебе жен своих страхаты,
Диток малых униматы.„
То тогди, як у недилю весьма барзде рано-порано не сывая зозуля заковала,
Як бидна вдова з свого дому выступала,
За слизамы свиту Божого не выдала,
На воротях извалылася,—
То болшый сын у кватыру поглядае,
Ище з старои пани-маткы насмихаеться:
„Огляньтеся, браття, десь наша маты велыкого хриха набралася—
Горилкы рано напылася,
На ворóтах извалылась.„

Тоди-ж то сталы удовыны сыны з женамы у доми пробуваты,
То став Бог выдымо ни в чим помагаты:
Ни в пахарстви, ни в реместви,
Ни в третем купецтви.
Тоди-ж то удовыны сыны одын до дного истыха словамы промовлялы,—
То бо́лшый брат:
„Гляньтеся, браття, якый я був соби дом избудовав,
Та як стару пани-матку из двора зогнав,
То мій дом Бог громовою тучою скарав.„
Середулшый брат велыке мылосердые мае,
У чужый двор ухождае,
Старій пани-матци крыжем у ногы упадае:
— Иды ты, маты,
До нашого дому пробуваты,—
Нехай мы будем знаты,
Як своих жен страхаты,
Дитóк малых униматы . . . .
Уже-ж нам далась тяжка́я бида и без тебé знаты!—

О тогди-ж то, у недилю, весма-барзде рано-порано, то не сыва зозуля заковала,
Як бидна вдова з чужого дому выступала,
За сльозамы свиту Божого не выдала,
Ище стыха словамы промовляла:
„Боже мій мылый,
Боже мій едыный!
Поможы ты мыни сіи диты опрощаты;
Що я в чужим доми трынадцять лит пробувала,
Ни от кого соби крывды не ма́ла,
Тилько своих сынив кляла, та проклынала!„

Тогди-ж то, як сталы удовыны сыны свою пани-матку содержаты,
Став Бог выдымо во всьом помагаты —
И в пахарстви, и в реместви,
И в третєм купецтви.
Тогди-ж то воны одын до дного стыха словамы промовлялы:
„Гляньте, браття! правду святе пысьмо свидчыть, высвидчае,
На всякый час моленые показуе:
Который чоловик отця свого, матер штыть, поважае,
Тому Бог во всякый час помагае.„
Подай, Боже, на многи лита!

(Записано отъ кобзаря Андрея Шута, въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у., Черниговской г.)

Дума про сон и про жену.

У недилю святую снывся, прыснывся вдовыченку—
Барзо-пречуден сон, та ще дуже й предывен.
Скоро вин з свого сна розбужае.
Свого сна козацького не вгадае,
Матери старій словамы промовляе:
Маты моя старенькая! ты людям вгадуеш, малым диткам помагаеш:
Вгадай мени, маты, сей сон,
Що выдыться—на отцевському двори на моему
Тры горы камьяпіи процвиталы;
Перва гора процвитала красным цвитом выновая.
„Желае за тебе мужняя жена на сторону мандруваты:
Не будеш ты з нею ни якого промишканія маты:
Дасть тоби Господь диждаты Риздва Хрыстова,

Альбо найпаче Свитлого Воскресенія;
То вона буде кватырку одсуваты,
По рынку поглядаты.
Чы не йде муж первый дружыны шукаты.„
Друга гора процвитала зеленым цвитом выновая.
„Желае за тебе вдова богата, гордая;
Не велю тоби сыну ін браты:
Не будеш ты з нею щастя й доли маты:
Дасть тоби Господь Ризлва Хрыстова.
Альбо найпаче Пресвитлого Воскресенія диждаты;
Будуть до неи кумы-побратымы наижжаты,
Будуть пыты та гуляты,
Будеш ты у порога стояты,
Будуть тебе наймытом нарикаты,
Будуть тебе ще й на смих пидійматы.„
Третя гора процвитала билым цвитом камьяная.
„Желае за тебе сырота безщасна, безридна, дивчына молодая.
Велю я тоби сыну ін браты:
Будеш ты з нею щасте й долю маты;
Де муж з женою жыве, прожывае,
Там святый Мыколай на радость ухожае.„

(Записано отъ кобзаря въ Ахтыркѣ.)

Чужына.

(Дума.)

На Святую недилю, то в недилю барзо рано пораненьку,
То не сыва зозуля закувала,

Як сестра до брата з чужои стороны поклоняла,
Поклон посылала, словамы промовляла:
Братику мій ридненький,
Голубоньку сывенький!
Одвидай мене безридну та бездольну в чужій стороні,
Пры лыхій хуртовыні.
То брат зачувае,
Словамы промовляе:
Рад бы тебе одвидаты да не могу за темными лугамы,
За шырокымы степамы,
За быстрымы рикамы.
Сестра то зачувае,
Словамы промовляе:
Прошу тебе, через быстри рикы билым лебедоньком переплывы,
Через широки степы малым невелычкым перепелоньком перебижы,
Через темни лугы ясным соколоньком перелеты,
А в моим двори сывым голубоньком сядь-пады,
Жалибненько загуды—
Тугу мою, брате, роздилы . . .
Що тепер, брате, святый день, Велык-день,
Празник роковый,
Що люды з церквы йдуть,
Як бджилонькы гудуть—
Одно одного на здоровья пытае,
Одно одного на бенкет зазывае,
А мене нихто по родыни не займае,
Будто воно мене та й не знае!

Покы мы у отця та у маткы бувалы,
Покы у нас пывалы та йидáлы,
Тогди нас кумы й побратымы добре зналы,
На силь, на хлиб, на бенкет зазывалы,
И не свит и не зоря ще, на день добрый давалы,
А тепер прышыбла мене лыхая хуртовына.
Одцуралыся кумы й побратымы!
То так-то тяжко, та так важко—
Земли без травы, рыби без воды,
Птыци без лиса пробувáты;
То так то тяжко та важко чоловику в чужій чужыни,
На чужій сторони,
Без отця, без неньки, без сердешного роду
пробувáть!

(Записалъ отъ кобзаря А. А. Метлинскій въ Зѣньковскомъ уѣздѣ.)

Вдова.

Ой з-за горы буйный витер віе;
Там удивонька пшеныченьку сіе;
Посіявшы, стала волочыты,—
Заволочывшы, стала Бога просыты:
„Суды, Боже, сю пшеныцю, як лаву,
На вдовыне счастя, на людьську славу!„
7 Ой ище вдова та до-дому не дойшла,
А вже люде кажуть, що пшеныченька зойшла;
Ище вдова да на лавци не сила,
А вже люде кажуть, що пшеныця поспила.
Аж прылитае орел под удовыну хату:
— Годи тоби, вдово, та на лавци лежаты.

Беры серпа та йды пшеныци жаты! —
Ой пошла вдова та пшеныци глядиты,
Аж там вывела перепелыченька диты.
„Перепелыченько! не литай так по-ночи,
Бо повыколюеш на стернычку очи.„
— Як же мени, вдово, по ночах не литаты,
Колы маю дрибны диткы, та ничым их годоваты. —
„Не турбуйся-ж ты, наша матинко, намы!
Як подростуть крыльця, то розлетымося й самы
То по густым лиси, то по чыстому поли —
Будем гуляты, наша маты, доволи;
Едне пиде на украину, друге на полисься —
Уже ты нас, наша маты, и у гости не сподійся!

(Житомир.)

1 Ой з-за горы та буйный витер віе,
Бидна вдова пшеныченьку сіе;
Ой з-за горы дрибен дощык мочыть,
А бидная удовыця пшеныченьку волочыть . . .

7 Ще-ж тая удивонька до дому не дойшла,
А вже-ж теи удивонькы та й пшеныця изойшла;
Ще тая удивонька та й на лавци не сила,
Уже-ж теи удивонькы да й пшеныця поспила;
Ще-ж тая удивонька и вечерять не варыла,
Вже-ж теи удивонькы та пшеныця поспила.
Пишла тая удивонька та пшеныци глядиты,
Аж вывела перепелочка маленькій диты:
Перепелочко! та не литай темненькои ночи;
Бо повыколюеш на стебельця очи[1].

(1) Въ этой пѣснѣ, кажется, выражено покровительство Промысла слабымъ, въ лицѣ вдовы, и благодарность къ Провидѣнію, выраженная въ милосердіи вдовы къ птичкѣ, свившей гнѣздо въ ея пшеницѣ.

(Конотоп.)

Олексій.

Ой у Бога велыкая сыла!
Та й оженыв батько неволею сына;
Не зхотив вин из жинкою жыты,
Пишов же вин по пущах блудыты;
Блудыв же вин сим год и чотыри,
Прыблудывся к обидній годыни;
Його батько й маты не пизналы,
Та й за старця його засчыталы.
— Велю слугам келеньку зробыты,
Велю старцю у келеньци жыты,
Велю старцю истоньки носыты.—
Ой час-пора слугы посылаты,
Нехай идé батько жытія чытаты.
Батько идé, жытія чытае,
З велыкого жалю и сам помирае:
— Ой Боже мій, окрашеный свите!
Сыну Олексію, як рожевый квите!
Я-ж на тебе та й не надывывся,
Тилькы за тобою та й запечалывся! —
Ой час-пора слугы посылаты,
Нехай идé маты жытія чытаты.
Маты идé, жытія чытае,
З велыкого жалю сама помирае:
— Ой Боже мій, окрашеный свите!
Сыну Олексію як рожевый квите!
Я-ж на тебе та й не надывылась,
Тилькы за тобою запечалылась! —
Ой час-пора слугы посылаты,
Нехай идé жинка жытія чытаты.
Жинка идé, жытія чытае.

З велыкого жалю сама помирае:
- Ой Боже-ж мій, окрашеный свите!
Мужу Олексію, як рожевый квите!
Я-ж з тобою та й не нажылася,
Тилькы за тобою та й изнебулася!

(Гадяч.)

А в Господа велыкая сыла!
Одружыв . . . по неволи сына.
Одружывшы, казав в пари жыты,
А вин пишов на пущу блудыты.
Ходыв сим лит не йвшы, не пывшы;
Прыйшов к отцю, як земля вчорнившы.
Отець, матка його не позналы,
В своим доми за старця прыналы.
Казав його до келіи взяты,
Казав слугам йсты доношаты . . .
Слугы самы все те пожыралы,
А йому тее, що псам, доношалы.

(Радомысль.)

Найкраще.

Та скажы мыни правду, мале пахоля.
Над якее зильля[1] и в свити нема?
Чы над той же запашный васыльок?
Чы над той же хрещатый барвинок?
Чы над роженьку?
— Запашный васыльок тры запахы ма[2],
Хрещатый барвинок сады устыла,
А над тую та роженьку.
А над тую червоную
У свити нема! —

„Та скажы мыни правду, мале пахоля,
Над якую птыцю у свити нема?
Чы над того ясного сокола?
Чы над того малого соловья?
Чы над тую зозулю?„
— Той ясный сокол высоко литае,
Мале соловья сады розвывае:
А над тую зозуленьку,
А над тую сывенькую,
И в свити нема! —
Та скажы мыни правду, мале пахоля!
Над якее дытя[3] и в свити нема?
Чы над тую бидную вдову?
Чы над тую мужнюю жену?
Чы над дивчыну?„
— Та[4] мужняя жена з мужем розмовля,
А бидная вдова плаче та рыда,
А над тую дивчыноньку,
А над тую молодую
И в свити нема

([1]) Над якую зилыну. ([2]) Все для запаху. ([3]) Над якую людыну. ([4]) Шо.

(Гадяч.)

Скажы мыни правду, мое сердынятко,
Которая зелень найперш процвитае.
Чы кратчастый барвиночок,
Чы запашный васылечок,
Чы повна рожа?
Кратчастый барвинок сады устылае,
Запашный васылек тры запахы мае;
А над тую повну рожу,

А над тую чирвоную
На свити немае.

Скажы мыни правду, мое сердынятко,
Которая пташка найраньше вставае:
Чы биленький лебедонько,
Чы маленький соловейко,
Чы зызуленька?
Билый лебедонько по води плавае,
Малый соловейко щебече раненько,
А над тую зызуленьку,
А над тую рабенькую
На свити нымае.

Скажы мыни правду, мое сердынятко,
Которая душа найлучче вжывае?
Чы молода дивчыноньку,
Чы бидная удивонька,
Чы мужня жена?

Молода дивчына ничкы досыпляе,
Бидна удивонька сорок думок мае,
А над тую мужню жону,
А над тую господыню
На свити немае.

(Радомысл.)

Загадки.

Ой за гаем зелененьким
Брала дивка льон дрибненький,
Вона брала, выбирала,
И ходячы тонко слала,

И ходячы тонко слала,
Сыру землю проклынала:
„Ой ты земле, ты сырая!
Прыняла-ж ты отця й неньку,
Прыняла-ж ты отця й неньку,
Прыймы мене молоденьку, —
Прыняла-ж ты всю родыну,
Прыймы мене сыротыну!„
— На що-ж тебе прыниматы?
Треба тоби пару даты! —
Йихав козак з украины,
Та зайхав до дивчыны.
— Здрастуй, здрастуй, дивчынонько! —
„Здоров, здоров, козаченьку!„
— Загадаю сим загадок;
Одгадаеш — моя будеш,
Одгадаеш — моя будеш,
Не отгадаеш — дурна будеш.
А що вьеться по дереву?
А що росте без кориня?
А що цвите без насиньня?
А що плаче, слиз не мае?
А що грае, голос мае?
А що свитыть да й не гріе?
А що бижыть без перестани? —
Дивка стала, подумала,
Сим загадок отгадала:
„Що хмиль вьеться по дереву,
Каминь росте без кориня,
Верба цвите без насиньня,

Сова плаче — слиз не мае,
Скрыпка грае — голос мае,
Мисяць свитыть та й не гріе,
Вода бижыть без перестани.„

(Конотоп.)

Ой у лиску пид вильхою
Стояв козак з дивчыною.
— Ой ты дивча безумная,
Сим загадок загадаю.

А що йде без прогону?
А що свитыть без зазору?
А що пече без жарыны?
А що жыве без дружыны? —

Човен йде без прогону,
Мисяць свитыть без зазору,
Сонце пече без жарыны,
Козак жыве без дружыны „

(Кіев.)

Літа.

Вылиталы орлы з-за крутои горы;
Вылиталы, буркоталы, роскоши шукалы.
Ох и скилькы не литалы, треба вниз спустытысь;
Ой у поли, в поли тры дорогы, треба розризнытысь.
Запрягайте, хлопци, кони вороныи,
Да пойдем доженемо лита молодіи.
Ой нагналы лита на калыновим мости!:
Ой вернитеся, вернитеся, хоть на часок в гости!
Не вернемось, не вернемось, не будем вертаться:

Було тоби, молодому, було шануватьсѧ.
Шануваты було да здоровьячка свого;
А тепера не вернемось, бо ни-за-для чого.

(*) На зеленим мости.

(Золотонош.)

Доля.

Ой уродыла маты сынка на святу недилю,
Дала мени нещасную долю: де я ii дину?
Ой взяла нещасную долю у пысану торбу,
Та понесла нещасную долю на торг продаваты,
А тепера люды та порозумилы не йдуть купуваты!
Ой возьму я нещасную долю, понесу до-дому,
Та кыну-ж нещасную долю з плеча додолу:
Пиды, пиды, нещасная доля, в поле заблудыся,
Ты вид мене молодои, молодои одчыпыся!
„Хоть же я, молода дивчына, в поли заблужуся,—
Ты прыйдеш жыто зажынаты, я за тебе вчеплюся;
Ты будеш, молода дивчыно, жыто зажынаты,—
Я буду у борозках лежаты . . .„
Пиды, пиды, нещасная доле, в лиси заблудыся!
„Ты прыйдеш, моя дивчыно, калыну ламаты,
А я буду пид кущем лежаты.„
Пиды, пиды, нещасна доле, в мори утопыся!
„Ты прійдеш, моя дивчыно, биле платьтя праты,
А я буду на кладци лежаты.„
Ой пиду я, пиду з сього села по-пид лисом горою,
А оглянуся — идé бида за мною.
Ой вернысь, бидо! чого ты вчепылась?

„Не вернусь, дивчыно, я з тобою вродылась!„
Ой вернысь, бидо! чого ты ввьязалась?
„Не вернусь, дивчыно! я з тобою винчалась!„

(Гадяч.)

Ой пиду я долем по-над сынем морем
Доленькы шукаты, доленькы шукаты.
Не найшла я доли, найшла я рыболовив:
„Ой вы рыбалочкы, вы рыболовы!
Закыньте невид вид Днипра до моря:
Чы не выплыве к вам щаслывая доля!„
Невид закидалы й доли не піймалы.
„Як була-б щаслыва, то я вам заплачу;
А як була-б нещасна, то й даром не хочу.
Ой пиду я, пиду, сяду в зеленому жыти:
Чи не прыйде щаслыва доля та до мене жыты.
Витер повивае, жыто розхыляе,
А до мене щаслывои доленькы немае.
Пиду я засяду в зелепим ячмени:
Чи не прыйде до мене моя доля ик моій дочери.
Витер повивае, ячминь розхыляе,
А до мене щаслывои доленькы немае.
Пиду та сяду в зеленому саду:
Чи не прыйде щаслывая доля та до мене на пораду.
Витер повивае й вышневый сад розхыляе,
А до мене щаслывои доли й на пораду немае.
Пиду я сяду в зеленых конопельках:
Аж идé до мене доля вже трошкы й пьяненька.
Де-ж ты, доле, була, що й мене й забула?
— Ой я в людях була, горилочку пыла, тым я тебе й забула.

Пиду-ж я сяду в зеленим садочку:
Аж идé моя доля, пропыла й сорочку!
Була, каже, в шыночку, пыла горилочку, пропыла й сорочку,
А до тебе прыйшла, щоб ты й другу найшла.

(Гадяч.)

Сыритство.

Не з-за горы, з-за байракы,
Видтыля йдуть гайдамакы,
Из сокырамы, з тупорамы,
Та хотять байракы рубаты.
Изрубавшы зволочыты,
Зволочыты, й запалыты.
Зволочылы и запалылы
Соловьево гниздо попалылы,
Соловьевых дитей посмалылы.
Ой матинко та лебидочко!
Годуй же нас та немнижечко,
Покы вбьемося в свое пирьячко!
Як поростемо, полынемо,
Та сядемо в темному лузи:
Оттепра мы самы друзи!

(Гадяч.)

Ой вывела перепелочка диты,
Сама полетила пшеныченькы глядиты.
Повстричав ii маленький соловейко:
Ой куды летыш, малая перепелко?
Не литай же ты, перепелочко, в ночи;
Повыколюеш на былыночку очи.
Ой як же мыни не литаты?

Маю диток — ничым воспытаты!
Матинко наша! не хлопочы намы:
Мы поростем, розійдемося самы;
Буде нас, матинко, по горах, по долынах,
Буде нас по чужых украинах!

(Гадяч.)

*

1 Ой ты ремезо, да ты ремезонько,
Да не мосты гнизда да по-над Десною;
3 Бо Десна, — Десны що день прибувае:
Вона-ж твоих диток да й позатопляе!

3 Бо Десна з весны що-день прибувае.

(Переяслов.)

Недобрый сынъ и дочка.

У недилю пораненьку
Проганяе сын неньку:
„Да иды, нене, прич од мене,
Будуть, нене, гости в мене,—
Та все в сукнях, да в жупанах,
А ты, маты, в сірій свыти.„
— В тебе е, сыну, друга хатка . . .
Скажуть люды — твоя прядка;
Буду тоби кужель прясты
И дытыну колыхаты.—
Да пишла маты в поле блукаты,
Стричаеться из дочкою.
„Чого, мамко, ты блукаеш?
Десь ты моеи господонькы не знаеш!
Да ходы-ж, мамко, ты до мене;

Да не бороны-ж, мамко, ты мене!
Ой як буде чоловик быты-убываты,
До не иды, мамо, рятоваты . .„
Да через два дни перегодывшы,
Иде сын до матуси, вклонывшы:
Да идйть, мамочко, до мене!
Сталась мыни лыхая годына —
Умерла жинка, осталась дытына! . .„
— Нехай згорыть твоя хата й кимната,
Та й не пійду, сынку, до тебе рятоваты.

(Радомысль.)

Багатство и убожество.

Ой ишлы чумакы з Украины,
Сталы на попаси край долыны,
Выкресалы огню з оружыны,
Да пустылы пожар по долыни,
Запалылы диты соловьины;
Сталы соловейкы щебетаты,
Сталы бурлаченьку проклынаты!
Ой нарву я хмелю зеленого,
Да наварю пыва солодкого,
Да зазову сестру богатую,
А сестра убогая сама прыйде.
Посажу богату в кинци стола,
А убогу небогу край порога:
Ох и пый ты, сестро, мед и пыво,
Ох и йиж ты, сестро, калачи.
А убогу небогу край порога:
Ох и пый ты, сестро, гирке выно,

Ох и йиж ты, сестро, сухарыкы.
Стала сестра сестру частуваты,
Стала сестра сестри вымышляты:
Сестро моя, сестро убогая!
Ой чого-ж ты, сестро, прыйшла?
Чы в тебе свытына позычена,
Чы в тебе хатына не своя?
Сестро моя, сестро убогая!
Чом ты так не робыш, як я роблю?
Що я раненько устаю,
По два почыночкы напрядаю,
Да свои скрынечкы наповняю,
Да своих диточок зодягаю! —
— Сестро моя богатая!
Що я раній тебе устаю,
По тры почыночкы напрядаю,
Да чужіи скрынечкы наповняю,
Да чужых диточок зодягаю!

(Конотоп.)

Убожество.

Тым на свити теряється,
Що братик сестры цурається;
Сестра к двору прыйзжае,
А братик в воконце выглядае:
Прыймы, жинко, хлиб из стола,
Бо йде в гости сестра моя.
„Стій, братику, не лякайся,
Из хлибом и силью не ховайся —
Бо я дома, брате, обидала,
Тилькы-ж твого жытья одвидала!

А я дома хлиба заробляю —
Прыйдь, брате, в гости, не ховаю;
А я дома хлиба загорюю —
Прыйдь, брате, в гости, нагодую.

(Лубн.)

Вдова.

Никому так не гирко жыть, як бидній вдови,
Лежыть ій нывка неораная, стоить ій пшеныченька непосіяная.
Ой найму-ж я ведмедыка за плугом ходыть,
А вовчыка сиренького волы погоныть,
А зайчыка маленького передни водыть, —
Сама пиду до господы обидать варыть.
Розсердывся ведмедык та й плуг поламав,
А вовчычок сиресенькый волы розигнав.
А зайчычок малесенькый излякався —
В темни лугы, в густи кущи заховався.
Идé, идé бидна вдова, озыраеться —
Лежыть ведмидь над горою, усмихаеться;
Взяла вона ключечку та й выорала,
Взяла вона пшеныченькы та й посіяла,
Взяла вона грабелькы — заволочыла,
А дрибными слизонькамы та й прымочыла.

(Лубн.)

Смерть.

А ще сонце не заходыть, а я спаты ложуся;
До сповиди готуюся, да все Богу молюся.
Помолывшись я святому Богу[1]: прощай, моя мыла, в останній дарі!
Да положать мое биле тило на тисовій лави,
Да изроблять на мое биле тило труну тисовую,

Да положать мое биле тило в глыбоку домовыну,
Да поставять труну тесовую на высокiи мары,
Да упустять мое биле тило у глыбокую яму,
Да насыплють на мое биле тило высоку могылу,
Да задзвонять в уси дзвоны по останьній дорози;
Отклонюся отцю й неньци й усій родыни;
Покыдаю срибло-злато, золотiи чаши —
Уже-ж мени из собою их не браты! забрав-же-б из собою,
Так там их не треба . . .
Сажень земли да чотыри дошкы,
Да спасеньня трошкы! . . .

(') Подразумѣвается: *говорю* или *прощаюсь*.

(Конотоп.)

Суд.

Та прожыв я свiй вик, не так як чоловик:
Що люды жывуть, як цвиты цвитуть;
Моя голова як вьяла трава!
Не пиду у мыр, пиду в манастыр,
Щоб душу спасты, щоб Господь простыв:
И душу спасу, и кости ссушу . . .
Недвыжно лежать, страшно суда ждать!..
Страшный суд прыйде, всим розбор знайде:
Праведным душам увесь свитлый рай,
А гришным душам вичнее пекло.
Що праведни души звеселылыся,
У рай идучы, псалмы поючы;
А гришни души ужахнулыся,
У пекло йдучы, сыльно плачучы . . .
„Проклятый час — тая годына,
Що нас отець, маты на свит породыла,
На добрый путь не навчыла! . „

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ.

БУВАЛЬЩЫНЫ.

А.) ИЗВѢСТНЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

I. До временъ козачества (до XVI вѣка).

---

1. Про Малого Гарею (1493-1501 г.).

Згвалтовалы лыху чутку
Нашы хуторянци,
Як почулы, що з Лытвою
Бьются Поморянци;
Як почулы, що гвалтивно
На нашы угоды
Идуть Крымци да поганци
Чыныты нам шкоды.
Навижены таборыща
Малого Гарею
Запсовалы нашы хаты,
Глумылысь з семьею....

(Записалъ отъ стариковъ, въ м. Олишевкѣ, Козелецкаго у., Черниговской г., А. Шишацкій-Илличъ.)

II. Со времени козачества до Уніи (XVI вѣкъ).

2. Про Венцеслава (около 1534 г.).

Ой пойхав Венцеслав на море гуляты,
А повисыв через плечы та сайдак богатый...

(Лѣвой стороны Днѣпра, записано до 1843 г).

3. Про Дмытра Самійленка-Коломійця (къ концу XVI в.).

На розсвити, на заранци,
Ище спалы бисурманци,
В Наддніпранським спалы мисти,
А козакы, в имъя Боже,
Покынувшы Запорожже,
Плывлы з Днипра в чайок двисти;
Плывлы з Днипра, плывлы та на Чорне море....
Буде-ж слава козаченькам, бисурманам горе!
В Наддніпранським ще сплять мисти,—
Вже на мори чайок двисти,
Аж море зтемнило.
Сичовыкы мед кружляють,
На бандурках выгравають,
Що слухаты мыло.
Иден тилько пан-отаман що-сь трохы сумуе,
Не пъе меду, чайкы личыть, по мори пантруе.
Чого-ж то вин зажурывся,

В море так вдывився:
Чы вин тужыть за степамы,
Чы за дивчатамы?
Чы вин батька спогадав,
Що в Лятчыни де-сь пропав,
А по сым мори зо славою гуляв?
„Не тужу-ж я за степамы,
Ни за дивчатамы,
Ни я батька спогадав,
Що в Лятчыни де-сь пропав,
А по сым мори зо славою гуляв;
Но тужу-ж я, тужу, тужу та сумую,
И по Чорному мору очамы пантрую,—
Що як злая хвортуна потягне,
А Турок на нас нагряне:
Я з батька Самійленко, Коломіець з роду—
Не потоплю вражых сынив в солоную воду...
Подывиться, казаченькы, по сыньому мору:
Чы то выдно мисяченька, чы вечирьню зору?
Чы буйни витры на море стягають,
Чы Турецьки кораблыкы на нас наступають?„
— Ны мисяць то, а ны зоры
Сіяють по мори,
Ны буйни витры стягають;
То Турецьки кораблыкы на нас наступають.—
„Годи-ж уже, козаченькы, пляшкы спорожняты.
На бандурках козацькыи писни выграваты,—
Тепер густо з самопалив на Туркив цилыты,
Бо вже-ж бо нам раз послидній з нымы ся-побыты...
Ой нене-ж моя, нене, матинко старенька,
Орлыце сызопера, голубка сывенька!

Що-ж я тоби вдіяв,
Що ты мене прокляла,
Як на війну выряжала?
Колы-б же вид тебе у́боч витер повіяв,
И ридньому твому сыну
Опрощенне прынис а несщасну годыну...
Хто-ж тепер тебе буде потишаты,
Хто дарамы надараты,
И по твоим двору конем выграваты?...
Ты-ж мыни казала, ты-ж до мене промовляла,
Як на війну выпроваджала:
Тилько-то роду и плоду, що ты, мій сыну...
Бувай же здоров, та й повертайся та й в риднюю
Украину!...„
Ище довше пан-отаман голосыв бы красно,
Наступалы бисурманы на козакив расно.
Загудилы козаченькы з самопалив густо,—
По всим мору по сыньому зробылося пусто;
Покынулы самопалы, а взялысь за шабли,—
Нема чайок на всим мори, тилькы-но корабли.
Лынув сокил в Украину, та й прыносыть висты:
Не побачыть Запорижже своих чайок двисти!
Лынув сокил в Украину, промовыв словамы:
Погыб козак Самійленко з всимы козакамы!

(Записалъ около 1820 г. въ г. Умани, Кіевской г,. отъ Якова Самійленка-Коломіенка, Г. Изопольскій. «Atheneum,» 1844 г., Т. V. стр. 26 и 27.)

IV. Отъ времени Уніи до Богдана Хмельницкаго. (отъ начала XVI в. по 1647 г.).

---

4. Про Хвеська Кганжу Андыбера (до 1647 г.).

а.

Ой полем, полем Кылыйнськым,
Бытым шляхом Ордыйнськым,
Эй гуляв, гуляв козак бидный летяга сим год и чотыри,
Да потеряв з-пид себе тры кони вороныи.
На козаку бидному летязи
Тры серомязи,
Опанчына рогожовая,
Поясына хмеловая;
На козаку бидному летязи сапъянци—
Выдны пьяты и палци,
Де ступыть — босои ногы слид пыше;
А ще на козаку бидному летязи шапка-быpка,—
Зверху дырка,
Шовком шыта,
Буйным витром пидбыта,
А околыци давно немае.
Ище-ж то козак бидный летяга до города Кылыи прыбувае;
Та не пытается де-б то статы,
Коня попасты,—
А пытается, де корчма новая,
Шынкарка молодая,
Настя кабáшна:
Тая на нас, на бидных летяг, хоч зла да й обашна.
Городом Кылыею идé,
Слухае, прыслухается:

Чы не радыться хто на славне Запорожже гуляты;
Аж тильки радяться, поражаються
Тры дукы-сребраныкы
На кабак итты
Меду да оковытои горилкы попываты.
Тоди-то козак добре дбав,
Попереду соби у кабаку кватеру займав:
Крей грубы сидае;
Плечы свои козацьки прыгривае.
Тогди дукы-сребраныкы у кабак ухождалы,
У стола сидалы,
По цебру меду, оковытои горилкы постановлялы.
Первый дука сребраныка Гаврыло Довгополенко Переясловськый,
А другый Войтенко Ниженськый,
Трейтій Золотаренко Черниговськый.
Ище-ж бидного козака летягы не вытають
Ны медом шклянкою,
Ны горилкы чаркою:
То козак бидный летяга на дукив сребраныкив скоса поглядае:
То одын дука сребраныка був обачный,
Гаврыло Довгополенко Переясловськый:
Из кармана людську денежку выймав,
Насти кабáшній до рук добре оддавав,
А ще стыха словамы промовляв:
„Эй, каже, ты шынкарко молода, ты Насте кабашна!
Ты, каже, до сых бидных козакив летяг, хоч злая, да й обашна;
Колы-б ты добре дбала,
Сю денежку до рук прыймала,
До погреба одходыла,
Хоч норцовóго пыва уточыла.
Сьому козаку бидному летязи

На похмиллє жывит його козацькый скрипыла.„
Оттогди-то Настя кабашна денежку прыймала.
До погреба одходыла,
Меду да оковытои горилкы вточыла,
Козаку бидному летязи коновку в рукы втеребыла.
Оттогди козак бидный летяга, як узяв коновку за ухо,
Оглядыться, — аж и в дни сухо.
Оттогди-то козак бидный летяга,
Як став у соби хмиль козацькый зачуваты,
Став коновкою по мосту погриматы;
Сталы в дукив сребраныкив
Из стола чаркы й шклянкы литаты:
69 Оттогди-ж то козак бидный летяга,
Як став у соби билшый хмель зачуваты,
Став з-пид панчыны рогожовои,
З-пид поясыны хмелóвои,
Щирозлотный обушок выйматы,
Став шынкарци молодій за цебер меду застановляты;
Сталы дукы сребраныкы
Одын до òдного стыха словамы промовляты:
„Эй шынкарко молода,
Настя кабашна!
Нехай сей козак бидный летяга
Не маеться в тебе сеи заставщыны выкупляты;
Нам, дукам сребраныкам,
Нехай не зарекаеться волы поганяты,
А тоби, Насти кабашній, груб топыты.„
Оттогди-то козак бидный летяга,
Як став сіи слова зачуваты,
Так вин став по-конець стола сидаты,

Став чересок выныматы,
Став шынкарци молодій.
Насти кабашній.
Увесь стил червинцямы устылаты.
Тогди дукы сребраныкы,
Як сталы в його червинци зоглядаты.
Тогди сталы його вытаты
Медом шклянкою
И горилкы чаркою.
Тогди й шынкарка молода
Настя кабашна
Истыха словамы промовляе:
„Эй козаче, каже, козаче!
Чы снидав ты сьогодни, чы обидав?
Ходы зо мною до кимнаты,
Сядем мы з тобою поснидаем.
Лы пообидаем.„
Тогди–то козак бидный летяга
По кабаку похождае,
Кватыру очыняе,
На быстрыи рикы поглядае,
Клыче, добре поклыкае:
„Ой рикы, каже, вы рикы нызовыи,
Помошныци Днипровыи!
Або мыни помочы дайте,
Або мене з собою визьмите!„
Оттогди одын козак идé,
Шаты дорогыи несе.
На його козацьки плечы надіе;
Другый козак идé,

Бóты соньянóви несе,
На його козацьки ногы надіе;
Трейтій козак идé.
Шлычок козацькый несе.
На його козацьку главу надіе.
Тогди дукы сребраныкы
Стыха словамы промовлялы:
„Эй не есть же се, братци,
Козак бидный летяга,
А есть се Хвесько Кганжа Андыбер,
Гетьман запорозькый!
Прысунься ты до нас, кажуть, блыжче,
Поклонымось мы тоби ныжче:
Будем радыться,
Чы гаразд добре на славній Украйни прожываты.„
Тогди сталы його вытаты
Медом шклянкою
И горилкы чаркою.
То вин тее од дукив сребраныкив прыймав,
Сам не выпывав,
А все на свои шаты пролывав:
„Эй шаты мои, шаты!
Пыйте, гуляйте:
Не мене шанують,
А вас поважають;
Як я вас на соби не мав,
Ныхто мене й гетьманом не почытав.„
Тогди-то Хвесько Кганжа Андыбер,
Гетьман запорозькый,
Стыха словамы промовляв:
„Эй козакы, каже, диты, друзы, молодци!

Прошу я вас, добре дбайте,
Сых дукив сребраныкив,
За лоб, паче волив, из-за стола вывожайте,
Перед окнамы покладайте,
У тры березыны потягайте „
Тогди-ж то козакы, диты, друзы, молодци,
Добре дбалы,
Сых дукив сребраныкив за лоб бралы,
Из-за стола, паче волив, вывождалы,
Перед окнамы покладалы,
У тры березыны потягалы,
А ще стыха словамы промовлялы:
„Эй дукы, кажуть, вы дукы!
За вамы вси лугы и лу́кы,
Нигде нашому брату козаку летязи статы
Й коня попасты!„
Тогди-то Хвесько Кганжа Андыбер,
Гетьман запорозькый,
Хоча помер,
Дак слава його козацька не вмре, не поляже!
Теперешнього часу,
Господы утверды й подéржы
Люду Царського,
Народу хрыстыянського,
На многая лита.

(Записалъ отъ кобзаря Андрея Шута — въ м. Александровкѣ, и Андрея Бешка — въ м. Менѣ. — Сосницкаго у., Черниговской г., П. К.)

б.

Ище боты сапъянóви,
По мужычи—постолы лутóви;

А ще оборы шовковыи,
По жоночи — валовыи,
У-трое несуканы.

17 Тоди-ж то вин до города Кылыи прыбував,
Городом Кылыею проижджав,
Слухав, прослухав:
Чы не радыться хто, порадыться на славную Украину гуляты;
Аж ныхто не радыться, не поражаеться на славную Украину гуляты,
Тильки радяться тры дуки сребраныкы
До Насти кабашнои меду да оковытои горилкы пидпываты:
Первый дука сребраныка Ниженськый Войтенко,
А другый Черниговськый Попаденко,
А трейтій Грыцько Коломіець.
Тоди-ж то воны до Насти кабашнои у кабак ухождалы,
Мед да горилку оковытую подпывалы.
Тоди-ж то козак бидный летяга у кабак ухождае,
Коло грубы сидае,
Козацьки свои бидныи плечы согривае.
Тоди-ж то одын дука сребраныка велыкее мылосердые соби мав,
Людську денежку з кармана выймав,
Да Насти до рук добре оддавав,
А ще стыха словамы промовляв:
„Эй Насте кабашна!
Ты, каже, для сых бидных козакив летяг, хоч злая, да й обачна.
Велю тоби до погреба одходыты,
Хоть норцового пыва уточыты,

Сьому козаку бидному летязи
На похмелье жывит його козацькый скрипыты.„
Тогди-ж то Настя кабашна сама до погреба не одходыла.
Служебку повирну посылала:
„Эй служебко, каже, ты моя повирна!
Велю тоби до погреба одходыты,
Хоть норцового пыва уточыты.
Сьому козаку бидному летязи
На похмелье жывит його козацькый скрипыты.„
Тогди служебка повирна до погреба одходыла.
Дви бочкы помыновала,
Да у трейтьои бочци горилкы оковытои вточыла.
Козаку бидному летязи коновку в рукы втеребыла.

69 Оттогди-ж то вин поблыжче их сидав.
Щырозлотный обушок з-за пазухы выймав,
Насти кабашній за цебер меду застановляв.
Оттогди-ж то дукы сребраныкы стыха словамы промовлялы:
„Эй козак ты бидный летяга!
Не подоба сього обушка Насти кабашній застановляты,
Подоба тоби нам, дукам сребраныкам, волы поганяты,
А Насти кабашній груб топыты.„
Оттогди-ж то козак бидный летяга на дукив сребраныкив
Велыкее пересердые мав,
Коло окна сидав,
На окно поглядав,
А ще стыха словамы промовляв:
„Эй рикы, каже, рикы нызовыи,
Помошныци Нистровыи!

122 Тогди-ж то дукы сребраныкы
Сталы на козаку бидному летязи дорогыи шаты зоглядаты,
Стады його медом и оковытою горилкою вытаты.

Тогди-ж то вин меду и горилкы не пидпывае,
Тильки на свои шаты злывае,
А ще стыха словамы промовляе:
„Эй шаты, каже, мои шаты дорогыи!
Не мене шанують,
Вас поважають;
Як я вас на соби не мав,
Да и чести од дукив сребраныкив не мав.„
Тогди-ж то дукы сребраныкы
Стыха словамы промовлялы:
„Эй не есть ты козак бидный летяга,
А есть ты Хвесько Кганжа Андыбер,
Гетьман запорозькый „
Тогди-ж то Хвесько Кганжа Андыбер,
Гетьман запорозькый
Умер, и т. д.

(Записалъ, отъ кобзаря Андрея Бешка, въ м. Менѣ, Сосницкаго у., Черниговской г., П. К.)

IV Временъ Богдана Хмельницкаго. (1647-1657 г.).

5. Про Хмельницкого та Барабаша. (1647-1648 г.).

Як из день — годыны
Счыналыся велыки войны на Украйни,
Оттогди-ж то не моглы обибраты,
За виру хрыстіянську одностайно статы;
Тильки обибрався Барабаш да Хмелныцькый,
Да Клыша Билоцеркивськый.
Оттогди воны од своих рук лысты пысалы,

До кроля Радыслава посылалы.
Тогди-ж то кроль Радыслав лысты чытае,
Назад одсылае;
У городи Черкаськом Барабаша гетьманом настановляе:
„Будь ты, Барабаш, у городи Черкаськом гетьманом,
А ты, Клыша, у городи Билой Церкви полковнычым,
А ты, Хмельыцькый, у городи Чыгрыни хоть пысарем
військовым.„
Оттогди-ж то небагато Барабаш, гетьман молодый, гетьмановав,
Тильки пивтора года.
Тогди-ж то Хмельыцькый добре дбав.
Кумом до себе гетьмана молодого Барабаша зазывав,
А ще дорогымы напыткамы його вытав,
И стыха словамы промовляв:
„Эй пане куме, пане Барабашу, пане гетьмане молодый!
Чы не моглы-б мы з тобою у-двох королевськых лыстив
прочытаты,
Козакам козацькы порядкы подаваты,
За виру хрыстыянську одностайно статы?„
Оттогди-ж то Барабаш, гетьман молодый,
Стыха словамы промовляе:
„Эй пане куме, пане Хмельыцькый, пане пысару військовый:
На-що нам з тобою кролевськы лысты у-двох чытаты,
На-що нам козакам козацькы порядкы даваты?
Чы не лучче нам из Ляхамы,
Мостывымы панамы,
С упокоем хлиб-соль по вик вичный ужываты?„
Оттогди-ж то Хмельыцькый на кума свого Барабаша
Велыке пересердые мае,
Ще кращымы напыткамы вытае.
Оттогди то Барабаш, гетьман молодый,

Як у кума свого Хмелыцького дорогого напытку напывсь,
Дак у його и спать повалывсь.
Оттогди-то Хмелыцькый добре дбав,
Из правои рукы, из мезынного пальця щырозлотный перстень изняв,
Из ливои кышени ключи выймав,
З-пид пояса шовковый платок высмыкав,
На слугу свого повирного добре клыкав-поклыкав:
„Эй слуго ты мій, повиреный Хмелыцького!
Велю я тоби добре дбаты,
На доброго коня сидаты,
До города Черкаського до пани Барабашевои прыбуваты,
Кралевськи лысты до рук добре прыйматы„
Отогди-то слуга, повиреный Хмелыцького, добре дбав,
На доброго коня сидав,
До города Черкаського скорым часом, пылною годыною прыбував,
До пани Барабашевои у двир уижджав,
У сины ввійшов — шлычок из себе скыдав,
У свитлыцю ввійшов — нызькый поклон послав,
Тыи значкы на скамьи покладав,
А ще стыха словамы промовляв:
„Эй пани, каже, ты, пани Барабашева, гетьманова молодая!
Уже-ж тепер твій пан Барабаш, гетьман молодый,
На славній Украини з Хмелыцькым велыки бенкеты всчыняють,
Велилы воны тоби сіи значкы до рук прыйматы,
А мини лысты кролевськы оддаты;
Чы не моглы-б воны из кумом своим Хмелыцькым
У-двох прочытаты,
И козакам козацьки порядкы даваты?„
Оттогди-ж то пани Барабашева, гетьманова,
Ударыться об полы рукамы,

Обильлється дрибнымы сльозамы,
Промовыть стыха словамы:
„Эй не з гóра-биды мойму гану Барабашу
Схотилося на славній Украини з кумом своим Хмелыцькым
Велыки бенкеты всчынаты!
На що-б им кралевськи лысты у-двох чытаты?
Не лучче-б им из Ляхамы,
Мостывымы панамы,
С упокоем хлиб-соль вичныи часы ужываты?
А тепер нехай не зарекается Барабаш, гетьман молодый,
На славній Украйни огнив да тернив изгашаты,
Тилом своим панськым комары годоваты—.
Од кума свого Хмелыцького.„
Оттогди-ж то пани молодая Барабашевая
Стыха словамы промовляе:
„Эй слуго повиренный Хмелыцького!
Не могу я тоби лысты кралевськи до рук податы,
А велю я тоби до ворит отхождаты,
Кралевськи лысты у шкатули из земли выйматы.„
Оттогди то слуга повиреный Хмелыцького,
Як си слова зачував,
Так скорым часом, пылною годыною до ворит отхождав,
Шкатулу з земли з кролевськымы лыстамы выймав,
Сам па доброго коня сидав,
Скорым часом, пылною годыною до города Чыгрына прыбував,
Свойму пану Хмелыцькому кралевськы лысты до рук добре
оддавав.
Оттогди-то Барабаш, гетьман молодый, од сна уставае,
Кролевськи лысты у кума свого Хмелыцького зогляда;
Тогди й напытку дорогого не попывае,
А тильки з двора тыхо зыижджае,

Да на старосту свого Крачевського клыче, добре поклыкае:
„Эй старосто, каже, ты мій старосто Крачевський!
Колы-б ты добре дбав,
Кума мого Хмелыцькаго жывцем узяв,
Ляхам, мостывым панам, до рук подав;
Ще-б нас моглы Ляхы, мостывыи паны, за билозоров почытаты.„
Оттогди-то Хмелыцькый як сіи слова зачував,
Так на кума свого Барабаша велыке пересердые мав,
Сам на доброго коня сидав,
Слугу свого повиреного з собою забырав.
Оттоди-то прыпало йому з правои рукы
Чотыры полковныкы:
Первый полковныче Максыме Олшанський,
А другый полковныче Мартыне Полтавський,
Трейтій полковныче Ивана Богуне,
А четвертый Матвій Бороховычу.
Оттогди-ты воны на славну Украину прыбувалы,
Кролевськи лысты чыталы,
Козакам козацькы порядкы давалы.
Тогди-то у святый день у божественный у вовторнык
Хмелыцькый козакив до сходу сонця пробуждае,
И стыха словамы промовляе:
„Эй козакы, диты, друзы, молодци!
Прошу я вас, добре дбайте,
Од сна уставайте,
Руськый очынаш чытайте,
На лядськи табуры наижджайте,
Лядськи табуры на тры часты розбывайте,
Ляхив, мостывых панив, у пень рубайте,
Кров их Лядську у поли з жовтым писком мишайте,
Виры своеи хрыстыянськои у поругу вичны часы не подайте!„

Оттогди-ж то козакы, друзы, молодци, добре дбалы,
Од сна уставалы,
Руськый очынаш чыталы,
На Лядськыи табуры напижджалы,
Лядськыи табуры на тры часты розбывалы,
Ляхив, мостывых панив, у пень рубалы,
Кров их лядську у поли з жовтым писком мишалы.
Виры своеи хрыстыанськои у поругу вичны часы не подалы.
Оттогди-то Барабаш, гетьман молодый, конем поижджае,
Плаче-рыдае,
Истыха словамы промовляе:
„Эй пане куме пане Хмелыцькый, пане пысару вийськовый!
На що-б тоби кролевськи лысты у пани Барабашевои вызволяты?
На що-б тоби козакам козацьки порядкы даваты?
Не лучче-б тоби з намы из Ляхамы,
З мостывымы панамы,
Хлиб-соль с упокоем ужываты?„
Оттогди-то Хмелыцькый
Стыха словамы промовляе:
„Эй пане куме, пане Барабашу, пане гетьмане молодый!
Як будеш ты мыни сымы словамы докоряты,
Не зарикаюсь я тоби самому с плич головку, як галку, зняты,
Жону твою и дитей у полон жывцем забраты,
Турському салтану у подарунку одослаты.„
Оттогди-то Хмелыцькый як си слова зговорыв,
Так гаразд добре й учынив:
Куму свойму Барабашеви, гетьману молодому,
З плич головку як галку зняв,
Жону його и дитей жывцем забрав,
Турському салтану у подарунку одослав,
С того-ж то часу Хмелыцькый гетмановаты став.

Оттогди-ж то козакы, диты, друзы, молодци,
Стыха словамы промовлялы:
„Эй гетьмане Хмелыцькый,
Батю наш, Зинов Богдане Чыгырынськый!
Дай Боже, щоб мы за твоею головою пылы да гулялы,
Виры своеи хрыстыянськои у поругу вични часы не подавалы!„
Господы, утверды люду царьського,
Народу хрыстыяньського;
Всим слушащым,
Всим православным хрыстыянам
Пошлы, Боже, много лит!

(Записалъ, отъ кобзарей: Андрея Шута — въ м. Александровкѣ и Андрея Бешка — въ м. Менѣ, — Сосницкаго у., Черниговской г., П. К.)

---

6. Про Хмельныцького та Васыля Молдавського (1650 г.).

Як из нызу из Днистра тыхый витер повивае,
Бог святый знае, Бог святый и видае,
Що Хмелыцькый думае-гадае.
Тогди-ж то не моглы знаты ны сотныкы, ны полковныкы,
Ны джуры козацькыи,
Ны мужы громадськыи,
Що наш пан гетьман Хмелыцькый,
Батю Зынов Богдану Чыгырынськый,
У городи Чыгрыни задумав, вже й загадав:
Дванадцять пар пушок вперед себе одислав,
А ще сам з города Чыгрына рушав;
За им козакы йдуть,
Яко ярая пчола гудуть;
Который козак не міе в себе шабли булатнои,
Пыщали семыпьяднои,

Той козак кый на плечы забырае,
За гетьманом Хмелныцькым у в'охотне військо поспишае.
Оттогди-ж то, як до ричкы Днистра прыбував,
На тры часты козакив переправляв,
А ще до города Сорокы прыбував,
Пид городом Сорокою шанци копав,
У шанцях куренем стояв;
А ще од своих рук лысты пысав,
До Васылыя Молдавського посылав,
А в лыстах прыпысував:
„Эй Васылыю Молдавськый,
Господарю Волоськый!
Що тепер будеш думаты й гадаты:
Чи будеш зо мною быться?
Чи мырыться?
Чи города свои Волоськи уступаты?
Чи чирвинцямы полумыскы сповняты?
Чи будеш гетьмана Хмелныцького благаты?...„
Тогди-ж то Васылый Молдавськый,
Господар Волоськый,
Лысты чытае,
Назад одсылае,
А в лыстах прыпысуе:
„Пане гетьмане, Хмелныцькый,
Батьку Зинов Богдану Чыгрынськый!
Не буду я з тобою ны быться,
Ны мырыться,
Ны городив тоби своих Волоськых уступаты,
Ны чирвинцямы полумыскив сповняты:
Не лучче-б тоби покорыться меншому,
Ненужли мыни тоби старшому?„

Оттогди-ж то Хмелыцькый, як сіи слова зачував,
Так вин сам на доброго коня сидав,
Коло города Сорокы поижжав,
На город Сороку поглядав,
Ище стыха словамы промовляв:
„Эй го́роде, го́роде Сороко!
Ще ты моим козакам дитям не заполоха.
Буду я тебе доставаты,
Буду я з тебе велыкыи скарбы маты,
Свою голо́ту наповняты,
По бытому тарелю на мисяць жалованія даваты.„
Оттогди-то Хмелыцькый, як похвалывсь,
Так гаразд добре й учыныв:
Город Сороку у недилю рано задобиддє взяв,
На рынку обид пообидав,
К полудній годыни до города Сича́вы прыпав,
Город Сичаву огнем запалыв
И мечем исплиндровав.
Оттогди-то иныи Сичавци гетьмана Хмелыцького у вичы не выдалы;
Уси до города Ясы повтикалы,
До Васыля Молдавського истыха словамы промовлялы:
„Эй Васылю Молдавськый,
Господарю наш Волоськый!
Чы будеш за нас одностайне стояты?
Будем тоби голдоваты;
Колы-ж ты не будеш за нас одностайне стояты,
Будем иншому пану кровью вже голдоваты.„
Оттоди-то Васыль Молдавськый,
Господар Волоськый,
Пару коней у колясу закладав,

До города Хотыни одъижджав,
У Хвылецького копытана станціею стояв.
Тогди-ж-то од своих рук лысты пысав,
До Ивана Потоцького, кроля Полского, посылав:
„Эй Ивану Потоцькый,
Кролю Полскый!
Ты-ж бо то на славній Украйни пъеш, гуляеш,
А об моій ты прыгоди ничого не знаеш;
Що-ж то в вас гетьман Хмелныцькый, Русын,
Всю мою землю Волоську обрушыв,
Все мое поле копъем изорав,
Усим моим Волохам, як галкам,
З плич головкы познымав;
Де булы в поли стежкы, дорижкы,
Волоськымы головкамы повымощував;
Де булы в поли глыбокыи долыны,
Волоською кровъю повыповнював.„
Оттогди-то Ивану Потоцькый,
Кролю Полскый,
Лысты чытае,
Назад одсылае,
А в лыстах прыпысуе:
„Эй Васылыю Молдавськый,
Господарю Волоськый!
Колы-ж ты хотив на своій Украини прожываты,
Було тоби Хмелныцького у вичныи часы не займаты;
Бо дався мыни гетьман Хмелныцькый гаразд добре знаты:
У первій войни
На Жовтій Води
Пятнадцять моих лыцарив стричав,—
Не велыкый им одвит оддав:

Всим, як галкам, с плич головкы поздыймав ;
Трох сынив моих жывцем узяв,
Турському салтану в подарунку одислав;
Мене Йвана Потоцького,
Кроля Полского,
Тры дни на прыкови край пушкы держав,
А ны пыть мени, ны исты не дав.
То дався мени гетьман Хмелыцькый гаразд добре знаты,
Буду його во вик вичный памятаты!„
Оттогди-то Хмелыцькый помер,
А слова його козацька не вмре, не поляже.
Теперешнього часу, Господы, утверды и подержы
Люду, царського,
И всим слушащым,
И всим православным хрыстыянам,
Сьому домодержавцю,
Хозяину й хозяйци,
Подай, Боже, на многа лита!

(Записалъ, отъ кобзаря Андрея Шута, въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у., г., П. К.)

---

7. Про Хмельныцького Богдана смерть, та про Юруся Хмельныченка та Павла Тетеренка (1657 г., 1657-1664 г.).

Эй зажурыться, захлопочеться Хмельницького старая голова,
Що пры йому-то не було ни сотныкив, ни полковныкив нема;
Тильки пробував пры йому Иван Луговськый,
Пысар вийськовый,
Козак лейстровый.
Тогди-то воны сталы у ради,
Як малыи диты;
Од своих рук лысты пысалы,

По городах, по полковых, по сотенных розсылялы,
А до козакив у лыстах прыпысувалы:
„Эй козакы, диты, друзы!
Прошу вас, добре дбайте;
Борошно зсыпайте,
До Загре́белнои могылы прыбувайте,
Мене Хмельныцького к соби на пораду ожыдайте.„
Оттогди-ж то козакы добре дбалы;
Борошно зсыпалы,
До Загребелнои могылы прыбувалы;
Воскресеныя Хрыстового дожыдалы,—
Хмелныцького в вичы не выдалы;
Вознесеныя Хрыстового дожыдалы,—
Хмелныцького в вичы не выдалы;
Духа-Тройци дожыдалы,—
Хмелныцького в вичы не выдалы;
Петра й Павла дожыдалы,—
Хмелныцького в вичы не выдалы;
Ильи Пророка дожыдалы,—
Хмелныцького в вичы не выдалы.
Тогди-ж то козакы сталы у ради,
Як малыи диты.
„Хвалывся нам гетьман Хмелныцькый,
Батю Зинов Богдану Чыгырынськый,
У городи Су́ботови
На Спаса Преображеные ярмалок заклыкаты . . .„
Тогди-ж то козакы добре дбалы,
До города Су́ботова прыбувалы,
Хмелныцького стричалы,
Штыхы у суходил стромлялы,
Шлыкы из себе скыдалы,

Хмелыцькому нызький поклон послалы:
„Пане гетьмане Хмелыцький,
Батю Зынов наш Чыгырынський!
На-що ты нас потребуеш?„
Тогди-ж то Хмелыцький стыха словамы промовляе:
„Эй козакы, диты, друзы!
Прошу я вас, добре дбайте:
Соби гетьмана настановляйте.
Чы нема между вамы котрого козака старынного,
Отамана курѝнного?
Вже-ж я час од часу хорію,
Миждо вамы гетьмановаты не здолію;
То велю я вам междо собою козака на гетьманство обираты,
Буде междо вамы гетьмановаты,
Вам козацьки порядкы даваты.„
Тогди-то козакы стыха словамы промовлялы:
„Пане гетьмане Хмелыцький,
Батю Зынов наш Чыгырынський!
Не можем мы самы миждо собою козакамы гетьмана обибраты,
А жолаем од вашои мылосты послыхаты.„
Оттогди-ж-то Хмелыцький стыха словамы промовляе:
„Эй козакы, диты, друзы!
Прошу я вас, добре дбайте;
Есть у мене Иван Луговський,
Который у мене дванадцять лит за джуру пробував,
Вси мои козацьки звычаи познав;
Буде междо вамы козакамы гетьмановаты,
Буде вам козацьки порядкы даваты.„
Тогди-то козакы стыха словамы промовлялы:
„Пане гетьмане Хмелыцький,
Батю Зынов наш Чыгырынський!

Не хочем мы Ивана Луговського:
Иван Луговський блызько Ляхив, мостывых панив, жыве;
Буде з Ляхамы, мостывымы панамы, накладаты;
Буде нас козакив за не-вищо маты.„
Тогди-то Хмелыцькый стыха, словамы промовляе:
„Эй козакы, диты, друзы!
Колы вы не хочете Ивана Луговського,
Есть у мене Павел Тетеренко.„
—Не хочем мы Павла Тетеренка.—
„Дак скажите, говорыть, кого вы жолаете.„
— Мы, кажуть, жолаем Евраха Хмелыченка. —
„Ще-ж, каже, мойму Евраху Хмелыченку
Тильки всього дванадцять лит от роду;
Ще вин возрастом мал, розумом не дійшлый.„
— Будем, говорять, поплич його днанадцять парсон сажаты,
Будуть його добрымы диламы наущаты,
Буде междо намы козакамы гетьмановаты,
Нам порядкы даваты. —
Оттогди-то козакы добре дбалы;
Бунчук, булаву положылы,
Еврася Хмелыченька на гетьманство настановылы;
Тогди из разных пыщаль погрималы.
Хмелыченка гетьманом поздоровлялы.
Оттогди Хмелыцькый, як благословеные сынови здав,
Так и в дом одправывся.
И сказав йому:
„Гледы-ж, говорыть, сыну мій!
Як будеш немного Ташлыком рикою гуляты,
На бубны, на цуромкы выграваты,
Дак будеш отця жывого заставаты;
А як будеш много Ташлыком рикою гуляты,

На бубны, на цуромкы выграваты,
Дак не будеш отця жывого заставаты.„
Тогди-ж-то Еврась, гетьман молодый,
Ташлыком рикою довго гуляв,
На бубны, на цуромкы выгравав,
Додому прыижджав,
И отця жывого не заставав.
Тогди-то велив у Штóмыном двори,
На высокій гори,
Гроб копаты.
Тогди-ж-то козакы штыхамы сухóдил копалы,
Шлыкамы землю выносылы,
Хмелныцького похоронылы;
Из разных пыщаль подзвонылы,
По Хмелныцькому похорон счынылы.
Тогди-ж-то козакы, покы старую голову Хмелныцького зачувалы,
Поты и Еврася Хмелныченка за гетьмана почыталы;
А як не сталы старои головы Хмелныцького зачуваты,
Не сталы и Еврася Хмелныченка за гетьмана почытаты:
„Эй, Еврасю Хмелныченку, гетьмане молодый!
Не подобало-б тоби над намы козакамы гетьмановаты;
А подобало-б тоби наши козацьки курени пидмитаты.

(Записалъ отъ кобзаря Андрея Шута, въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у., Черниговской г., П. К.)

---

8 и 9. Про Перебійниса (1648 г.).

Ой почувайте и повидайте,
Що на Вкраини постало,
Що за Дашевым, пид Сорокою,
Множество Ляхив пропало.
Перебійнис просыть немного—

Трох козаченькив з собою;
Рубае мечем головы з плечей,
А решту топыть водою:
„Ой пыйте, Ляхы, воды-калюжы
Болотяныи,
А що пывалы по тій Вкрайни
Меды та выны сытныи.„
Та по чим козак славен? Найвся рыбы
И соломахы з водою;
З мушкетом стане, а серце въяне,
А Лях од духу вмырае.
Ой чы бач, Ляше, що пан Хмелыцькый
На Жовтим Писку пидбывся?
Семы козакив, добрых онакив,
Пид-за Выслою не скрывся.
Ой чы бач, Ляше, що козак пляше
На вороним коню перед тобою?
Ты, Ляше, злякнеш и з коня спадеш,
Сам прысыплешся земльою.
Ой чы бач, Ляше, що по Случ наше,
По Костяную могылу...
Ой навыслы, навыслы
Ляхы як вороны на вышни;
Не попустимо Ляхови Полщы,
Покы нашои жызносты!

(Записалъ, въ с. Суботовѣ, Чигиринскаго у., Кіевской г., П. К.)

Ой не шумы луже дуже, и ты зеленый дубе!
Бо пид тобою, зеленый дубе, вся баталія буде!

Ой за лугамы, за берегамы зхылылыся виты,
Засидають вражи Ляхы Перебійниса вбыты.
„Ой я Ляхив, ой я панив — не боюся:
Е ще в мене кинь буланый — з Ляхамы побьюся.„
Ой як же поихав козак Перебійнис до кумы рыбы исты,
Аж прибигають из-пид Дашева препоганіи висты;
Ой як гляне козак Перебійнис у кватырку, —
Аж бигають Ляхы, вражи сыны, як шашкы по рынку;
Ой як крыкне козак Перебійнис на джуру малого:
„Ой сидлай, джуро, ой сидлай, малый, мыни буланого,
Соби-ж сидлай другого — гнидого старого;
Та пидтягай, малый джуро, та попругы стуга,
Бо буде-ж нам, малый джуро, велыка потуга.„
Ой не вспив же та козак Перебійнис та на коня спасты,
Як узяв Ляхив, вражых сынив, у снопы класты;
Ой як оглянеться козак Перебійнис та на ливее плече —
Аж из-пид Дашева та до Волохова кривавая ричка тече;
Ой оглянеться та козак Перебійнис та на правую руку —
Аж не выскочыть його буланенькый из-пид Лятського трупу;
Ой оглянеться козак Перебійнис та на джуру малого —
Аж кладе джуро, кладе малый, ще лучче за нього.
„Ой поидьмо, малый джуро, та на Сорочу могылу;
Одвидаем, джуро малый, вражу Лятську сылу.„
Не вспив козак Перебійнис та до могылы доихаты,
Як узяв джуро, та узяв малый, пистоли заряжаты;
Ой не вспив козак Перебійнис на могылу зъиздыты,
Як узяв джуро, та узяв малый, з пистолив палыты...
Й ой тепер же Ляхы, й ой тепер же паны, вы славы зажылы,
Що нежывого Перебійниса пид могылою положылы.

(Записалъ отъ Черноморцевъ, Черноморецъ В. Варенікъ, въ Землѣ Черноморскихъ козаковъ.

б.

Ой не розвывайся, ты зеленый дубе;
Бо на завтра мороз буде!
Ой не розвывайся, червона калыно;
Бо за тебе, червона калыно, не одын тут згыне.
Ой лугамы та берегамы розвывалыся виты:
„Хочуть тебе, Перебійносе, та Ляшенькы вбыты.„
— Ой я-ж Ляхив, вражых жыдив, я их не боюся;
Бо я з нымы ище по-лыцарськи побьюся.—
„Бережыся та пан Перебійнис од темного лугу;
Идé Ляхив сорок тысяч—буде велыка потуга!
Ой бережыся, Перебійнис, вид горы Шаматы!„
— Не боюся вид горы Шаматы:
Есть у мене козаченькы, одын буде сотню гнаты.
Ой того Перебійнис зовсим й не гадае;
Веде коня в нову станю, сам в курыни гуляе.
Ой видсуне та пан Перебійнис вид рынку кватырку —
Аж бигають Ляхы, як шашкы, по рынку.
Й ой крыкнув же та пан Перебійнис на джуру малого:
„Ой выводь, джура, та выводь, малый, коня вороного,
А соби, джуро, й соби, малый, старого гнидого;
Та пидтягай, джуро, та пидтягай, малый, тугенько попругы,
Й та пидциляйся, джура, пид Ляшенька потуга(?).
Й ой та не вспив же й а пан Перебійнис на коныка систы,
Як почав Ляхив, вражых сынив, на капусту сикты;
Й ой як повернеться та пан Перебійнис на правую руку,
Й аж не выскочыть його кинь вороненькый из Ляшського трупу;
Й ой повернеться та пан Перебійнис на правее плече,
Й аж назад його коня воронóго кровавая ричка тече;
Й ой як оглянеться та пан Перебійнис на джуру малого,

Й аж кладе джура, кладе малый, ще лучче вид його.
Й ой уже-ж догналы Ляхив, вражых сынив, та до ричкы Жулины,—
Й ой уже Ляхы, вражи сыны, джуру й уловылы;
Й ой сталы джури й та пальци крутыты:
Скажы, джура, скажы, малый, й та чим Перебійниса вбыты?
„Й ой видрижте й або видирвите й та срибного кгу́дзя,
Й то чи не вбьете або чи не скараете вирного мого друзя.„
Й ой не схотив же ты мени, хлопку, хлопкуваты,—
Й будеш же ты Ляхам стадо напуваты.
„Й ой рад бы я тоби, пане Перебійносе, хлопкуваты,
Та угналысь мы далеко за Ляхамы, й доведеться погыбаты.„

(Записалъ отъ Черноморцевъ, Черноморецъ В. Вареникъ, въ Землѣ Черноморскихъ козаковъ.)

---

10. Про Нечая.

Та из-пид лису, из-пид лису, с-пид зеленого гаю,
Ой крыкнулы паны козаченькы: Утикаймо, Нечаю!
А Нечай того не думае, та Нечай не гадае,
А з кумасею из Хмелныцькою мед-выно крыжае.
Ой поставыв та Нечаенко та сторожу на мисци,
А сам пійшов до кумасенькы та щукы-рыбы йсты.
Озырнеться — аж нема сторожы та стороженькы на мисци;
Ой сив же та Нечаенко та щукы-рыбы йсты.
Ох и прылетилы до Нечаенка та не мудрыи вистыі:
„Ох и же ты, та пан Нечаенко, та мед-горилку крыжаеш,
А вже твоій стороженькы та на мисци немае.„
Ой крыкнув та Нечаенко та на жу́ру малого:
„Сидлай, журо, коня вороного, а пид мене гнидого старого;

Ой пидтягай, та малый журо, та попругы истуга:
Буде на Ляхив, та на тых панив, та велыка потуга!„
Ох та не вспив та Нечаенко та на коня изсисты:
Задрыжалы в коня вороного та ниженькы на мисци.
Як пойхав та пан Нечаенко та од бахты до бахты,
Ох и став панив, ох и став Ляхив, та як снопыкы класты.
Озырнеться та Нечаенко та по ливую руку, —
Ох не выскочыть та кинь воропенькый та из Лядського трупу.
Озырнеться та Нечаенко та на правее плече, —
А за ным ричка кривавая та быстренькая тече.
Озырнеться та Нечаенко та на ливее плече, —
Ой полетила та Нечаенку та голивонька з плечей.
Та поздъизджалысь та паны та сталы сумоваты:
Ой де-ж бо нам Нечаенкову голивоньку сховаты?
Ой сховаймо його голивоньку а де церков-Варвара,
Ой щоб розійшлась по усьому свиту Нечаенкова слава!

(Записалъ, отъ старухи, въ с. Сорокошичахъ, Остерскаго у., Черниговской г., А. В. Марковичъ.)

б.

. . . Як була война с Поляком, дай Нечай — спивають — прыихав до жыдивкы поисты . . . . .

Не вспив та Нечай козак щукы-рыбы зъйсты,
Як гляне в оконечко — аж уже Ляшкы в мисти.
Ой и крыкнув та Нечай козак на хлопця малого:
„Сидлай хлопче, сидлай, малый, коня вороного,
А пид мене старого гнидого!„
Ой не вспив же та Нечай козак на коныка впасты, —
Почав Ляшкив, вражых сынив, як снопыкив, класты....
Ой повернув та Нечай козак на правее плече, —

Тече ричка та кривавая, що й конем не втече . . . .
Ой бросывся та Нечай козак з мистечка . . . . . утикаты,
За ным, за ным та пан Потоцькый та почав здоганяты.
Ой побиг же та Нечай козак в поли на долыну, —
Та исхватыв пан Потоцькый Нечая ззаду за чупрыну:
„Ой чи це той хмиль, що по тыну въеться?
Чи це той Нечай козак, що з Ляшкамы бъеться?
Годи тоби, хмелю, та по тыну выться!
Годи тоби, Нечай козак, вражый сыну, из Ляшкамы быться,
. . . . . .
Збиглыся козаченькы, сталы раду радыты:
Де його тило поховаты-похороныты?
Похоронылы його тило у Польським костьоли,
А самы козаченькы розишлыся по своій госпóди . . .
. . . . . .

(Записалъ, отъ старика Иваня Корнича, урожепца с. Николаевки, Богуславскаго у., Кіевской г., въ м. Олишевкѣ, Козелецкаго у., А. Шишацкій-Ильичъ.)

В.

Ой у саду, в саду, у садочку быстра ричка протикае;
Гей там козак, козак Нечаенко да коныченка паповае:
„Ой пый, коню, сю холодну воду, бо не будеш уже пыты,—
Гей будеш ты, коню буланенькый, сам на оркани ходыты.„
Гей поставыв козак Нечаенко вин стороженьку в мисти,
А сам пишов вин до Хмелныцькои щукы-рыбы йсты;
Та не довелося та Нечаенкови а щукы-рыбы йсты,
Гей довелося та Нечаенкови та в кватырочци систы.
Гей як крыкне козак Нечаенко а на хлопця малого:
„Сидлай, хлопче, а ты хлопче малый, а коня буланого!„
Гей як выскочыв козак Нечаенко сам коныченька сидлаты,

Гей пид коныченьком, гей пид вороненькым, сталы ниженькы дрыжаты.
Гей як пройхав козак Нечаенко а од башты до башты,
Гей взяв Ляшкив а взяв Недоляшкив, як снопыкы на виз, класты.
Гей як гляне козак Нечаенко а на правее плече,
Гей за коныком та за булаченьким кривавая риченька тече.
„Эй бижы-ж, хлопче, ох и бижы, малый. до высокого мосту;
Гей дамо Ляхам, а превражым сынам, превелыкую хлосту!„
Ой чи се-ж той хмиль, ой чи се-ж той хмиль, а що на тыну въеться?
Ой оце той козак Нечаенко, що из Ляхамы бъеться.

(Записалъ, въ Кіевской г., П. К.)

г.

С-пид темного лису, с-пид зеленого гаю,
Ой крыкнулы наши козаченькы: Утикай Нечаю!
А Нечай же та Нечаенко того й не чувае,—
С кумасею с Хмелныцькою мед-выно кружляе.
Ой не вспив же та Нечаенко щукы-рыбы йсты,
Ой як гляне та в виконечко—аж Ляшенькы в мисци!
Ой як крыкне та Нечаенко та джуру малого:
„Сидлай, джура, сидлай, малый, коня вороного;
Сидлай, джура, сидлай, малый, коня вороного,
А другого та гнидого пид мене старого!„
Ой не вспив же та Нечаенко та на коныка спасты,—
Як став Ляхив, ураговых сынив, як снопыкы класты.
Ой як гляне та Нечаенко та на ливее плйче,
А за ным же, за Нечаенком, кривавая ричка тйче.
Ой як гляне та Нечаенко та на правую руку,—

Кинь вороный, сам молодый, та не выскочыть з трупу..
Не за велыкый час, та за малую годыну,—
Покотылась Нечаенкова голивка в долыну.

(Записалъ, отъ кобзаря Ивана Романенка, въ с. Британахъ, Борзенскаго у., Н. М. Бѣлозерскій).

Д.

Крыкнув козак, крыкнув Нечай од гаю до гаю;
Ой крыкнулы козаченькы: Втикаймо, Нечаю!
Козак Нечай молод бував — на те́ не вповае, —
Из панею Хмильныцькою мед-выно кружае.
Не вспив козак, не вспив Нечай конець стола систы,
Подывыться в кватырочку — аж Ляшенькы в мисти.
Не вспив козак, не вспив Нечай на коныка спасты, —
Як взяв Ляшкив, як став панкив, як спопыкив, класты.
Не вспив козак, не вспив Нечай на коныка систы, —
Як взяв Ляшкив, як став панкив, як капусту, сикты.
Обернувся козак Нечай од брамы до брамы, —
Выклав Ляшкив, выклав панкив, у чотыри лавы.
Оглянувся козак Нечай на правую руку, —
Не выскочыть кинь козацькый из Ляцького трупу.
Оглянувся козак Нечай на ливее плече, —
За ным ричка кривавая, що й конем не втече.

(Записалъ Н. М. Мельникъ, въ Оробьяхъ, Лубенскаго у.)

---

11. Про Ивана Богуна (1651 г.).

Як у Выльныци, на гряныци,
Над Бугом рикою,
Там стояв Иване Богу́не Каленыцькый,
Обытелю Комлыцькый,

Из Ляхамы, из мостывымы панамы,
Чотыры недили в запори,
Казав бы, як у тяжкій, велыкій неволи.
Од своих рук лысты пысав,
До гетьмана Хмелныцького посылав:
„Пане гетьмане Хмелныцькый,
Батю Зынову Чыгырынськый!
Помочы-порятунку дай . . . .„

(Записалъ, отъ кобзаря Андрея Шута, въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у., Черниговской г., П. К.)

---

12. Про Мороза (1656 г.).

а.

Ой Морозе та Морозенку, ты найславный козаче!
Ой за тобою та Морозенку та вся Украйна плаче.
Не так тая та й Украина а як тее горде військо . . .
Ой заплакала та Морозыха ох идучы на мисто.
„Не плач, не плач та Морозыхо, об сыру землю не быйся;
Ой ходим з намы, з намы козакамы та меду-вына напыйся.„
— Ой щось мыни, та мыли братьтя, та и мед-выно не пъеться:
Ой де-сь мій сын та Морозенко та из Турчыном бъеться.—
Из-за горы з-за крутои горде військо выступае;
Ой попереду та Морозенко сывым конем выгравае.
Ой и став же та Морозенко та й у поли гуляты;
Ой сталы-ж тоди та Морозенка Ляхы й Туркы оступаты.
Морозенко та козаченько, та як мак роспускався;
Ой Морозенко та козаченько та й у неволю попався.
Ой повелы та Морозенка та на Савур могылу:
„Ой подывыся, та Морозенку, та на свою й Украйну!„
Воны-ж його а не былы, а не в чверти рубалы,
Ой тильки з його, з його молодого та жывцем серце взялы.

Прощай, прощай та Морозенку, ты найславный козаче!
Ой за тобою та Морозенку та вся Украина плаче!

(Сообщилъ П. К.)

б.

1 Ой Морозе. Морозенку, превдалый козаче!
За тобою Морозенку вся Украйна плаче.
Не так тая Украина, як ридна родына,—
Побыла та Морозенка лыхая годына.
В суботоньку проты недили из Ордою стявся,
А в недилю проты понедилка в неволю попався.

(Записала отъ прислуги, въ Радомысльскомъ у., М. А. Маркевичева)

в.

1 Ой Морозе, Морозеньку,
Ты славный козаче!
За тобою Морозеньку
Вся Крайна плаче.
Ой не тилько вся Крайна,
Як Шайгород мисто:
Ой забыто козаченька
Ой там в полю чыстом.

(«Lwowianin», 1840 г., отд. 8, стр. 169.)

г.

5 Не так тая Украина, ой як молода дивчына,
Не так молода дивчына, як старая Морозыха.

17 Ой за ричкой за быстрою бъеться Мороз из Ордою,
Вин бъеться, рубаеться, вин у тее кохаеться . . .

Ой вывелы Морозенка на Савор могылу . . .
Поглядае Морозенко та на свою Украину:
Ой що своя Украина, як мак процвитае;
А чужая Украина, як лыст опадае! . . .

(Записала, отъ прислуги, въ Кулажинцахъ, Пирятинскаго у., М. А. Маркевичева.)

д.

За моимы воротамы Татарын з козаком бъеться.
Ой бъеться вин тры дни, бъеться тры дни й тры годыны;
Ой лежыть трупу, та лежыть трупу та Орды на тры мыли.
Иды коню горою, та рыстю, ходою,—
Зострынешся пид Келебердою из уражою Ордою.
Бижыть, бижыть Татарюга Морозенка въязаты;
Ой став йому Морозенко щыру правдоньку казаты:
„Хоч ты звяжеш, Татарюго, мои билы рукы,—
Не завдавай мыни молодому та смертелнои мукы.„
Не велыку Морозенку та каропьку завдалы,
Тилькы з його, з його та жывого та серденько выймалы.
Ой вынялы серденько, та й укынулы в воду:
„Тепер дывысь, Морозенку, на свою ты уроду.„
Ой вынеслы Морозенка на Савур-могылу:
„Тепер дывысь, Морозенку, на свою ты Украйну!„

(Записано въ Борзенскомъ у.)

е.

Завыдилы козаченькы, да мед-выно пъючы:
„Годи, годи, Морозыхо, по Морозенку голосыть.„
За горою камьяною Турок з Ляхом бъеться;
А с-пид горы да с-пид кручы Ардыенка настыгае;

Попереду Морозенко сывым коныком летае...

. . . . . .

Накажите отцю-матци, жени моій, братци . . . .

. . . . . .

(Записалъ, отъ кобзаря Андрея Шута, въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у., Н. М. Бѣлозерскій.)

ж.

Ой Морозе, Морозенку, ой ты славный козаче!
За тобою, Морозенко, вся Украйна плаче.
Не так же та Украйна, а як те славне військо;
Заплакала Морозыха а идучы на мисто.
„Не плач, не плач, Морозыхо, ой не плач, не журыся!
Та йды з намы козакамы та меду-вына напыйся.„
— Чомусь мыни, мылы братьтя, мед-выно не пъеться:
Ой десь мій сын Морозенко из Ордою бъеться.„—
Пид Хоролом, пид Лубнямы, сыльне військо выступае,
Попереду Морозенко сывым конем выгравае;
Схылыв-склоныв голивоньку сыву коню на грывоньку,
Та роспустыв чорни кудри сыву коню до копыта....

. . . . . .

Посадылы Морозенка на дубовій лавци;
Взялы знялы з Морозенка кармазыи, сапъяньци.
Посадылы Морозенка на биле ряденце,
Та выйнялы з Морозенка та кривавее серце.

(Записалъ Ф. И. Скорикъ, въ Скорыковкѣ, Золотоношскаго у.)

з.

Ты Морозе, Морозенко, славный козаче;
По тоби, Морозенко, вся Вкрайна плаче.

Плаче, плаче Морозыха, на мисто идучы,
Як зачулы козаченькы мед-горилку пъючы:
„Ой годи, Морозыхо, по йому тужыты;
Да ходимо з намы козакамы горплочкы пыты„
Чомусь мени, козаченькы, горилка не пьеться:
Де-сь мій Морозенко з Ордою бъеться.
Бъеться, бъеться из Ляхамы, миж трома шляхамы;
Пид ным коник вороненькый, на ним жупан голубенькый.
И сам козак молоденькый. . .
На йому жупанына з витром говорыла:
Ты витер, витерочок, не подай Морозенка Ляхам
на поталу[1].

(1) Въ спискѣ: на потаку.

(Записалъ, отъ чумаковъ изъ с. Алексѣевскаго, Бирючевскаго у., Воронежской г., И. Д. Бѣлозерскій.)

II.

Ой з-за горы камьяной темне військо выступае,
Попереду Морозенко сывым конем выгравае;
За ным Морозыха з жалю омливае . . .
„Не плач, не плач, Морозыхо, нычого не бійся,
Иды з намы козакамы меду-вына напыться.„
— Ой щось мыни, мыли браты, мед-выно не пъеться,
. . . . . Сич з Ордою бъеться. —
Нехай бъеться, нехай одбываеться,
А вже мене молодого не сподиваеться!
Ступай, ступай, сывый коню, та тыхою степою:
Чи не зійдемося, чи не сгринемося на мори з Ордою.
Стоить явор над водою, зовсим похылывся,
А вже Сич-маты из Ордою на спм лит змырывся.

(Записалъ, въ Новороссійскомъ краѣ, А. Скальковскій. «Порубежники.» 1850 г., вып. III, стр. 154 — 155.)

---

13 Про Веремія Волошына (1648-1657 г.).

Не знаю, якось там: Веремій Волошын, войн .... полковнык козакам каже: „Се воюе не сотнык, не полковнык; се, выдно, сам гатьман Хмелныцькый воюе.„ Да от, одын войн отсее узнав, що се не гатьман Хмелныцькый, а Веремій Волошын,

Который у мене дванадцять лит за джуру пробував,
И вси мои звычаи познав,
Дак се за мою хлиб-соль благодареные мыни оддав:
А правою рукою чуть мене пополам не перетяв . . .
Се, каже, Полскый началнык. А билш ничого не скажу.
Тильки знаю, що сказано: „Полковныче Уманськый„ да „Веремій Волошын.„

(Записалъ, отъ кобзаря Андрея Шута, въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у., П. К.)

V. Отъ временъ Богдана Хмельницкаго до начала XVIII вѣка.

14. Про Ивася Вдовыченка. (1684 г.).

а.

Эй як на славній, панове, Украйни,
У славним городи у Корсуни,
Там крыкне-поклыкне Хвылоне, Корсунськый полковныче,
Козакив на Черкень-долыну у в'охотне військо выклыкае:
„Эй козакы, диты, друзы!
Прошу я вас, добре дбайте:
Чы нема миждо вамы котрого козака старынного,
Отамана куринного, —
У первому рази на герци погуляты,
За виру хрыстыянську одностайне статы?
Чы не мог бы котрый козак соби славы-лыцерствія достаты?„

Оттогди-ж то, як у городи Крылови жыла соби удова,
Старенька жена,
По мужеви Грыцыха,
А по прозванію Коновчыха;
Та мала соби сына едыного — Ивася Вдовыченка;
З-малку лелила, у наймы не пущала,
Чужым рукам на старанне не давала.
Ище-ж то вдова глас козацькый зачувае,
Сына свого Ивася Вдовыченка у поле до плуга одсылае.
Оттогди-то Хвылоне, Корсунськый полковныче,
На доброго коня сидав,
До города Крылова прыбував,
Хрещатый корогов на рынку поставляв,
Асаулы по улыцях розсылав,
Чирвоныи праперкы у ру́кы давав.
Асаулы по улыцях пробигалы,
Чирвоныи праперкы у руцах проношалы,
Козакив на Черкень долыну у в'охотне вийсько выклыкалы.
Ище-ж то сам Хвылоне, Корсунськый полковныче,
На доброго коня сидае,
Миждо выныци и миждо броварыци пробигае,
Ище стыха словамы промовляе:
„Эй выныкы, броварыкы!
Годи вам по запичкам валяться,
По бро́варнях пыв варыты,
По выныцях горилок курыты,
Очей своих молодецькых выкуряты,
Своимы молодецькымы пличмы сажы вытыраты!
Ходите з Хвылоном, Корсунськым полковныком,
На Черкень долыну у в'охотне вийсько гуляты;
Чы не мог бы котрый козак соби славы лыцерствія достаты.„

Оттогди-ж то Ивась Удовыченко у поли глас козацькый зачувае,
Из поля до господы пихотою прыбувае,
До матеры, старенькои вдовы, крыжем у ногы впадае:
„Эй маты моя, вдово,
Старенькая жено!
Благословы мыни козаку молодому у первому рази на герци погуляты,
За виру хрыстыянську одностайно статы:
Чы не мог бы я соби славы лыцерствія достаты?„
Тогди то вдова стыха словамы промовляе:
„Эй Ивасю Удовыченку, дытя мое!
Чы тоби в мене ни́чого спыты,
Чы ни́чого зъи́сты
Чы ни́-в-чим хороше сходыты?
Чы тебе городова старшына не знае?
Чы мищанськая челядь не поважае?
Есть у нас кони вороныи
И чотыры волы плуговыи;
Будем мы у поли хлиб пахаты,
Будем панив и козакив на хлиб, на силь затягаты,—
Будуть нас без лыцерствія добре знаты.„
— Эй маты моя, вдово,
Старенька жено!
Хотя-ж у нас е́ й кони вороныи.
И чотыры волы плуговыи;
Хотя мы будем у поли хлиб пахаты,
Будем панив и козакив на хлиб, на силь затягаты,—
Будуть мене паны и козакы на пыдпытку зневажаты,
Полежіем, домотуром, гречкосіем узываты.
А колы-б ты маты добре дбала,
Девьятеро скоту из кошары на выбор займала,

До города Корсуна одбавляла,
Из жыдом-рандаром торг торговала,
Мыни, Ивасю Вдовыченку, коня на славу спаровляла,
Що моя душа козацька весьма барзде улюбовала.—
Тогди то удова,
Старенька жена,
Истыха словамы промовляе:
„Эй Ивасю Вдовыченку, дытя мое!
Не за тобою си скарбы маеткы збирала,
Щоб я тоби коня на славу спаровляла!...„
— Щоб же ты сього говорыть не дождала!—
Оттогди то, як у святый день у воскресный,
Удова,
Старенька жена,
До Божои церквы ик утрени одходыла,
Всю козацькую зброю у кимнату замыкала,
Тильки шаблю булатну та пыщаль семыпъядну
На колку покыдала.
Тогди-ж то Ивась Удовыченко
Шаблю булатну и пыщаль семыпъядну забирае,
Козацьке соби запалчыве серце мае,
Келепом комнату одбывае,
Всю козацьку зброю на плечы забирае,
Пихотою у в'охотне вийсько поспишае,
Матюр стареньку на воротях стричае,
Изгорда словамы отвергае:
„Эй маты моя, вдово,
Старенька жено!
Не подобало-б тоби козаку молодому и дорогы переходыть,
Подобало-б тоби в кутку сыдиты,
Та хоть чужую дытыну малую колыхаты;

Абы-як с упокоем хлиба-солы ужываты.„
Тогди то вдова,
Старенька жена,
Ударыться об полы рукамы,
Обильлється дрибнымы сльозамы,
Промовыть стыха словамы:
„Эй Ивасю Вдовыченку, дытя мое!
Бодай ты й туды не дойшло,
И выдты не прыйшло!
Щоб тебе перва куля не мыновала,
У первій військовій потреби споткала!„
Отогди-то вдова,
Старенька жена,
Два дни свого сына клене-проклынае,
На трейтій день подумае-погадае,
Рукы до Бога здыймае,
Господа з пебес благае:
„Дай мыни, Боже, си слова перед собою маты,
А свого сына Ивася Вдовыченка хоть раз у вичи повыдаты!„
Тогди-ж то вдова — не вбогою себе мала—
Одынадцятеро скоту з кошары на выбор занымала,
До города Корсуна одбавляла,
Из жыдом-рандаром торг торговала,
Ивасю Вдовыченку коня на славу спаровляла,
Ще козаку запорозькому сим кип на жупан давала,
А тры копы на мед та на ковыту горилку:
„Эй козаче, козаче!
Колы-б ты добре дбав:
Де мого сына нагоныш,
Там його окóныш,[1]

(1) Конемъ нагонишь.

Добрым лыцарем настановыш:
Нехай вин по походах пихотою не ходыть,
Своих молодецькых нижок не врывае,
Мене, матеры, старенькои вдовы, не проклынае!„
Тогди то козак — як вин коня до рук прынымав,
На Гаймап-долыни козакив нагоняв,
Чотыры сотни обмыновав,
У пятій сотни Ивася Вдовыченка познавав,
Коня до рук йому уручав.
Тогди-ж то Ивасю Вдовыченку на доброго коня сидае,
Миждо козакамы як сокил литае:
„Я-ж думав, що мене маты у доми клене-проклынае,
Аж вона обо мни велыкее стараннє мае.
Дай мыни, Боже, сей поход сходыты,
Знав бы я, як свою матюр у доми споважаты!„
Отогди то на Черкепь-долыну прыбувалы,
Козацькымы табурамы посталы.
Тогди-ж то Хвылопе, Корсунськый полковныче,
Из намету выхождае,
До козакив стыха словамы промовляе:
„Эй козакы, диты, друзы!
Прошу вас, добре дбайте:
Чы нема междо вамы котрого козака старынного,
Отамана курипного, —
У первому рази на герци погуляты,
За виру хрыстыянську достойно и праведно статы?
Чы не мог бы котрый козак соби славы лыцерствія достаты?„
Тогди то вси козакы замовчалы . . .
Тильки Ивась Удовыченко стыха словамы промовляе:
„Эй Хвылоне, Корсунськый полковныче,
Батьку старый!
Благословы мыни козаку молодому

У первому рази на герци погуляты,
За виру хрыстыянську достойно-праведно статы;
Чы не мог бы я соби славы лыцерствія достаты?„
Тогди-ж то Хвылоне, Корсунськый полковныче,
Стыха словамы промовляе:
„Эй Ивасю Вдовыченку!
Ще ты дытя молоде,
Розумом недійшле,
У походах не бувало,
Крови хрыстыянськои не выдало:
Кров хрыстыянську увыдыш,
Барзде скоро изомлієш.
Чы не обереться котрый козак старынный? . . .„
— Эй Хвылоне, Корсунськый полковныче,
Батьку старый:
Возьмы ты утя едно ста́рее,
А друге мла́дее,
Пусты ты на воду:
Чы не равно буде плысты младе,
Як бы старе?
Чы не равно буде козак младый
На герци гуляты, як бы старый? —
„Ой Ивасю Вдовыченку, дытя младее!
Колы-ж ты мою загадку одгадав,
Благословляю-ж тоби у первому рази на герци погуляты . . .„
. . . . . .
Тогди-ж то Ивась Удовыченко,
Як од Хвылона, Корсунського полковныка,
Благословеные прынымав,
Сам на доброго коня сидав,
Миждо козацькымы табурамы пробигав,

Шлык из себе скыдав,
Хрест на себе слагав,
Отцеву и матчыну молытву спомынав,
Из усякым козаком сердешне прощеные мав.
Старого козака ридным отцем узывав,
Младого козака ридным братом узывав,
На Турецьки табуры пробигав,
Турецьки наметы поперевертав,
Турок пъядесят пид мич узяв,
Девъятеро жывцем извъязав,
Перед Хвылона, Корсунського полковныка, в намет
прыставляв.
Тогди то Хвылоне, Корсунськый полковныче,
Из намету выхождае,
Ивася Вдовыченка ридным братом узывае:
„Эй Ивасю Удовыченку, братець мій ридный!
Десь ты, каже, у походах бував,
Козацькых звычаев познав;
Прошу-ж тепер до свого намета, —
Сядем мы с тобою, поговорымо об козацькых прыкметах . . .„
Тогди-ж то Ивась Удовыченко
З Хвылоном, Корсунськым полковныком.
Поплич спдае,
Мед та ковыту горилку попывае.
Як став у соби нещасный хмель зачуваты,
Став другый раз у Хвылона, Корсунського полковныка,
Благословеныя прохаты,
Тогди то Хвылоне, Корсунськый полковнык,
Истыха словамы промовляе:
„Эй Ивасю Вдовыченку, братцю мій ридный!
Не велю я тоби хмелному на герци гуляты,

А велю я тоби у намети на моему лижку опочываты.„
Тогди то Ивасю Вдовыченку сього не слухае.
Другый раз на доброго коня сидае,
Миждо казацькымы табурамы пробигае.
Шлыка не скыдае,
Хреста на себе не слагае,
Отцевои и матерынои молытвы не спомынае,
И всякого козака зневажае.
Тогди-то на Черкеню-долыну пробигав. . . .
Як став из нызу литній витер повиваты,
Став його нещасный хмель изнемагаты,
Став вин коневи на грыву излегаты,
Став и поводы з рук упущаты . . .
Сталы його Туркы у хмелю познаваты,
Сталы по комышах засидаты,
Сталы його з коня збываты . . . .
Став його кинь по Черкени-долыни сам гуляты . . .
Тогди-ж-то Хвылоне, Корсунськый полковныче,
Из намета выхождае,
На Черкень-долыну поглядае,
До козакив стыха словамы промовляе:
„Эй козакы, диты, друзы!
Прошу я вас, добре дбайте,
На кони сидайте,
На Черкень-долыну пробигайте:
Не дурно Ивася Вдовыченка кинь по степу гуляе;
Выдно, нашого первого лыцаря на свити немае?
Хоть тило його у трупу знахождайте,
Перед Хвылона, Корсунського полковныка,
У намет представте.„
Отогди-то козакы добре дбалы,

На кóни сидалы.
На Черкень-долыну пробигалы,
Ивася Вдовыченка у трупу тило знахóдылы.
Вже-ж вин и очыма не гляне,
И рукамы не здыме,
И ногамы не пійде;
Тильки стыха словамы промовляе:
„По-малу, братци! не вразте моих смертелных ран:
Не булатнымы шаблямы мене рубалы,
Не Ордынськымы стриламы з коня збывалы,—
Се мене отцева молытва та матерыны сльозы побылы!
Отогди-то козакы добре дбалы,
Ивася Вдовыченку взялы,
Пред Хвылона, Корсунського полковныка,
У намет представылы.
Тогди-ж-то Хвылоне, Корсунськый полковныче,
Из намета выхождае,
И стыха словамы промовляе:
„Эй Ивасю Вдовыченку, братцю мій ридный!
Як я тоби не велив хмелному на герци гуляты,
А велив тоби у намети на моим лижку опочываты....„
Тогди-то Ивасю Удовыченку стыха словамы промовляе:
„Эй Хвылоне, Корсунськый полковныче,
Батьку старый!
Не булатнымы шаблямы мене рубалы,
Не Ордынськымы стриламы из коня збывалы,—
Се мене отцева молытва та матерыны сльозы побылы....„
— Де-ж тепер, Ивасю Вдовыченку, повелыш поховаты:
Чы до города Крылова одбавляты,
Чы на Черкени-долыни по-казацьки поховаты?—
„Эй Хвылоне, Корсунськый полковныче,

Батьку старый!
Не велю я тоби до города Крылова одбавляты,
Моій матерь' тускы й печали задаваты.
А велю на Черкени-долыни по-козацьки поховаты.„
Отогди-ж то козакы добре дбалы.
Штыхамы суходил копалы,
Шлыкамы землю выносылы, —
Ивасю Вдовыченка похоронылы;
Из разных пищаль подзвонылы, —
По Ивасю Вдовыченку похорон изчынылы.
Отогди-то козакы обратно до города Корсуна прыбувалы.
То ще вдова козакив стричала,
У козакив сына свого пытала.
То одын козак сказав ій правду:
„Эй маты, вдóво,
Старенька жéно!
Не журысь по своему сыну Ивасю Вдовыченку:
Уже-ж тепер твій сын на Черкени-долыни оженывся —
Поняв соби Туркеню, препышную панну;
Уже-ж тепер вин и в військо не ходыть,
Ни якои подати не дае . . .
Ныхто в козацькый угол не стукае.„
Отогди-то вдова не догадлыва бувала,
Ще у другого козака правды пытала.
То другый козак усю правду ій сказав:
„Эй удóво,
Старенька жéно!
Не журысь по своему сыну Ивасю Вдовыченку;
Уже-ж тепер твій сын на Черкени-долыни оженывся:
Поняв соби Туркеню, препышную панну;
Уже-ж тепер вин и в військо не ходыть,

Не якои подати не дае . . .
Ныхто в козацькый угол не стукае;
Поняв соби панянку—
У чыстим поли могылу-землянку;
На могыли травы зелененьки
И цвиты биленьки . . . .„
— А я-ж думала, що буду из своим сыном жыты,
Чужоземскій невисти годыты,
Абы-як с упокоем хлиб-соль ужываты! . .—
Оттогди-ж то удова — не убогою себе мала —
Всих козакив у двир завертала,
Бочку меду, а другу оковытои горилкы выкотыла, —
Всих козакив поила, кормыла,
По Ивасю Вдовыченку похорон и весилле зчыныла.
Отогди-ж то Ивась Вдовыченко помер,
А слава його не вмре, не поляже.

(Записалъ, отъ кобзаря Андрея Шута, въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у., П. К.)

б.

Ой у городи у Крылови жыла соби удова Грыцыха,
На прозваные Коновчыха,
Мала соби сына едного
Ивася молодого . . . .

. . . . . .

У городи Корсуни полковнык Корсунськый
На рынок выхождае,
Хрещату корогов розпущае,
На охотне військо клыче-поклыкае:
„Хто не хоче за шаг дня дров рубаты,
По выныцях ходыты,

До йдите зо мною, Корсунськым полковныком, войоваты,
Проклятого непрыятеля Татарына у плин браты...„

. . . . . .

(Записалъ, отъ кобзаря Ивана Романенка, въ с. Британахъ, Борзенскаго у., Н. М. Бѣлозерскій).

VI. Отъ начала и до конца XVIII вѣка.

15. Про Харька (1750 г.).

а.

Ой прыпысалы од лементаря до сотныка Харька лысты:
Ой прыйдь, прыйдь, сотныку Харьку, меду-вына до нас пыты.
Ой як став Харько, ой як став Харько з дому свого выйжжаты,
А за ным його сотнычка стара с хлибом-силью проважаты:
„Ой не йдь, Харьку, ой не йдь, Харьку: бо то прокля-тая зрада;
Лучче-б ты в замку був з козакамы, то-б я тоби була рада.„
Ой тым же вин соби та пойхав, що дуже горилкы впывся;
А за ным його та козаченькы: Ой стій, батьку, не журыся!
„Ой як же мыни, паны-молодци, як мыни не журыться,
Що пидо мною кинь буланенькый та почав становыться!
А ще к тому, мои козаченькы, и на серденьку стуга,
Що покыдаю я в Жаботыни свого вирненького друга.„
Ой як прыйхав до Паволочи, став з коня свого вставаты;
А Паволоцькый сотнык став зараз медом його частуваты.
В славному городи у Паволочи меду-вына вин напывся,
Та и на панське билее лижко спаты зараз положывся.
Ой як прыйхалы та два Ляхы до Харька та з порадою;
Ой взялы, взялы сотныка Харька у Шамрайвку з собою.

19 Ой як заржав же кинь буланенькый, стоячы биля пекарни;
Ой залылы сотныка Харька в Шамрайвци у кайданы.
Ой як заржав же кинь буланенькый, стоячы там на помости:
Вже Харька стратылы й заховалы десь в зеленому хворости.
А в того пана та лементаря за плечыма ще й рушныця;
А за ным ходыть стара Харчыха—бидна, нещасна вдовыця.
„Бодай тоби, пане лементарю, в свити тры лити болиты,
Що посыротыв бидну Харчыху и маленьки з нею диты!„

(Записалъ отъ Черноморцевъ, Черноморецъ В. Вареникъ, въ Землѣ Черноморскихъ козаковъ.)

б.

13 Ох и став Харко, ох и став сотник з Жаботына выйжаты;
Ох и став його а кинь вороненькый на воротях споты-катысь.
Ох и став Харко, ох и став сотник до Паволочы прыйжаты,
Ох вышов же а пан Паволоцькый медом-выном частоваты....

19 Ох и заржав коник вороненькый, а стоячы на стани;
А скололы Харка, скололы сотныка у голубим жупани.
Ох и заржав та коник буланенькый, а стоячы на помости;
Бо сховалы Харка, сховалы сотныка вже в зеленій не-хворощи.

(Записалъ, въ Кіевской г., П. К.)

в.

Ох як став сотник, ох став Харко у Паволоч уйжаты,
Ох став його сотник, ох став його Паволочынськый—Харка зострічаты.

Ох як став сотныка, а сотныка Харка медом-вином частоваты,
У панськи пала́цы ик матци хрещенiй у гостыну зазываты.
Ох як став же а сотнычок Харко меду-вына напываться,
А потим став сотнык, а сотнычок Харко, та й став забуваться,
На панськи перыны став вин похыляться.
„Ох тепер вы Ляшкы, ох тепер вы паны, ох и тепер вы позволяйте:
Ох лежыть же пъяный сотнык Харко, та тепер його збавляйте!
Тепер маете час, маете годыну,—тепер вы його оступайте!„
Ох як сталы Харка, як сталы сотныка, а из свита изгубляты,
Ох и став же його коник, коник вороненькый, жалибненько крычаты.
Ох и летила через тiи будынкы а чорненькая галка;
Ох и зосталася сотнычка Харчыха, як прыблудная ярка:
„Ой щоб же ты, пане лыментáрю, а не знав об свой диты,
Що ты посыротыв сотнычку Харчыху и маленькый диты!...„
Ой що-ж тому та сотныку Харку а зробылось у Паволочи?
Ох и поховалы сотныка Харка у зеленiй нехворо́щи.

(Записалъ, въ Кіевской г., П. К.)

---

16. Про Галайду.

А в нашого Галайды та сывый кони,
Та сывый кони, поводы́ шовко́ви . . . . .
А в нашого Галайды та сывая шапка,
Та сывая шапка, за ным иде́ Гапка . . .

(Записалъ, въ г. Харьковѣ, В. Бѣлозерскій и А. Метлинскій.)

VII. Запорожскія и Черноморскія подъ конецъ XVIII вѣка.

17. Про Сич.

Та казав есы Калныш кошовый, що у Сичи мудро;
Ой як выйшлы из Сиченькы, на серденьку нудно.
Та казав есы Калныш кошовый, що у Сичи гречи;
Ой як выйшлы из Сиченькы, оббыв ворог плечи.
Ой у Сичи на базари побыто колочкы;
Идуть наши Запорозци та и без сорочкы.
Та у Сичи на базари загачена гребля;
Ой як выйшлы из Сиченькы, побыв ворог ребра.

(Записалъ Д. Ф. Запара въ Изюмскомъ у., Харьковской г.)

---

18. Про Запорозцив.

За лисом, за пролисом, за калыновым мостом,
Там стоялы хмары війска Запорожецька.
Помиж козакамы молодый отаман йде,
Вин ходе, вин гуляе, так росказуе:
„О нуте-ж вы, осаулы молоде́нькый,
Ой збырайте вы худобу Запорожецькую,
Вычыщайте коныченькив все Украинськых,
А сидлайте сиделечка все Черкеськый:
Ой уранци Запорозци — на Дунай шырокый!„
Ой як выйшов наш отаман на крутую гору,
Як ударыв наш отаман об сырую землю:
„Сыра земля, мать-матинька, хмары війська прыняла —
Бурлацького, Крымського, Запорожецького, —
Прыймы-ж ище, сыра земля, мене молодого!„

(Записалъ Д. Ф. Запара въ Изюмскомъ у., Харьковской г.)

---

19. Про Супруна та Калныша.

Ой из нызу з-за Лыману витер повивае,
А вже Супрун до Калныша лысты посылае:
„Ой чы звелыш, пане Калнышу, у недилю рушаты,
Ой чы звелыш, пане Калнышу, понедилка ждаты?„
— Ой не велю тоби, козаче Супруне, у недилю рушаты,
А велю тоби, козаче Супруне, понедилка ждаты.—
Ой не знав же козак Супрун, як славы зажыты,—
Веде військо Запорозьке пид Очакив, велыть Орду быты.
Ой выстрелыв з малой пушкы, а з одней двичи,
А сунула вража Орда а осою в вичи.
Ой козакови Супрунови та назад рукы въяжуть,
А козак Супрун двом мурзакам правдонькы не кажеть.
„Ой поведить мене, та два мурзакы, а на Паліеву могылу:
Нехай же я сам побачу, де марно загыну.„
Ой як глянув та козак Супрун а на свою та велыкую сылу:
„А берите двох мурзакив, бо я ще не згыну!„

(Записалъ отъ Черноморцевъ, Черноморецъ В. Вареникъ, въ землѣ Черноморскихъ козаковъ.)

---

20. Про Супруна.

Ой хотив же та пан Супрун та славы зажыты,
Веде військо пид Очакив, велыть Турка быты.
Былы Турка денно, нично, и храбро ступалы,
А в середу пораненьку з Кубани рушалы,
А восьмой недиленькы у Варшави сталы.
А в недилю пораненьку коныk розыгрався,
А к вечеру наш пан Супрун в неволю попався.
Над ричкою, над Дунаем орлы загравалы,
А козакы отамана з неволи досталы.

Над ричкою, над Дунаем кароговка вьеться;
Ой там то наш та пан Супрун з Татарыном бьеться.
Над ричкою, над Дунаем кароговка мае;
Десь нашого та Супруна на свити немае!
Ой не стрилы громовый, гарматы ворожськый
Напирають на козакив та на Запорозцив.
Быйте, быйте та Супруна, пана коменданта,
Быйте, быйте не жалуйте, хоч ридного брата!
Ой не орла, не сокола збираються вбыты;
Ой то-ж пана та Супруна ведуть загубыты.
„Ой не ведить мене, братця, в глыбоку долыну,
Ой поведить мене, ворогы, на высоку могылу:
Нехай буде знаты Украина, де пан Супрун згынув.„

(Записалъ отъ Черноморцевъ, Черномореца В. Вареникъ, въ Земль Черноморскихъ козаковъ.)

---

21. Про Чупруна та Петра Кошовенка. (по 1775 г).

Ой из-за горы, из-за крутой, там туман налягае;
Ой там хлопци, славни запорозци, як мак процвитае.
Ой вы хлопци, славни запорозци, вы добрый люды! . . .
Ой в суботу пораненьку Чупру́н розгулявся,
А в недилю пораненьку в неволенькy попався.
Ой почалы превражый мурза́льци Чупруна въязаты . . .
Бижыть, бижыть Петро Кошовенко, рукамы махае:
Де-ж наш Чупрун молоденькый на мори пропадае!
Ой повелы превражый мурзальци та на высоку могылу:
„Поглянь, поглянь, Чупрун молоденькый, на свою Вкрайну.„
— Уже-ж мени, превражый мурзальци, та й Вкрайна не мыла;
Остаеться на тій Украйни дивчынонька чорнобрыва!—

(Записалъ отъ кобзаря, въ Гадячскомъ уѣздѣ, А. Л. Метлинскій.)

---

22. Про Запорозцив пид Измаиловым.

Вид Кылый до Измайлова покопани шанци;
Ой вырубалы Туркы Новодинцив у середу вранци.
А Чорноморци, храбри Запорозци, через Дунай переїздылы,
Воны-ж тую проклятую Исмайливську[2] Орду з батареи збылы.
Ой далы-ж, далы Исмайливськи Туркы Надольскому Башй знаты:
Що не мусыш, Анадольскый Башо́, против Чорноморцив стояты.
Ой став же та Исмайливськый Баша билый флаг выкыдаты;
Ой тоди сталы славни Запорозци запасы й ружья вид-бираты.
Ой бралы ружъя й кони вороный,
Бралы й сукна дорогый,
Усе розмылише ... которих порубалы,
То тих у востровi поховалы,—
А котори поранени—у Кылiю одправлялы.

(1) Шмайлова, (2) Шмайливську и т. д.

(Записалъ отъ Черноморцевъ, Черноморецъ В. Вареникъ, въ землѣ Черноморскихъ козаковъ.)

---

23. Про Головатого.

Ой стоялы на гавани, протыв Яныко́ля;
Ой там була́ хурто́вына из Чорного моря.
Ой в недилю пораненьку, як стало свитаты,
Ой став наш Головатый на хлопцив гукаты:
„Пидыймайте, добри хлопци, паруса вси в гору,
Ой бъе Турок из Кинбу́ру з пушок на тревогу!„
Пиднялы добри хлопци вси паруса в гору.

Пійшлы Днипром протыв воды корабли на воду.
Пійшлы наши добри хлопци Днипром протыв воды;
Набралыся сердешный превелыкій биды.
Ой оглянув наш Головатый в прозорную трубу:
„Ой тепер я вражых Туркив бояться не буду!„

(Исторія Запорожской сѣчи, Скальковскаго.)

Примѣчанія къ былинамъ

извѣстныхъ временъ.

Къ стран. 373.

I. До временъ козачества (до XVI вѣка).

1. Про Малого Гарею (1493—1501 г.), т. е. Менгли Гирея, хана Крымскаго, бывшаго съ 1467—1515 г., и неоднократно опустошавшаго Украину. Въ 1493 г. онъ подступалъ къ Кіеву и выжегъ окрестности Чернигова; набралъ множество плѣниковъ. (Карамзинъ, изд. 5. Т. VI, стр. 151). Ливонцы (*Поморянцы*) воевали съ Литвою въ 1493—1501 г., и въ 1501 г. примирились. (Тамже, 187). Въ 1500 г. Менгли Гирей снова опустошалъ Литву, и взялъ въ плѣнъ до 50,000 душъ. Войска царя Іоанна III заняли часть Литовской Руси до нынѣшней Кіевской губерніи. (Тамже, 184). *Хуторянци*, упоминаемые въ пѣсни, по преданію, суть жители Олишевскихъ хуторовъ.

Къ стран. 374.

II. Со временъ козачества до уніи (XVI в.).

2. Про Венцеслава (около 1534 г.),—безъ сомнѣнія, Хмельницкаго, гетмана, упоминаемаго въ лѣтописи Самовидца подъ 1534 г. (Лѣт. Самовид., стр. 2.).

Къ стран. 374.

3. Про Дмытра Самійленка Коломійця (въ концѣ XVI в.),—предводителя Запорожцевъ, неизвѣстнаго по исторіи. По преданію, онъ — сынъ Самуила Коломійца, и былъ гетманомъ у Запорожцевъ. (Opis powiatu Wasylkowskiego, Rulikowskiego, Warszawa, 1853 г.).

Къ стран. 377.

III. Со временъ уніи до Богдана Хмельницкаго (до половины XVII в.)

4. Про Хвеська Кганжу Андыбера (до полов. XVIII в.), неизвѣ-

стнаго по исторіи. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ гетманомъ въ первой половинѣ XVII в., и, вѣроятно, не задолго предъ Богданомъ Хмельницкимъ, т. е. до 1647 г. (Сличи думу съ извѣстіями въ лѣтоп. Самовидца, стр. 5, подъ 1640 г., также стр. 7; лѣтоп. Велички, Т. I, стр. 16—27 и слѣд.). Во времена войнъ Богдана Хмельницкаго упоминается полковникъ (Уманскій) Ганджа, дѣйствовавшій на Подолѣ. (Лѣт. Велички, I, 91,99, 300 и др. Памятники Кіевской коммисіи для разбора древнихъ актовъ, Т. I, отд. III; и др.).

Къ стран. 385.

IV. Времена Богдана Хмельницкаго (1647—1657 г.).

9. *Про Богдана Хмельницького та Барабаша* (1647—1648 г.). Происшествія, воспѣтыя въ думѣ, случились въ концѣ 1647 и началѣ 1648 гг. (Величко, I, 25—29 и дал.; лѣтоп. Конисскаго, 58—60; лѣт. Самовид., 8, и др.).

Къ стран. 391.

6. *Про Хмельницького та Васыля Молдавського* (1650 г.). Лѣтоп. Самов., 16; и др.).

Къ стран. 408.

12. *Про Мороза* (1656 г.). Онъ былъ Корсунскимъ полковникомъ еще въ 1642 г. и въ продолженіе войнъ Богдана Хмельницкаго. Убитъ въ 1656 г. («Денница» 1842 г. N 13, стр. 162—165.).

Къ стран. 413.

13. *Про Веремія Волошына* (1648-1657 г.). Лицо неизвѣстное по исторіи.

V. Отъ временъ Богдана Хмельницкаго до начала XVIII в.

14. *Про Ивася Вдовыченка* (1684 г.). Лѣт. Самов., стр. 74; «Collectanea», Sękowskiego, 1825 г., Т. II, стр. 182—186.)

Къ стран. 425.

15. *Про Харка* (1765—1768). Тамже. Маркевичъ, II, 659; народныя преданія.

Къ стр. 428.

VIII. *Запорожскія и Черноморскія.*

17. *Про Січ* (1760—1775 г.).

Составилъ Н. М. Бѣлозерскій.

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ.

БУВАЛЬЩЫНЫ.

Б.) НЕПЗВѢСТНЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

---

24. Про сестру та брата.

Ой у недилю барзо рано-пораненьо
Не сыва зозуля закувала;
Сестра брата своего из подвирни своеи
В військо выряжяла,
Словамы промовляла
И сльозамы рыдала:
„Эй же мій брате рідненькый,
Голубонько сывенькый!
Видкыля тебе выглядаты,
Из якои сторонькы у гостыни сподиватысь:
Чы з Чорного моря,
Чы з чыстого поля,
Чы з славного из вóйного люду, війська запорожжя?„
— Эй сестро моя рідненька,
Як голубка сывенька!
Не выглядай мене ни з Чорного моря,
Ни з чыстого поля,
Ни з славного люду, війська запорожжя.
А выглядай мене, сестро,

Як будуть о Петри сыни озера замерзаты,
А о святи́м Васи́лыи калына билым цвитом процвитаты. —
»Эй добре-ж ты, братко, знаеш,
Добре, братко, ты видаеш:
Як сыним озерам о Петри не замерзаты,
А о святим Васылыи калыни билым цвитом не процвитаты...
То я ище скильки у свити прожывала,
А у старых людей не чувала,
Щоб сыним озерам о Петри замерзаты,
А о святим Васылыи калыни билым цвитом процвитаты.„
— Добре-ж ты, сестро, знаеш,
Добре ты, сестро, и видаеш:
Як сыним озерам о Петри не замерзаты,
А о святим Васылыи калыни билым цвитом не процвитаты. —
„Эй як будеш ты, братко, на чужій сторони прожываты,
Будеш ты пыты и гуляты,
Будуть раньньою зорею и вечирнею
До тебе кумы и побратымы прыхождаты,
Будуть тебе ридным братко́м называты...„
Пры добрій годыни —
Кумы й побратыми!
Як прыстыгла козака летя́гу нещаслывая годына,
Злая хуртови́на,
То одцуралася й прытама́нная роды́на.
На святую недилю люде з церквы йдуть,
Як бжо́лы гудуть,
Плече об плече торкаються,
Род з ро́дом,
Брат из братом,
Сват из сватом,
На здоровъе пытаються;

А козака летягы, пры нещаслывій годыни,
Нихто не займае,
И на здоровъе не пытае,
На́че-б николы не бувалы
И хлиба-со́лы не вжывалы!
Го́споды! утве́рды й поде́ржы
Пана Грыцька,
И всих выслуха́ющых
На многыи лита.

(Записалъ, отъ кобзаря Ивана Романенка, въ с. Британахъ, Борзенскаго у., Н. М. Бѣлозерскій.)

---

25. Про Козацькый походъ.

Роспустылыся парости яснои зори,
Затрубылы в жерстяный риг у гетманським двори.
Блысь, блысь! зирка встала,
Русый волос розчесала.
Мырови не буть! . . .
. . . . . .
То козакы в поход выступають:
Курява стовпом стойть,
Хмары в слид идуть . . . .

(Повѣсть Гребенки—Иванъ Золотаренко.)

---

26. Про Бесурменив.

. . . Скоро й кони заржалы,
Крыви шабли забряжчалы,
Уже хаты братив хуторянцив
В пожежи палалы;
Козацькыи диты,

В облигз матерямы,
В околи крычалы . . . .
А мурыи нехрысты
Им рукы вьязалы,
Им рукы вьязалы,
В неволю их бралы . . .
Ой була-ж годына,
Наче хмара чорна,
Наче кара Божа,
Що людей глумыла! . . .

(Записалъ, отъ старика въ м. Олишевкѣ, Козелецкаго у., А. Шишацкій-Илличъ.)

---

27. Про Волыночку.

Из-за горы, горы, з темненького лису
Татарове идуть, Волыночку везуть.
У Волыночкы коса з золотого волоса,—
Щирый бир освитыла,
И зелену диброву и быту дорогу.
А за нею бижыть у погоню
Батенько ии.
Кывнула-махнула билою рукою:
„Верныся, батеньку, верныся ридненький!
Вже-ж мене не однимеш, и сам старенький загынеш:
Занесеш голову на чужую сторону,
Занесеш очыци на Турецьки гряныци!„

(Записалъ П. К., въ Кіевской г.)

---

28. Про смерть трьох братив.

Ой вси поля Самарськый позорялы,
Тилькы воны не зорялы,
Що в ричкы Самаркы,

А в крынычкы Салтанкы,
Де три терны дрибненькых,
Два байракы зелененькых;
То там спочывалы три браты ридненькых.
То тым воны спочывалы.
Що на рубани раны та на стреляни знемогалы:
Ти нарубани кровъю исхожають,
Ти настреляни к серцю прылягають,
Кули душу с тилом розлучають.
Старшый брат словамы промовляе:
„Братику мій середулшый, ридненькый,
Голубоньку сывенькый!
Добре ты вчыны:
Мого лука шовкового тетыву знимы,
Козацьку голивку звьяжы;
До ричкы Самаркы,
Крыныци Салтанкы,
Холоднои воды зайды!„
То середулшый брат словамы промовляе:
„Братику мій старшый ридненькый,
Голубоньку сывенькый!
Чы не одын нас мич рубав,
Чы не одни янычарськи кули пострелялы?
Що маю я на собы девьять ран рубаных шырокых,
А чотыри стриляных глыбокых.
Та не так важки рубани шыроки,
Як стриляни глыбоки!
Волыся мы, брате,
Попросимо мы найменшого брата трынбача,
Войськового грача:
Нехай вин жалибненько в войськову суремку заграе;

То будуть тее козакы зачуваты,
Будуть ик нам прыбуваты,
Будем мы до свого отця та маткы в города хрыстыянськи покланяты.
А вже в нас отець и маты
Все добристь соби малы-б,
Та в чыстее поле воны выхожалы-б,
Кошули тоненьки,
Покрывала биленьки
Воны выношалы-б,
Наше тило козацьке хорошенько в чыстим поли поховалы-б,
Звиру,-птыци на поталу не давалы-б.„
То найменшый брат тее зачувае,
Словамы промовляе:
„Братикы мой старши, ридненьки,
Голубонькы сывеньки!
Не треба нам, братця, в військову суремку граты,
Козакив до себе турбоваты!
Не добре мы, братця, самы почыналы,
Що вси тры охотою в військо выступалы;
Нас отець и маты спынялы, —
Мы велыкую гордость в соби малы,
Роспрощення не прыймалы.
То не есть то нас, братьця, янычарськи кули в чыстим поли пострылялы,
Есть то нас отцевськи й матчыны сльозы в чыстим поли побывалы.
То правда, панове-козакы, молодци,
Полегла
Трьох братив голова;
Их слава козацька не помре, не поляже.
Слава Богу й морю,

Всьому війську Нызовому.
Услыш, Боже, честь и хвалу
Небесному царю!

(Записалъ, отъ кобзаря въ Зиньковскомъ у., Полтавской г., А. Л. Метлинскій.)

---

29. Про смерть Хведора Безроднаго.

а.

Над сагóю Днистровóю,
Лежыть Хведор безридный,
Безплеминный,
Постреляный, порубаный,
На раны смертельны знемáганый;
У головках сывый кинь стоúть,
А в ниженьках слуга сыдыть,
А в рученьках свича горыть;
А из нызу из Днипра прыхолоднои воды доставае,
Свойму́ пану Хведору Безридному,
Безплеминному,
На серденько возлывае.
„Эй слугó вирная моя!
Колы-б ты добре дбав,
Да мыни пану Хведору безридному,
Безплеминному,
Теплá мыни согривав,
Раны мои смертелныи промывав,
Мьякéнькою бавовною закладав,
Чырвоною кытайкою завывав.„
Дак ище слуга добре дбае,
Позлóтку из чыстого кóмира воздырае,
До козакив словамы промовляе:
Хведора безридного,
Безплеминного,

Над сагою Днипровою,
В чыстим поли поховaты,
Семыперсну могылу высыпаты,
З семыпьяделнои пыщали подзвоныты,
И у головках праперек постановыты.
Як сее зговорылы,
Так барзо й учынылы:
Хведора безридного,
Безплеминного,
В чыстим поли, над сагою Днипровою,
Пид похылою вербою,
Поховалы,
Семыперсну могылу высыпалы,
З семыпьяделнои пыщали подзвонылы,
А в головках праперек постановылы.
Козак Хведор безридный,
Безплеминный,
Помéр и поляг;
Слава його не вмре, не загыне
Миждó намы,
Народнымы головамы;
Покудова буде свит свитаты
И слонце сіяты,
Будем славу його всегда прославляты!

(Записалъ, отъ кобзаря Ивана Романенка, въ с. Британахъ, Борзенскаго у., Н. М. Бѣлозерскій.)

б.

22 Як сее зговорылы
Так барзо й учынылы:
Едын одному́ руку подалы

И од сырои земли прышествые прынялы . . .
Семыперсну могылу высыпалы, и т. д.

(Записалъ, отъ того же, тамъ же, Н. М. Бѣлозерскій.)

в.

Пид вербою
Похылою,
Хведор бездыльный, осаула Богуславськый,
На смертéлны раны знемагае,
И стыха словамы промовляе:
„Эй джурá мій малый, невелыкый!
Пойды ты до ричкы Самаркы,
До крыныци Салтанкы,
Казанóк у рукы взявшы . . . .,
Начéрпай воды холодноои и постав на огонь, — согрій лúтепла, и промый мои смертéлныи раны . . . . Джура прынис воды, согрив; промыв йому раны смертелныи . . . .„

(Записалъ, отъ кобзаря Андрея Шута, въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у., П. К.)

---

30 **Про смертъ козака у лузи Базавлуци.**

Ой у лузи в Базавлуци
Стойть верба похылая,
Пид вербою намет стойть,
А в намети козак лежыть,
Та на купыни головою,
Прыкрыв очы хустыною,
Червоною кытайкою.
А в головах свича горыть,
А в ниженьках джура сыдыть,

Свого пана смерты глядыть,
Вин до його промовляе,
Дрибны сльозы утырае:
„Вже-ж ты, батьку, помираеш,—
Кому добро уручаеш?„
— Та вручаю отаману вiйськовому,
Та сотныку полковому;
Тоби, джуро, коныченька,
Коныченька вороного,
А на въюкы ще й другого.—

(Записалъ въ с. Суботовѣ, Чигиринскаго у., Кіевской г., П. К.)

б.

„Отаману даю коня,
Тоби, журо, вороного,
А пид въюкы ще й другого,
И шабельку Турецькую,
Пистолеты Черкеськыи
И всю зброю козацькую.„

(Записалъ отъ козака, въ с. Сарахъ, Гадячскаго уѣзда, С. Л. Метлинскій.)

---

31. Про смерть кобзаря-бандурныка.

Ой на Татарськых полях,
На козацькых шляхах,
Не вовкы-сироманци квылять-проквыляють,
Не орлы чорнокрыльци клекочуть и пид небесамы литають:
То сыдыть на могыли козак старесенькый,
Як голубонько сывéсенькый,
У кобзу грае-выгравае,
Голосно спивае . . .

Кинь биля його пострiляный, порубаный;
Ратыще поламане,
Пихвы без шабли булатнои,
У ладивныци ны однисенького набою....
Тилькы й зосталась йому бандура подорожняя,
Та у глыбокiй кышени люлька-бурунька,
Та тютюну пив-папушкы.
Козак сердега люлечку потягае,
У кобзу грае-выгравае,
Жалибно спивае:
„Гей братця, паны-молодци,
Козакы запорозци!
Де вы ся повертаете,
Як вы ся маете?
Чы до Сичы-матеры прыбуваете?
Чы до Сичы-матеры прыбуваете,
Чы Ляхив ворогив кыямы покладаете,
Чы Татар бесурменив малахаямы, як череду, у полон заганяете?
Колы-б мыни Бог помог стари ногы росправляты,
За вамы поспишаты,
Може-б ще я здужав на останку вику вам заграты,
Голосно заспиваты!
Нехай бы моя кобза знала,
Що мене рука хрыстыянська поховала!
А то пропаде моя кобза ны за собаку:
Лежатыме сама-соби у степу.....
А вже мыни старенькому без коня пропадаты:
Не зможу я по степах чвалаты,
Будуть мене вовкы-сироманци зустриваты.
Будуть дядом
За обидом

Коня мого зандаты!
Кобза-ж моя, дружыно вирная,
Бандура моя мальованая!
Де-ж мыни тебе ди́ты?
А чы у чыстому степу спалыты
И попелець по витру пустыты?
А чы на могыли положыты?
Нехай буйный витер по степах пролитае,
Струны твой зачипае,
Смутнесенько, жалибнесенько грае-выгравае...
То може подорожни козакы бигтымуть блызенько,—
Почують, що ты граеш жалибненько,
Прывернуть до могылы .....

(Записалъ, отъ бандуриста, на большой дорогѣ между Пырятиномъ и Прилуками, А. С. Аѳанасьевъ. Смотри Памятники II Отд. Акад. наукъ, 1853 г., л. XVI, стр. 253-254.)

---

32. Про козака Голоту.

Був соби козак Голота,
Не боявся ни огня, ни воды, ни лыха, ни всякого болота.
А на йому шапка-бирка —
Изверху дирка,
Соломою шыта,
А витром пидбыта,
А коло око́лыци ничогосенько катмае....
(Татарын)
Пидхо́дыв к Голоти пид город Тяги́ню,
На Черке́ню-долыну,
И стано́выть свого коня, попасае,
И на охотне вiйсько клыче-поклыкае...
Да ище вин думае-гадае,

Щоб козака Голоту извойоваты . . .
„Що я козака Голоту пойду войоваты,
И буду жывцем його браты„ . . . . .
Колы-ж козак Голота на Черкени-долыни гуляе,
И Татарына из Татаркою жывцем у плин забирае,
Да Татарына кéлепом у груды потягае . . .

(Записалъ, отъ кобзаря Ивана Романенка, въ с. Британахъ, Борзенскаго у., Н. М. Бѣлозерскій.)

33. Про Крыворука.

Казав Крыворук,
Що не здыме Орда рук;
Орда рукы пзняла
И козака заняла, —
И погнала його шляхамы:
На Кепо, Озеро и Билгород . . . . .

(Записалъ, со словъ старухи, въ с. Николаевкѣ, Борзенскаго у., М. Б.)

34. Про Корабель.

Ой з-за горы хмарка выступае
С тій хмаркы дощык накрапае,
Та сынього моря доповняе.
А сынее море розиграло,
Турецькый корабель розирвало;
Вытопыло війська сорок тысяч,
О сорок на сорок, ще й чотыри . . .

(Записалъ, въ г. Гадячѣ, Полтавской г., А. Л. Метлинскій.)

35. Про Левенчыка.

О Левенче, Левенчыку,
Вдовын сыну, одынчыку!
Чы знаеш тій степы Турецькій
И проходы козацькій?
Девьять огнив накладалы,
Левенчыка споганялы . . . .

(Записалъ въ Гадячскомъ уѣздѣ А. Л. Метлинскій.)

ПѢСНИ БЫТОВЫЯ.

КОЗАЦКІЯ.

Скажы мени, орле, що мени робыты?
Помер отець, маты, ни пры кому жыты!
— Нащо ты пытаеш, що сам добре знаеш?
Не йды в ти стороны, де роду не маеш!

. . . . . .

— Ой як буду, брате, в степу помираты,
То никому буде, брате, смерты доглядаты.
— Ой е в мене, брате, много сызокрылого орла;
Будем твоеи, брате, смерты доглядаты;
Будем твоим тилом та тебе помынаты,
Твои жовти косты по тернах ховаты!
— Бодай же вы, орлы, сього не диждалы,
Щоб вы моим тилом та мене й помыналы,
Мои жовти кости по тернах ховалы.

(Гадяч.)

Над ричкою, над быстрою,
Там журавка купалася,
На бережку сушылася,
На вси краи дывылася.
Що идуть Ляхы на тры шляхы;
Попереду отаман иде,

В ливій руци коня веде,
А у правій шаблю держе.
На тій шабли серце стремыть,
З того серця ричка тече;
Над ричкою ворон кряче,
А по сыну маты плаче.
Не плач, мамо, не журыся!
Уже-ж твій сынок оженився:
Поняв соби паняночку,
В чыстим поли земляночку,
И без двирець, и без виконець:
Никуды витру провиваты,
Ясному сонцю проглядаты.

(Харьков.)

В чыстим поли пры долыни, пры шырокій дороженци,
Лежыть козаченько молоденькый билогрецькый,
Лежыть, помирае, на раночкы поглядае,—
Порубаный, постреляный соби орла прыклыкае:
Ой ты вирле сызоперый, товарыш мій сердешный!
Прылены тепер к мени, над моимы ранамы рубанымы!
Що болять раны рубаны, а ще гирше стриляны:
Рубани кровью зійшлы, стреляни к серцю прыйшлы.
Скоро орел прылитае, на чорный чуб наступае,
З лоба очи выбирае.
Промовляе козаченько молоденькый билогрецькый:
О ты вирле сызоперый! згоды мени годыночку,
Покы Хрыстос душу прыйме з тила мого биленького,
З козаченька молодого;
Тоди будеш прылитаты,

На чорный чуб наступаты,
З вилба очи выбираты,
Червону кров выпываты,
Жовти косты розбираты.

(Гадяч.)

Темна хмара наступае, став дощык итты;
Благословы, атамане, намет напъясты!
Ой напъялы козаченькы червоный наметъ;
Беруть воны выно, пыво и солодкый мед.
Уси паны, уси дукы в намету силы;
Наше братьтя сиромашьшя та й не посмилы,
Взялы кварту меду, з жарту на дошчи силы.
Идé козацькый атаман, стало йому жаль:
Взяв из себе голубый жупан, нам намет напъяв.
Идé багач, та йде дукач, пъян валяеться,
З козацького атамана насмихаеться:
За що тая голотонька напываеться?
Одын веде за чупрыну, другый дула бье:
Не йды туды, вражый сыну, де голота пье.

(Гадяч.)

Гей гук, маты, гук! де козакы пьють!
Пид билою та березою атамана ждуть. 2.
Эй атаман идé, ще й коня веде —
Э, пид билою та березою головку кладе.
„Ой отамане наш! та порадь же ты нас, —
Уже наши козаченькы кони сидлають!„
— Нехай же сидлають, а та Бог помагаеть;
Уже мою та головоньку а хмиль розбира! 2.
Як я умру, то й поховайте,

И до моеи та мыленькои лысты подайте!
Моя мыла та из города була —
Пысав же я та дрибни лысты, а вона й не взяла —
„Невелыкый пан! ты сам самозван!
Та пожаловав коня вороного, чом не прыйхав сам?

(Каиев.)

Ой на мори та на сыньому
Та сокил з орлом та купается.
И сокил орла та пытается:
Ой чи був ты орел у моій сторони?
Ой чи чув ты орел об моій голови?
Ой чи журыться отець-маты по мени?
Ой чи журыться, побываеться,
Слизонькамы умываеться? —
— Ой колы-б-же мени та й мій сын пры мени,
То-б и лучче було жыть у свити менп! —
А в чыстому поли два наметы стоить,
А пид тымы наметамы козак вбытый лежыть;
У його билых пижках сывый конык стоить,
Копытом землю пробывае,
Холоднои воды та й доставае,
А вин свого пана та й напувае.
„Ой пане-ж мій, атамане мій!
Кому-ж ты мене та й уручаеш?
Чи Туркови, чи Татарынови?
Що мене Турок та й не піймае,
А мене Татарын та й не оспдлае.

(Ромен.)

Ой крыкнула та лебедонька на сыньому мори;
Заплакалы Чорноморци та об своим гори.

Ой крыкнула та лебедонька, море переплывшы;
Заплакалы чорноморци, коней погубывшы.
Йде отаман та дорогою, ще й писни спивае;
Прыйзжае до курпня—аж коней немае!
Ой десь же вы, та паны-братьтя, все й у карты гралы,
Що вы кони козацькіи навыкы втерялы.
Ой годи-ж вам, та паны братьтя, годи журытыся,
Ходим лучче до щынкаркы горилкы напытыся.
Шынкарочка та молодая тому и зрадила:
Насыпала цебер меду, да и сама сила.

(Черниг., Пирятин.)

Ой-из за горы з-за крутенькои густый туман уставае,
А з-пид туману козак Шамрай сывым конем выгравае;
Ой выгравае та козак Шамрай, на коныка похылывся,
А за ным, за ным, та козак Зарвай: стій, брате, попростымся!
Ой колы-ж хотив, брате, Зарваю, прощенія прохаты,
То було-б тоби меншого брата на заизды высылаты;
Ой колы-ж хотив, брате Шамраю, та довго на свити жыты,
То було-б тоби не заходыты до кумы воды пыты.
Ой из-пид гаю, з-пид зеленого густый туман уставае,
А з-пид тумана з-пид густенького козак Зарвай стриляе.
Ой той же та козак Зарвай а вин быстрого ока:
Ой як затопыв из карабына, вывернув Шамрай бока.

(¹) З-за темненькои. (²) А попереду.

(Гадяч.)

Горе мени козакови, що батька немае,—
Батька нема, маты чужа, а жинка не любе;

Пишов бы я в Запорижья, дорогы не знаю!
В чыстим поли крыныченька, холодная вода;
Там дивчына воду брала, дорогу указала:
Оце тоби козаченьку тры дорогы вкупи —
Одна на Дин, друга на Крым, а третя на Запорижья! —
— Бодай-же ты, дивчынонько, счастя-долю мала,
Що ты мени молодому дорогу вказала! —

(Ромен.)

. . . Тоди мене, мыла, ждаты,
Як стане по степу витер повиваты,
Ковылу та комыш по степу розсыпаты!
Як стане по Днипру хмара похожаты,
Старый Днипр дожчем полоскаты —
Тоди мене, моя мыла, ждаты, пиджыдаты!
Як стане по небу грим гримотаты,
Та стане блыскавкамы небо засыпаты —
Тоди мене, моя мыла, ждаты, пиджыдаты!
Та прынесе мене не мій вороный,
Та прынесе мои кости витер буйный.
Тоди пытай витра буйного:
А де подивався молодый козак?
А витер буйный у-в-ответ просвыстыть:
Ой лежав козак убытый
Та у поли пид рокытою.
Та побачыв я, що вин на чужій сторони,
Та й прынис козаковы кости у край ридный!

(Лѣв. стороны Днѣпра.)

ЧУМАЦКІЯ.

Ой высоко сонечко зыходыть, а нызенько заходыть;
Ой наш пан-же, та наш пан отаман та й по рыночку ходыть,
Своим хлопцям, а бравым молодцям а словесно говорыть:
Ой вы хлопци, вы добри молодци! та вставайте, возы мажте!
Хлопци всталы, возы пидмазалы, нови ярма понарывалы;
Ой нови ярма та й понарывалы, сирых волив позапрягалы;
Возы рыплять, ярма бряжчать, сири волы ремекгають,
За ными йдуть молоди чумакы, батижкамы махають.
17 Из-за лиса, з зеленого гаю розбойныкы выглядають:
Ой вы хлопци, вы добри молодци, та берите дрюкы в рукы;
Быйте, быйте, быйте и вьяжите, на нови возы кладите,
Та пойдым у город Полтаву, та наробымо славу;
Славный город, славная Полтава, що не гыне наша слава—
Сорок тысяч, сорок и чотыри нас десяты не побылы.

(Лубн.)

*

1 Ясно, ясно а сонечко сходыть, а хмарненько заходыть;
Смутен, смутен наш пан отаман то по табору ходыть;
Що вин ходыть, били рукы ломыть,
Били рукы ломыть а словесно говорыть:
Уставайте хлопци, вы добри молодци!
А новіи возы мажте, сири волы запрягайте.

17 Не доходя к зеленому гаю сталы воны почуваты,
Выходыло з зеленого гаю сорок чоловик розбою.
Попереду ватаг молоденькый на вороним коню,
Ватаг молоденькый на вороним коню грае,
Що вин грае, грае-выграває, до табору привертае:

— А здоровы, хлопци, превражіи сыны,
Хто над вамы, хлопци, отаманує? —
„Наш отаман та по-за возамы умывается сльозамы.„
Як прыскочыть ватаг молоденькый та до чумаченька блыжче,
Як ударыть ватаг молоденькый чумаченька спысом у груды—
Ой той же спыс у-двое зигнувся — Корніенко осмихнувся!
„А вставайте хлопци, вы, добри молодци!
Та берите дрюкы у рукы,
Та берите, вьяжите, у город везите,
В новый город Полтаву, та й уробымо славу.

(Гадяч.)

*

17 Ой як й узялы наши чумаченькы з-пид байраку выходыты,
Ой як й узялы вражи здобышнычкы частом до нас доиздыты;
Ой выихало вражых здобышнычкив сорок коней ще й чотыри,
Ой як сталы воны наперед возив й а вси возы запынылы:
Ой вы, чумакы, все вы яретычи, чи багацько грошей е в вас?
Гей, е в нас гроши, здобышнычкы, сорок тысяч ще й чотыри.
Ой вы, чумакы, все вы яретычи, который в вас та отаман?
Ой як зыйшлося наше товарыство та докупы головамы;
Як посчыталы, зараз и сказалы: Гаврыленко наш отаман!
Ой як выскочыв вражій здобышнычок та й на коня вороного;
Ой як ударыв срибным спысом в груды, аж йому спыс зогнувся—
Ой Гаврыленко стоить, не вступывся: обернувся, осмихнувся...
Ой що-ж мы будем, наше товарыство що-ж тепер будем робыты,
Ой що багато вражых здобышнычкив з сього свита й губыты!..
Ой пидоймайте, хлопци, вийя в гору, таганамы пидоприте;
Ой берить з возив, берить шпуровання, ще й ватажку почепите
Гей отто-ж тоби, превражый ватажку, та й на свити не жыты;
Ой то-ж тоби, превражый ватажку, нас десятьох не побыты!

(Брацлав.)

Та йдуть волы дорогою, та все бедратіи,
А за нымы чумаченькы, та все жонатіи;
Та йдуть волы дорогою, та все круторогі,
А за нымы чумаченькы, та все чорноброви;
Та йдуть волы дорогою, та все половіи,
А за нымы чумаченькы, та все молодіи;
Та йдуть волы дорогою, бычкы невелычки,
А за нымы чумаченькы мали невелычки.
Волы ревуть, воды не пьють, дороженьку чують;
Ой десь наши чумаченькы пид Крымом почують.
Ой у степу край дорози розсіяно жыто —
Ой десь того чумаченька пид Крымом убыто,
Зеленою олывою оченькы залыто,
Червоною кытайкою головоньку вкрыто.
Молодая дивчынонька тее жыто жала,
Та й пидняла кытаечку та й поциловала.
Бодай же вы, чумаченькы, у Крым не ходылы,
Щоб вы свому отцю й неньци жалю не робылы!

(Гадяч.)

Сыдыть Цымбал да пид вербою, горилку кружае;
Прыйшов йому старый Байдар — вин горилочку кружае —
Прыйшов йому старый Байдар, словце промовляе:
„А годи, годи, да старый Цымбал, горилкы кружаты!
Превражіи бусурмены негаразд зробылы:
Уси волы позаймалы, крывого лышылы,
Одного крывого, другого старого!„
Ударывся Цымбал старый об полы рукамы:
— Тепер же мы, мыле братьтя, навикы пропалы! —
Ой як крыкнув Цымбал старый на хлопця малого:
— Сидлай, хлопче, сидлай коня, сидлай вороного, —

Давай знаты в третю рату аж до Кошового, —
Давай панам знаты, давай панам знаты,
Нехай дають порадоньку волив обшукаты! —
Бижыть хлопець, бижыть малый густымы тернамы, —
Похылылысь густи травы, де волы погналы.
А у городи в Барышполи в уси дзвоны дзвонять:
Не журитесь, мыле братьтя, назад волы гонять!
Теклы ричкы певелычкы, тече вода зтыха;
Набралыся чумаченькы з Татарвою лыха.

(Канев.)

Ой котылось сонечко по-над горою
А над тію та чумацькою дорогою.
Стало сонечко прыгривать,
Сталы того чумаченька волы прыставать,
Сталы його чумаченькы покыдать.
Ой вы, чумаченькы, вы братьця мои,
Не кыдайте-ж мене, братьця, в чужій сторони:
Ще-ж я в чужій сторононьци не прывык—
В чужій сторононьци нема роду, ни родыночкы,
Ни до кого прыхылыты и голивочкы;
Выкопайте, братця, в моим двори крыныцю,
Чы не прыйде мыла брать холодную водыцю...
Прыйшла мыла воды брать, мене молодого не пизнала:
Беру з плеча видеречко, вона не дае;
Даю, даю золот перстень, вона не бере —
Тилько мени молодому жалю завдае.

(Гадяч.)

Думав я женытыся, а тепер не буду;
Куплю сыви волы, чумаковать буду.

Идуть волы, идуть возы, выскрыпуючы,
А чумачок у кабачок выгукуючы.
Зійшло сонце веснянее, стало прыгривать,
Сталы волы чумацькіи в степу прыставать.
Выкопаю кырныченьку в степу в кремени,
Чы не прыйде дивчынонька по воду к мени.
Аж прыходыть дивчынонька воды набирать,
Чумак іи за рученьку, та й став жартовать.
Выкопав я кырныченьку, выкопав я дви;
Выкохав я дивчыноньку—людям, не соби.
А вже-ж з тіи кырныченькы орлы воду пьють,
А вже-ж мою дивчыноньку до шлюбу ведуть.
Одын веде за рученьку, другый за рукав,
А я иду́, серцем вьяну, що любыв та не взяв:
Поставылы на рушныку: „тепер ты моя?„
Вона стала, одказала: „неправда твоя!„
Ой звьязалы билы ручкы: „тепер ты моя?„
Вона стала, одказала: „неволя моя!„

(Васильков.)

Ой прывелы до церковкы: „тепер ты моя?„
Вона йому одказала: „неправда твоя!„
Вона стала, заплакала: „неволя моя!„

(Радомысль.)

Ой у недиленьку рано пораненьку а сонечко зходыть;
Эй уже сын, сын Гаврыленко у дорогу выходыть.
Ой як прыйшов-же сын Гаврыленко а до чумакив до валкы:
„Здоровы будьте, молодіи чумакы, прыймить до своеи валкы!„
— Эй якый-же ты, та сын Гаврыленку, такый дурень уродывся,
Що ты прыйшов та до становыща та не перехрестывся!—

Як рушылы молоди чумакы эй по трахтырах пыты,—
Эй тилькы та сын Гаврыленко сам волыкы доглядав.

(Чигирин., Канев.)

Чомусь мои волы не пасуться, да не будуть воды пыты;
Лучче було-б хазяинуваты, ниж по дорогам ходыты!
Хазяин дома та хазяинуе, па билому спаты лягае,
А безщастный чумак у дорози всяку муку прынимае!
Стеле хазяин та пуховую пуховыцю,
А безщастный чумак у дорози та нещасну важныцю!
Занедужав та чумаченько, на драбыну похылився;
За пым идé отець, маты: мій сыночку! не журыся!—
Занедужав чумаченько, задумав умерты,
Та никому чумакови доглядиты смерты.
— Помынайте-ж чумаченька хоть цвилымы сухарямы!
— Ой рады-б мы помынаты, стало харчив не ставаты!
Нарядылы тому чумакови труну из рогожи.
Поховалы того чумаченька край зеленого лугу!
Злетив пугач на ворота: як пугу та й пугу!
Поховалы, маты, сына край зеленого лугу.
Злетив пивень на ворота, сказав: кукурику!
Не дожыдай, маты, сына до себе до-вику!
Выйшла маты за ворота та й стала плакаты:
Колы тебе, мій сыночку, в гости дожыдаты?
— Тоди мене, моя маты, будеш дожыдаты,
Як поросте зеленая трава в хати на помости!—
Росла, росла зеленая трава, стала посыхаты;
Ждала, ждала маты сына, стала забуваты.

(Конотоп.)

*

6 Стелеться тому чумакови та зеленая травыця,
А в головы замись подушечкы та безщасная важныця.
Ой у поли да калынонька, похылылыся виткы —
Не одынъ чумак покыдае жинку и маленьки диткы.
Ой у поли да крыныченька, тилько водыця слезыться—
Не рад чумак да чумаковаты, дак не мусыть оплатыться.

(Переяслав)

БУРЛАЦКО-СИРОТСКІЯ.

Ой зійду, зійду на гору крутую,
Та подывлюся, як люды жывуть,
Та подывлюся, як люды жывуть,—
А люды жывуть, як макы цвитуть!
Ой жытье-ж мое гореваньнячко!
Куды ни пиду, добра не знайду;
Куды ни пиду, щастья не знайду;
С кым я ни стану, славы достану;
Пиду до сусид, там порады нит.
Ой пиду, пиду я в .... кабак,
А у кабаци все пьють багачи,
А у кабаци все багачи пьють,
Мене-ж молодця в потылыцю бьють:
„Пиды-ж ты чумак, пиды-ж ты дурак,
Пиды-ж та проспысь, з умом изберысь!„
Та вже-ж я проспавсь, из умом зибравсь;
Ой як був я богат, всяк мени був рад:
И за стил сажа, честью поважа,
Честью поважа, чарку палыва,
Чарку налыва, братом пазыва—

Выпый, брат, чарку! я налью другу,
Я другу налью, я тебе люблю!

(Лубн.)

На гору йду, не бычую;
А з горы йду, не гальмую; 2.
По ривному поганяю,
До шынкаркы прывертаю. 2.
Шынкарочко молодая,
Усып меду и вына! 2.
Ой я тебе давно знаю,
На сто рублив повиряю, 2.
На сто рублив повиряю,
А на двисти прысчытаю; 2.
А на двисти прысчытаю, 2.
Пьяныцею пазываю. 2.
Ты пьяныце, ты ледащо,
Пропыв волы, не-знать за-що. 2.
Пропыв волы, пропыв ярма;
Пишла худоба твоя дарма. 2.
Пропыв ярма и занозы,
А сам ходыш по дорози. 2.
А сам ходыш по дорози,
Пролываеш дрибни сльозы. 2.
Ой зійду я на могылу,
Та погляну на вкраину: 2.
На вкраини добре жыты,
А ни жаты, ни косыты; 2.
А ни жаты, ни косыты,
Тилко горлочку пыты. 2.

(Конотоп.)

Ковала зозуля у гору летючы,
Плакала сырота у службоньку йдучы:
„Ой Боже мій, Боже, з высокого неба!
Чи-ж мыни, сыроти, цяя службонька треба?
Служебный хлиб добрый, тилько вымовленый;
Хазяин хлиб крае, та все вымовляе.
Ой крае-ж вин, крае срибнымы пожамы;
Промовляе до мене щырымы словамы . . .„
Плакала сырота дрибнымы сльозамы!

(Житомир.)

Ой сив — запыв, ой сив — зажурывся;
Чумаченько молоденький без доли уродывся!
Ой чи твоя недоленька, чи мое нещастя?
Чи мени поробыла шынкарочка Настя?
Ой чи далы у хлибови зьйсты, чи у горилци спыты?
Доведеться чумакови на свити не жыты!
Пытается батько: де твоя, сыну, доля?
А чи в Сули, чи в Самари, чи у тыхому Дунаи?
Потопае моя доля край сынього моря, —
Ой хоть вона потопае, та ще й вырынае:
Вона свого отця, неньку усе спомынае,

(Гадяч.)

*

Запыв чумак, запыв бурлак, запыв — зажурывся, —
Ой тым же вин зажурывся, без доли вродывся;
Нема йому щастя-доли, нема йому доли:
Ой як пишов дорогою доленьку шукаты,
Та не найшов щастя й доли, найшов сыне море.
Ой як зийшов серед моря та й став потопаты,
Ой як зийшов серед моря та й став потопаты,

Червоною хустыною на берег махаты.
Нихто-ж того чумаченька не йде рятоваты,
Тилькы идé рятоваты його ридна маты;
Изострила рыбалочок та й стала прохаты:
Рыбалочкы молодіи, волить мою волю,
Рыбалочкы молодіи, волить мою волю!
Ой роскыньте тонкый невид по сыньому морю.
Рыбалонькы молодіи воленьку волылы,
Роскынулы тонкый невид, сына уловылы;
Тягнуть сына до бережка, з рота вода льеться.
Його маты старенькая в сыру землю бьеться.
Ой нате-ж вам, рыбалонькы, сюю копу грошей,
Що вытяглы мого сынка... якый вин хорошый!
Ой нате-ж вам рыбалочкы сього золотого,
Що вытяглы мого сынка та хоч нежывого!
Ой нате вам, рыбалонькы, хоч пыва напыться,
Що вытяглы мого сына та хоч подывыться!
Ой нате вам, рыбалочкы, хоч солы на страву;
Поховайте мого сынка як рыбоньку вьялу!
Выкопайте, рыбалонькы, глыбокую яму;
Ой насыпте, рыбалонькы, высоку могылу;
Посадите, рыбалонькы, чырвону калыну,
Ой щоб було выднисинько на всю Украйну.

(Кіев.)

Ой безщасный чумаченько, що в корчмы ночуе:
Рано встае, выно бере, всих людей частуе.
Що одну кварту выпывае, другу налывае;
Ой хто прыйде у жупани, братом пазывае.
За його добре найдяться,—за його й напьються,—
А як прыйде жыд грабовать, з його й насміються.

Да беруть в його худобоньку, сам не знае за-що;
Кажуть люды и говорять, що чумак ледащо.
Ой пійду-ж я да до моря — сыне море грае:
Ой рад-бы я утопыться, море не прыймае.
Прыймы мене, сыне море, бо й так мыни горе:
Горе-ж мыни мыж горамы жыты з ворогамы!

(Кіев.)

Летыть орел по-над морем: ой дай море пыты!
Горе, горе сыритоньци на чужыни жыты.
Летыть крячок на той бочок, да й сив на тычыни:
Плаче, плаче сыротына по своій прычыни.
Сыдыть козак на могыли, думае, гадае;
Як погляне на вкраину — тяжко-важко вздыхае:
— Есть у мене родынонька далеко од мене,
Перечув я через люде, цураеться мене.
Ой ты, моя родынонька, не цурайся мене;
Хоч сызою зозулькою перекуй до мене!
Туман, маты, по дорози у кучери вьеться:
Десь то моя лыха доля шляхом волочеться!
Волочешся, моя доля, иды утопыся,
А до мене молодого, во вик не вернысь!

(Лѣв. стор. Днѣпра.)

Нема в свити так никому, як бурлаци молодому:
Що вин робыть, выробляе аж пит очи залывае.
Де ты, бурлак, волочывся? заросывся, замочывся,
Зоросывся, замочывся, вечеряты опизнывся.
Лягай, бурлак и так спаты, бо ничого вечеряты —
До порога головамы, а до покутя ногамы.
Ще бурлака не послався, вже хозяин и проснався:

— Вставай, бурлак, годи спаты, пора у степ волы гнаты!—
Ой бурлака не вмывався, нема свыты—не вдягався,
Нема чобит—не вбувався, за воламы поспишався.
Пишов яром за товаром, а лугамы за воламы —
Трудно жыты з ворогамы!

*

Нема в свити гирш никому, як бурлаку молодому:
Чумак робыть и працюе, и пит очи залывае,
И пит очи залывае, хозяин бурлака лае,
Хозяин бурлака лае, а хазяйка помагае.
Прыйшов бурлак до хаты: дай, хазяйка, вечеряты!
„Не топыла, не варыла, нема чого вечеряты,
Нема чого вечеряты, лягай бурлак и так спаты!
Чи на земли, чи на лави, до порога головамы,
Завтра рано за воламы!„
Еще бурлак не стелывся, вже хазяин пробудывся;
Еще бурлак не вкладався, а вже хазяин проспався.
„Вставай, бурлак, годи спаты; пора в поле волы гнаты!„
Устав бурлак, зашатався, нема чобит — не взувався,
Нема свыткы — не вдягався, погнав волы — не вмывався,
Заросывся, замочывся... а де бурлак волочывся?
Яром, яром, за товаром, стежечкамы — за бычкамы,
А порою — за водою.
Чорна хмара выступае, дрибный дощык выкрапае,
Билый снижок выпорхае, бурлак нижкы пиднимае,
Батька-матерь нарикае:
„На що-ж мене, мать, родыла, щастя-доли не вдилыла!„

(Правой стор. Днѣпра.)

СОЛДАТСКІЯ.

Ой Боже мій, Боже, на що я вродывся?
Кинь вороный, сам молодый, та ще не женывся!
Треба мени, дивчыно, матери спытаты:
Чи звелыть маты коня продаваты?—
Не звелила маты коня продаваты,
Та звелила маты в поход выступаты:
Иды, сыну, за риднее братьтя,—
Дадуть тоби, сыну, салдацькее платьтя;
Иды, сыну, за ридну дытыну,—
Дадуть тоби, сыну, салдацьку ружыну;
Иды, сыну, за ридну сестрыцю,—
Дадуть тоби, сыну, салдацьку муныцю.

(Гадяч.)

Вы поля мои, вы шырокіи,
Вы роздолье мое, вы глыбокее!
Почому, поля, в вас зрожаю нема,
Тилькы зродыла трава шовковая?
Миж тыею травою куст ракытовый,
Пид тым кустом молодый салдат,
Молодый салдат, полковый сержант:
Сам убыт лежыть, возля конь стоить,
А в головах його ружьжьо чыстее,
А в руках його шабля гострая.
Що говорыть: пышу я пысьмо к ридному батюшци,
А як случыться — ридній матушци,
Що хотив, молодый, оженытыся —
Оженыла мене куля быстрая,

Повинчала мене шабля гострая,
Що я взяв жену — соби землю сыру.
(Чернигов., Нѣжин.)

ПРОМЫШЛЕННИЦКІЯ.

Майданщицко-лѣсницкая. [1]

Майданчыкы — окая-чыкы!
Да гирка ваша доля,
Що не вміете хлиба-солы йсты
Да з чорного поля!
Даж мы не оралы, даж мы не пахалы,
Да будем хлиба-солы йсты,
Ой як пидемо у щыры боры
Да берестоньку дырты.
Ой билая береза, билая береза,
Да тыхая розмова:
Ой десь-же моя любезная
Да в господи здорова!
Тече ричка невелычка
Да до лыманочка . . .
По тим боци на толоци
Былы мы колочкы:
Ой не одын й не два наши майданчыкы
Ходять без сорочкы.

---

(1) Майданщики-работники у гонки смолы.
(Остер.)

ПѢСНИ ШУТОЧНЫЯ.

Грыцю, Грыцю, до роботы!
В Грыця порвани чоботы.
Грыцю, Грыцю, до телят!
Въ Грыця ниженькы болять.
Грыцю, Грыцю, молотыты!
Грыць не здужае робыты.
Грыцю, Грыцю, врубай дров!
А Грыць щось-то нездоров.
Грыцю, Грыцю, до Маруси!
— Зараз, зараз уберуся! —
Грыцю, Грыцю, робы хлиб!
— Ахы, ахы, щось охрип! —
Грыцю, Грыцю, хоч женыться?
— Не могу отговорыться! —
Грыцю, Грыцю, кого взяты?
— Краще Гали не зыськаты!
Галюсенько, серце мое!
Чи пидеш ты за мене? —
„ Стыдкый, брыдкый, не люблю,
И за тебе не пиду! „

(Харьковъ).

Свитеться, свитеться зирочка в неби;
Дывыться, дывыться козак у двери.
— Одчыны, дывчыно, ты-ж моя пани! —

Як бы я пани, я-б слугы мала,
Я-б новіи воритечка поодчыняла;
А то-ж не пани, не попивночка —
В своему добри господыночка . . .„

(Лѣв. стор. Днѣпра)

Ой послала мене маты
Заступа позычаты;
Заступа не далы;
Застукалы булы.
Чы не се той Мыкыта,
Що з выльотамы свыта?
Пид виконцем зыгнувся —
Чы не выйде Маруся!
И Маруся выходыть
И оришкы выносыть;
Чы оришкы кусаты,
Чы Марусю циловаты?

Ой не стій пид викном,
Не махай рукавом;
Як я матыму час,
Сама выйду до вас.
Ой не стій пид дверыма, —
Моя маты Марына
По наддвирью ночуе,
Усю правду почуе.
Як ты йхав, то я спала;
Як ты свыснув, то я встала,
Та забула запытаты:
Чого свыстыш коло хаты?..

(Лѣв. стор. Днѣпра.)

Люлька моя червоная з вечера курылася;
Положыв ій на полыцю—упала, розбылася;
Обняв я головоньку, став я журытыся;
Бидна моя головонько, як люлькою розжытыся!
Пишов я до Кіева люлькы куповаты;
Найшов люльку червоную, ни-з-кым торговаты;
Узрив дивку на базари — пшоно продавала,
Вона мени и люлечку мою сторговала.
Як пишов я до дивчыны люлечку курыты,
Зняла вона сирячыну, та й хотила быты;
Та й побиг я через тын, ще й не зачеркнувся;
Як ударыв мужык ципом, тильки усмихнувся.

(Лебедин., Гадяч.)

Та просыв мене Гарасым, Гарасым,
Щоб я пишла граты з ным, граты з ным.
А я Гарасыма не люблю, не люблю,
И граты з ным не пиду, не пиду . . .
Ой мій мылый Грасымочку, Грасымочку!
Та пусты коня в долыночку, в долыночку,
Пустыв коня в долыночку, в долыночку!
А сам вин пъе горилочку, горилочку.
Ой пид лисом, дубыною, дубыною,
Та косыв ячминь сокырою, сокырою.
Ой козаче чорноусый, чорноусый,
Да чого в тебе жупан куцый, жупан куцый?
Та була в мене копа грошей, копа грошей,
Та зправыв я соби жупан довгый, жупан довгый;
А мене дивкы пидпойлы, пидпойлы,
И жупан мени пидкрайлы, пидкрайлы!

(Гадяч., Черноморія.)

Годи тоби, снигырушка, по горам литать;
Пора тоби, снигырушка, та пары шукать!
Узяв бы я сороку, так билобока;
Узяв бы я ворону, так довгопьята . . .
А тебе, союшка, чы взять, чы не взять?
А союшка догадлыва, сама полетила,
Сила-пала союшка на пичним стовпи,
Роспустыла крылечка по сырій земли;
Насупыла бровы ныжче пояса,
Коло еи снигырушка похожуе,
Стакан меду, добрый пыва пидношувае:
„Зволься ты, союшка, ты андреевна!„
— Ты выкушай, снигырушка, ты юхымовыч!—
„Годи тоби, союшка, по горам литать;

Пора тоби, союшка, прясты та ткать.„
— Годи тоби, снигырушка, пыты та гулять;
Пора тоби, Снигырушка, сіять та орать!—
„Мій батюшка ни сіявъ, ни орав;
Та все пшенышни булкы йидáв.„
— Моя маты ни пряла, ни ткала,
Да нага не ходыла, и по дви сорочкы носыла!—

Эта пѣсня, вѣроятно, усвоена изъ великорусской.

(Конотоп.)

— Кумасю, кумасю. ты повная роже!
Не цурайся мене, не дай тоби Боже!
— Ты кумцю, голубцю, ой будь же ты ласков,
Пусты мои каченята через сины на став;
Тоби-ж мои каченята не нароблють шкоды:
Ой напьються, наидяться, пидуть до господы.

(Кіев.)

Молодыи молодыци!
Чы таки в вас чоловикы, як у мене?
Бо у мене старычыще,
Не пускае на улыцю на игрыще . . .
А я свого старенького одурыла,
В полывьяним горшку борщу наварыла;
Наварывшы, поставыла,
Сама пошла на улыцю, та й гуляла.
А с гуляньня та до дому,
Зострычаю старенького на порогу.
„Де-ж ты, мыла, ночувала,
Що ты вчора з вечора не бувала?„
— На обори, мій мыленькый, ночувала;
Я твоеи худобонькы доглядала:

Чорна вивця окотылась
И рябая коривонька отелылась;
Чорна вивця та ягнычку,
А рябая коривочка да телычку. —
„Ой дзинькую[1] тоби, мыла,
Що ты меи[2] худобонькы доглядила!„

(1) Дякую. (2) моеи.

(Радомысль.)

Ой ты дуб, я береза;
Ой ты пьяный, я тверeза;
Ой ты старый, я молода;
Чом миж намы пелагода?

Ой я дуб, ты береза;
Ой я пьяный, ты тверeза;
Ой я старый, ты молода:
Тым миж намы пелагода...

(Гадяч., Лебедин.)

Ой посіяв жыто над водою,
Та вродыться яре жыто з лободою;
Ой хто сее яре жыто та прополе,
Хто мене молодую до дому проведе?
Озоветься старый дид з бородою:
Ой я сее яре жыто та прополю,
Ой я сюю молоду дивчыну до дому проведу.
Не подоба, старый диду, не подоба—
Тым я тебе полюбыла, що в тебе худоба;
Нехорошый, старый диду, нехорошый —
Тым я тебе полюбыла, що багато грошей.

(Лѣв. стор. Днѣпра.)

Захотила вража баба молодою буты,
Натыкала за памитку зеленои руты.
— Руто моя, руто моя, руто зелененька!
Я думала, що я стара, а я молоденька!—

Посадыла вража баба на трох яйцях гусака,
Сама выйшла на улыцю та вдарыла тропака:
Сыды, сыды, гусаченьку, та высыды гусы;
Я пиду подывлюсь на чорныи усы!

(Радомысль.)

Задумала вража баба та й забагатиты;
Пидсыпала курипочку, щоб вывела диты. 2.
Як пишлося вражій баби на биду, на горе:
Вылупыла курипочка усих тильки трое. 2.
Як погнала бабусенька курипочку пасты:
Сама сила пид тыночком куделыцю прясты. 2.
Ой хмарыться, туманыться, став дощ накрапаты;
Стала баба курипочку в хату заганяты. 2.
А ще в хату не загнала, — вже двое стоптала;
Назад тришкы повернулась, на третє спіткнулась. 2.
Як прыихав дид из лису, став бабы пытаты:
Що се нашых, бабусенько, курчят не выдаты? 2.
Ой не выдно, дидусеньку, вже й не выдно буде;
Як погнала я их пасты, пидзырылы люды. 2.
Як выхватыть дид из воза велыку претыку,—
Побыв баби, помолов — голову и пыку. 2.
Бодай тоби, вражый диду, права рука всохла,
Як ты мене понивычыв, що трохы не здохла. 2.
Бодай тоби, вражый диду, голова облизла,
Як ты мене понивычыв, що й на пич не злизла. 2.

(Конотоп.)

Що се нашых, бабусенько, курипъят не чуты?
Не чуть, диду, не чуть, старый, вже й не чуты буде:
Як гоныла на толоку, наврочыты люды . . .

(Гадяч.)

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Недавно окончены печатаніемъ,

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

НАРОДНЫЯ ЮЖНОРУСКІЯ ПѢСНИ.

Изданіе А. Метлинскаго. *КІЕВЪ. 1854.*

Это полнѣйшее собраніе Южнорусскихъ, т. е., Малороссійскихъ, или Украинскихъ, пѣсень, числомъ до 1000, болѣе нежели на 30 печатныхъ листахъ, или 500 страницахъ. Цѣна 2 рубля серебромъ. Продается: Въ Харьковѣ, у Издателя, Профессора Университета, Статскаго Совѣтника, Амвросія Лукьяновича Метлинскаго, и книгопродавца Петра Ивановича Апарина; въ Кіевѣ, у книгопродавцевъ Ивана Ивановича Литова, Степана Ивановича Литова, Іосифа Завадскаго и Павла Петровича Должикова.

Тамъ же продаются слѣдующія книги:

О сущности цивилизаціи и значеніи ея элементовъ. Соч. А. Метлинскаго. Харьковъ. 1839. Цѣна 1 руб. серебр.

Думкы и писни та ще де-що Амвросія Могилы. Изд. А. Метлинскаго. Харьковъ. 1839. Цѣна 1 руб. серебр.

Объ истинномъ значеніи поэзіи. Соч. А. Метлинскаго. Харьковъ. 1843. Цѣна 1 руб. серебр.

Южный Русскій Зборникъ (Его содержаніе: Предисловіе. Думкы и писни. Думы та спивы. Вовкулака. Наталя, або дви доли разом. Гарасько, або талан и въ неволи. Щыра любов.). Изд. А. Метлинскаго Харьковъ. 1848. Цѣна 2 рубля серебр.

Взглядъ на историческое развитіе Теоріи прозы и поэзіи. Соч. А. Метлинскаго. Харьковъ. 1850. Цѣна 1 руб. серебр.

Байкы и прыбаютки Левка Боровыковського. Изд. А. Метлинскаго. Кіевъ. 1852. Цѣна 50 к., съ пересылкою 75 к. србр.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Помѣщая, по желанію одного изъ моихъ сотрудниковъ, Н. М. Бѣлозерскаго, составленныя имъ правила при записываніи думъ, пѣсень и проч., я считаю долгомъ обратить особенное вниманіе любителей изслѣдованія народныхъ нарѣчій и памятниковъ словесности на прекрасныя этнографическія программы Русскаго Географическаго Общества, 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ и недавно составленную подробную этнографическую программу Высочайше утвержденной коммисіи для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа. Все, что будетъ мнѣ доставлено, по части народныхъ нарѣчій русскаго языка, сѣверныхъ или южныхъ, слова ли, пословицы, пѣсни, сказки или преданія и замѣчанія, я приму съ благодарностію и обнародую по мѣрѣ силъ и средствъ. Обращаться ко мнѣ прошу съ Августа мѣсяца (1854) въ г. Харьковъ, надписывая: Его Высокородію, Амвросію Лукьяновичу Метлинскому, Профессору Университета.

Правила

при записываніи народныхъ думъ, пѣсень, сказокъ, преданій и т. п.

1. Отъ кого что можно записывать?

Старинныя преданія, думы, пѣсни и пр., и особенно объ историческихъ событіяхъ и лицахъ, болѣе всего можно записывать отъ старожиловъ обоего пола и преимущественно отъ слѣпцовъ-кобзарей, бандуристовъ, лирниковъ; обрядныя и другія пѣсни, сказки и т. п. — болѣе отъ старухъ и вообще женщинъ; любовныя и подобныя пѣсни, преимущественно — отъ дѣвушекъ и парубковъ; колыбельныя и дѣтскія — отъ дѣтей.

2. Какъ что записывать?

Слѣдуетъ просить пѣвца или пѣвицу, раскащика или раскащицу, чтобы они припомнили самыя старинныя думы, пѣсни или преданія — особенно историческія (объ историческихъ событіяхъ и случаяхъ вообще; о разныхъ лицахъ, богатыряхъ, лыцаряхъ, характерникахъ, гайдамакахъ; о курганахъ, кладахъ и т. п.). Для этого слѣдуетъ напоминать имъ о

разныхъ историческихъ событіяхъ, лицахъ, и пр. Нелишнее заранѣе составить въ записной книгѣ подробнѣйшій реестръ вопросовъ, по которому и выпытывать пѣвцовъ и раскащиковъ. — Записывать думы и пѣсни слѣдуетъ сначала *со словъ*, т. е. заставивъ пѣвца сперва *проговорить* думу или пѣсню, *такъ какъ она поется*, не торопясь, припомнивши то, что слѣдуетъ проговорить. Записавши со словъ, просить *пропѣть*, и, если можно, то нѣсколько разъ, тоже самое. Во время пѣнія надобно внимательно слѣдить, такъ ли записано со словъ, какъ поется, и дополнять пропуски, поправлять ошибки. — Въ думахъ слѣдуетъ означать значкомъ — черточкою, на какомъ стихѣ пѣвецъ оканчиваетъ куплетъ.

Записавши думу или пѣсню со словъ и повѣривши во время пѣнія, слѣдуетъ, не торопясь, прочитать записанное пѣвцу, котораго спрашивать: такъ ли записано? не пропущено ли что нибудь? и, по его замѣчаніямъ, дополнять пропуски и исправлять ошибки. Послѣ, просить пѣвца или пѣвицу, чтобъ объяснили особенныя слова, невразумительныя выраженія; къ собственнымъ именамъ, о событіяхъ и пр. дѣлать примѣчанія, со словъ пѣвца; также слѣдуетъ записать, которая дума или пѣсня, по мнѣнію пѣвца, древнѣе.

Если пѣвецъ не помнитъ всей какой либо думы или пѣсни, то записывать и отрывки, даже еслибъ они заключались въ нѣсколькихъ стихахъ, или, еслибъ даже пѣвецъ не могъ ихъ пропѣть, а только могъ проговорить, урывками.

Преданія, сказки и т. п. записывать со словъ; если чего нельзя успѣть записать отъ разу, то оставивъ въ книгѣ чистое мѣсто, продолжать записывать разсказъ далѣе, непремѣнно слово въ слово. По окончаніи разсказа, просить раскащика повторить незаписанныя въ книгу мѣста. Въ прочихъ случаяхъ, поступать такъ какъ при записываньи думъ и пѣсенъ. Мѣста, которыя поются, отмѣчать особымъ значкомъ.

Пѣвцовъ и раскащиковъ слѣдуетъ распрашивать: о ихъ имени, прозвищѣ, лѣтахъ, званіи, ремеслѣ; гдѣ, отъ кого и когда выучились думъ, пѣсень, сказокъ или слышали преданія; кто именно еще, кромѣ него, знаетъ думы, пѣсни, преданія и пр., — какія именно (т. е. о чемъ, или о комъ), гдѣ живетъ, и пр. Также, нелишнее *записывать* и біографическія свѣдѣнія о пѣвцахъ и раскащикахъ, ими самими сообщаемыя.

При записываніи обрядныхъ пѣсенъ, сверхъ всего, слѣдуетъ отмѣчать: въ какомъ случаѣ какая поется.

При каждой думѣ, пѣснѣ, сказкѣ, преданіи и пр. должно означать: отъ кого, гдѣ (т. е. отъ жителя какого мѣста) записаны.

При записываніи, вообще, должно быть точнымъ до мелочей: записывать каждую букву, какъ она произносится пѣвцомъ или раскащикомъ; ставить, гдѣ слѣдуетъ, на слогахъ, ударенія, пояснять, по замѣчаніямъ пѣвцовъ и другихъ, неудобопонятныя слова и выраженія; а собственныя имена, названія и пр. объяснять такими же примѣчаніями.

Правописанія держаться одного какого либо, разъ принятаго.

При этомъ, для облегченія себя и другихъ, полезно составить, по прилагаемому образцу:

Списокъ

Кобзарей (бандуристовъ) и лирниковъ.

1. Черниговской губерніи. *Черниговскаго уѣзда*: въ Шибариновкѣ, за Бѣлоусомъ; въ Сиберяжи, около Шибариновки. *Сосницкаго:* въ Едутахъ — Гордій и Савка; въ м. Александровкѣ — Андрей Шутъ; въ м. Менѣ — Андрей Бешко; въ г. Сосницѣ — Алексѣй Ракъ; въ Волынкѣ (нѣсколько); въ Ольшаномъ; въ Воловыцѣ, и гдѣ-то въ уѣздѣ — Дяконенко. *Борзенскаго:* въ Гутовкѣ; въ Буромкѣ, и друг. мѣстахъ. *Кролевецкаго:* въ Божку, близь Алтыновки. Въ этомъ уѣздѣ, или Глуховскомъ кобзари знаютъ думу про Бруховецкаго. *Стародубскаго:* въ Семяновкѣ — Антыпъ; въ Спасскомъ — Павелъ Козелъ. *Городницкаго:* въ Новыхъ Боровичахъ; въ новомъ Ронскѣ (нѣсколько). *Конотопскаго:* въ Куренѣ; въ Грыгоровкѣ, и друг. мѣстахъ.—Въ Черниговской губ. кобзарей особенно много въ сѣверныхъ уѣздахъ, и они пользуются, между собратіями, особеннымъ авторитетомъ.

2. Харьковской губерніи. *Въ г. Харьковѣ*, близь холодной-горы,— Гарбузъ. *Харьковскаго уѣзда:* въ Ольшанѣ, подъ Харьковомъ — Левко и Петро Колибабы; Ахтырскаго: въ Тростинцѣ, — Залавскій.

3. Полтавской губерніи. *Прилуцкаго уѣзда:* въ Сокиринцахъ, въ имѣніи Гр. Пав. Галагана. *Гадячскаго:* въ Розбишевкѣ и проч.

Кіевъ. Въ Университетской Типографіи. Печатать позволяется. 21 Мая 1854.
Цензоръ *Д. Мацкевичъ*.

ОПЕЧАТКИ И ПОЯСНЕНІЯ.

Стран.	*строк.*	*Читать.*
1	18	кволило
5	3	Дивчыно
6	2	мыленький
—	10	дивчыну
7	17	козаченьку
8	21	дожыдаты
15	26	Нехай
16	16	хто
20	8	козаченька
21	12	чумачына
—	—	*(лучше)* з села *(нежели)* за село
—	17	пьяльця.
33	7	мае.
37	7	пьяныченьку
40	3	ричку.
41	10	ильляный *(лучше нежели)* льняный
43	12	*(Оно не въ опечатка, значитъ* только; *въ Червоной Руси* ено*)*
53	13	соболю *(иногда вмѣсто)* собою
—	19	промов,
60	11	тебе.
83	11	розмовоньци
88	24	козаченькы
89	6	розивьеться
95	4	носять,
96	5	чотыри
102	11	тебе
106	22	зостанусь
107	16	так
114	4	перегорожу
122	9	По дорози вм.—По дорози
—	—	чорна: вм. чорна
156	2	дивит-вечер, *вѣроятно, значитъ* дивич-вечер.
163	14	пытавсь

Стран.	*строк.*	*Читать.*
176	2	на вм. не
—	5	не вм. на
183	24	слала
202	15	солодесенька
207	17	як вм. я
209	19	свому
243	2	спала
244	9	пущу
253	1	на
257	19	нагорювалась
267	14	Годуй
273	16	долю
—	17	недолю
287	26	рожови
350	29	прожываты
357	15	Л.
380	19	кабаку
386	—	у-двох
389	17	оттогди-то
395	11	слава
398	16	дванадцять
467	1 (в концѣ)	дивчыно

Примѣч. кыряця вм. крыняця, коло-ривна вм. короливна, журуся вм. журюся, дивчынонька вм. дивчынонько, керез вм. через и проч. т. п. не опечатки, а мѣстный выговоръ.

НАРОДНЫЯ ЮЖНОРУССКІЯ ПѢСНИ.

Изданіе А. Метлинскаго. *КІЕВЪ. 1854.*

Это полнѣйшее собраніе Южнорусскихъ, т. е., Малороссійскихъ, или Украинскихъ, пѣсень, болѣе нежели на 30 печатныхъ листахъ, или 500 страницахъ. Цѣна 2 рубля серебромъ безъ пересылки. За пересылку прилагается за 2 фунта. Продается: Въ Харьковѣ, у Издателя, Профессора Университета, Статскаго Совѣтника, Амвросія Лукьяновича Метлинскаго, и книгопродавца Петра Ивановича Апарина; въ Кіевѣ, у книгопродавцевъ Ивана Ивановича Литова, Степана Ивановича Литова, Іосифа Завадскаго и Павла Петровича Должикова.

Тамъ же продаются слѣдующія книги:

О сущности цивилизаціи и значеніи ея элементовъ. Соч. А. Метлинскаго. Харьковъ. 1839. Цѣна 1 руб. серебр.

Думкы и писни та ще де-що Амвросія Могилы. Изд. А. Метлинскаго. Харьковъ. 1839. Цѣна 1 руб. серебр.

Объ истинномъ значеніи поэзіи. Соч. А. Метлинскаго. Харьковъ. 1843. Цѣна 1 руб. серебр.

Южный Русскій Зборникъ (Его содержаніе: Предисловіе. Думкы и писни. Думы та спивы. Вовкулака. Наталя, або дви доли разом. Гараська, або талан и въ неволи. Щыра любов.). Изд. А. Метлинскаго Харьковъ. 1848. Цѣна 2 рубля серебр.

Взглядъ на историческое развитіе Теоріи прозы и поэзіи. Соч. А. Метлинскаго. Харьковъ. 1850. Цѣна 1 руб. серебр.

Байкы и прыбаюткы Левка Боровыковського Изд. А. Метлинскаго. Кіевъ. 1852. Цѣна 50 к., србр.

LIBRARY OF CONGRESS
00023959070